Е.К.АНИЩЕНКО

ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ

Е.К.Анищенко

ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ

(Белорусская синагога в царствование Екатерины II)

Минск, 1998

УДК 314.7 (=924.5)
: 323 (470/031)
ББК 63.3 (2=Евр.)
А 67

The publication
was made possible through a generous contribution of the
American Jewish Joint Distribution Committee

Издание
вышло в свет благодаря щедрой поддержке
организации "Джойнт"

הוצאתו לאור של ספר זה נתאפשרה בתמיכתו הנדיבה של

ארגון הג'וינט העולמי

Рекомендовано
Редакционно-издательским Советом
при Белорусском объединении еврейских общин и организаций.
Председатель Совета профессор А.Т.Лейзеров

Анищенко Е.К. Черта оседлости (Белорусская синагога в царствование Екатерины II). — Мн.: "Арти-Фекс", 1998. 160 стр с илл.

А 67

В книге впервые подробно прослеживается, как белорусских евреев вначале признали подданными императорской России, а затем запретили повсеместное жительство в ней. Это всесторонний взгляд на оформление и введение знаменитой черты оседлости. Книга соединяет научную дотошность с занимательным изложением множества малоизвестных архивных фактов и персонажей. Она рассчитана в первую очередь на тех, кто за белыми пятнами истории старательно ищет темные силы, которые "нас злобно гнетут".

ISBN 985-6119-08-1

© ПКП "АРТИ-ФЕКС". 1998 г.

ПРЕДЫСТОРИЯ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ

Четыре года назад один из авторов этих строк просматривал в академической библиотеке первый номер журнала "Известия Академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук" за 1993 г. Самым интересным материалом этого номера оказалась статья Е.К.Анищенко "Подготовка к введению черты оседлости в Беларуси (1781—1793 гг.)". В ней были показаны идеологические и хозяйственные мотивы введения черты оседлости в Полоцкой и Могилевской губерниях. Автор статьи убедительно показал, что лейтмотивом ограничительного законодательства царизма в отношении евреев являлось стремление монополизировать реализацию и переработку сельскохозяйственной продукции в руках дворянства.

И вот перед нами монография "Черта оседлости (Белорусская синагога в царствование Екатерины II)". Ее автор Евгений Константинович Анищенко — один из самых талантливых белорусских ученых-историков среднего поколения. Его статьи по истории Беларуси XVIII—XIX вв. можно часто встретить в исторических, общественно-политических журналах и газетах.

В книге Евгения Анищенко исследуется одно из самых важных событий истории евреев Беларуси — установление черты оседлости. Именно этой проблеме посвящены многие статьи ученого, опубликованные в последние годы.

По некоторым данным, евреи появились на белорусской земле тысячу лет назад — на рубеже X и XI вв., хотя первый письменный источник о жизни евреев на этой территории относится к 1388 г. Они внесли немалый вклад в развитие экономики белорусских земель, науки и культуры страны. Долгое время евреи составляли значительную часть, половину, а в ряде мест и подавляющее большинство населения городов Беларуси. В 1897 г. евреи составляли 13,7% населения этих земель. Уроженцами Беларуси были знаменитые писатели, художники, скульпторы, музыканты, артисты, ученые, внесшие огромный

вклад в развитие не только еврейской и белорусской, но и мировой культуры, видные политические и военные деятели многих стран мира. Многие из них прожили часть своей жизни или всю свою жизнь в черте оседлости. Для некоторых евреев черта оседлости стала большим тормозом в осуществлении их мечтаний, настоящей трагедией в их жизни.

Именно эти обстоятельства усиливают интерес читателей к книге Е.К.Анищенко "Черта оседлости". Применительно к белорусским евреям это первая в мире монография по данной проблеме.

Черта оседлости — часть территории Российской империи, на которой разрешалось постоянное проживание евреев. Дело в том, что в XV — середине XVIII в. в России не было постоянного еврейского населения, а евреям-иностранцам доступ в страну, как правило, был закрыт. В 1769 г. для евреев была открыта Новороссийская губерния (юг Украины).

По первому разделу Речи Посполитой в 1772 г. к Российской империи отошла восточная часть Белоруссии, и около ста тысяч евреев, разбросанных по ее городам и местечкам, неожиданно стали российскими подданными. "Вся Белоруссия кишит ими", — отметила Екатерина II в частном письме. И не было уже никакой возможности изгнать их из России на основании прежних законов. Слишком уж велика была роль евреев в хозяйственной жизни: их выселение подорвало бы экономику только что присоединенного края.

Сенатским указом 1776 г. было узаконено существование кагала — преимущественно как фискального и судебного учреждения, удобного для российской администрации. По представлению генерал-губернатора Чернышева, евреи в Беларуси были выделены в особую податную и сословную единицу.

Расписанные по кагалам, они были включены в сословие мещан, а с 1780 г. получили право записываться в купечество и участвовать в сословно-городском самоуправлении. В 1783 г. правительство сделало решительный шаг, признав право евреев записываться в купечество, участвовать в городском самоуправлении, избирать и быть избранными наравне с христианами в члены магистратов, ратуш и городских судов.

И они не замедлили воспользоваться правом записываться

в купечество. В 1784 г. в Могилевской губернии из 15593 евреев, обложенных государственным сбором, числилось в купечестве 10%, в то время как среди христианского торгово-промышленного класса из 7522 душ было купцов 5,5%. В Полоцкой губернии евреи уступали в процентном отношении христианам, среди которых купцы составляли около 7,5%, но все же и здесь из среды еврейского населения около 6,5% записалось в купечество.

Торгово-промышленное сословие было прикреплено к месту приписки. Но для Белоруссии было сделано исключение. На запрос, можно ли купцам переходить из города в город, "смотря по удобности их коммерции", сенат в 1782 г. ответил утвердительно, прибавив: особенно если от этого "можно ожидать приращения казенных. интересов". Здесь, по-видимому, речь шла о переходе из города в город лишь в пределах одной Белоруссии, но еврейские купцы стали записываться в Москве и в Смоленске.

В начале 1790 г. московское купеческое общество составило приговор, в котором указывалось, что вопреки законам (прежних лет, потерявшим силу. — ***Э.И.***) в Москве появилось из-за границы и из Беларуси "жидов число весьма немалое", причем иные отважились под именем прусских и белорусских купцов записаться в московское купечество: их деятельность грозит разорением местным купцам, а потому надо удалить их. В купечество по первой гильдии записалось в 1788—1789 гг. трое евреев, против них-то и ополчились московские купцы. Был упомянут еще могилевский купец, "польского королевского двора надворный советник" Нота Хаимович Ноткин (Натан Шкловер — по родному городу Шклову. — ***Э.И.***). В жалобе москвичей, представленной главнокомандующему, говорилось, что евреи занялись запрещенной законом разносной торговлей по домам, по дешевой цене, чем наносят торговле "весьма чувствительный вред и помешательство". Дешевизна товаров указывает, писали московские купцы, мол, на то, что это контрабандный товар; кроме того, евреи обрезают, как известно, монеты; возможно, они будут то же делать и в Москве. Купцы из Москвы отмечали, что некоторые из них (еврейских купцов. — ***Э.И.***) не указали, к какой национальности принадлежат, и таким пу-

тем им удалось записаться в здешнее купечество, и это одно уже показывает "хитрые их по всем вымыслы". По мнению москвичей, евреи строят свою торговлю на обмане, подтверждение тому — опять-таки что они "потаенно" записались в московское купечество. В заключение московские купцы объяснили, что они жалуются на евреев только в заботе о торговле, а "отнюдь не из какого-либо к ним в рассуждении религии отвращения или ненависти", потому и требовали удаления евреев из Москвы.

В действительности, московское купечество устраняло всех конкурентов, кто бы они ни были: дворяне, крестьяне, разночинцы и иностранцы, — все в одинаковой мере были им неугодны. Интересно, что те же мотивы, которые приводились в просьбе об удалении евреев, легли позже в основу ходатайства, направленного против торговли, производимой "ямщиками и прочими разночинцами".

Эту жалобу рассматривал Государственный Совет и определил: "не усматривается никакой пользы от допущения" еврейских купцов во внутренние губернии России. В соответствии с этим 23 декабря 1791 г. был издан указ Екатериной II о том, что право "гражданства и мещанства" предоставляется евреям только в Белоруссии, Екатеринославском наместничестве и Таврической области, чем и было положено начало "черты еврейской оседлости", т.е. установлено правило, запрещавшее евреям водворяться за пределами означенной территории.

По второму разделу Речи Посполитой, в 1793 г. к России были присоединены Правобережная Украина и центральная часть Белоруссии по линии Динабург—Пинск с городами Борисов, Минск, Слуцк, Несвиж, Туров, Пинск.

23 июня 1794 г. была узаконена расширенная черта оседлости евреев. Им разрешалось "отправлять купеческие и мещанские промыслы в губерниях: Минской, Изяславской (впоследствии Волынской), Брацлавской (Подольской), Полоцкой (Витебской), Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской и в области Таврической". Днепр по двум его берегам сделали центральной рекой "еврейской" территории.

В конце XIX в. в черту еврейской оседлости входило

15 губерний: Бессарабская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая (с 1893 г., кроме города Ялты), Херсонская, Черниговская и Киевская (кроме Киева, где евреи могли жить только в определенных частях города).

Вне черты оседлости правом на жительство пользовались купцы 1-й гильдии, лица с высшим или специальным медицинским образованием, некоторые категории ремесленников, солдаты, проходившие службу по рекрутскому уставу, и их потомки.

Черта оседлости была наиболее тягостным для еврейских народных масс проявлением национального неравноправия.

В сознании многих людей сложился стереотип, что черта оседлости была уничтожена в результате Октябрьской революции. На самом деле это не так. Данное событие произошло после Февральской революции. 20 марта (2 апреля) 1917 г. законом "Об отмене вероисповедных и национальных ограничений" черта оседлости была отменена.

Монография Евгения Анищенко очень познавательна. Она знакомит читателя с неизвестными и малоизвестными страницами истории, жизни и быта белорусских евреев второй половины XVIII в.

Поражает источниковая база исследования. Это материалы Национального исторического архива Республики Беларусь, архивов Российской Федерации, Литовской Республики, Республики Польша, исследования еврейских историков Ю.Гессена, С.М.Дубнова, Л.Леванды, И.Г.Оршанского, Х.Коробкова, П.С.Марека, многих русских, польских, американских ученых, опубликованные как дореволюционные, так и новейшие книги и статьи на русском, белорусском, польском и английском языках.

Немалым достоинством книги является убедительность и аргументированность выводов автора.

Самая же главная, на наш взгляд, ценность монографии Евгения Анищенко — ее объективность. Книга "Черта оседлости" — достойный ответ фальсификаторам истории евреев Беларуси, выступавшим и выступающим на страницах журналов "Политический собеседник", "Беларуская думка", газеты

“Славянский набат”.

И еще. При всей объективности ученого как настоящего мастера анализа архивных фондов на многих страницах монографии сквозит сочувствие автора униженным и оскорбленным белорусским евреям.

Вдумайтесь только в такую мысль Е.К.Анищенко: "По крайней мере евреям численно преобладающий христианин пристрастился приписывать убийство Создателя и все чудесное, необъяснимое и неожиданное, вроде войн, эпидемий, революций. Но чудны дела твои, Господи! В конце концов удивительные феномены сводились к женскому коварству, русским морозам, комбинации звезд или к тому, в чем стыдливо признавались накануне своей или после чужой кончины”.

А на последней странице книги есть строки, которые подводят итог исследованию: “Указ 1791 г. о введении черты оседлости, по существу, открыто, официально узаконил нетерпимое отношение к евреям, которое последовательно издревле оглашалось русскими монархами. Все прелести гражданского бесправия евреев были выработаны до данного указа...”

Книга Е.К.Анищенко — это предыстория черты оседлости. Конечно, читателя интересуют ответы на такие жгучие вопросы: Как менялась черта оседлости с конца XVIII в. по 1917 год? Как жили белорусские евреи в условиях черты оседлости? Но это уже тема другой книги, которую ждет читатель от талантливого ученого и неутомимого исследователя Евгения Анищенко.

Э.Г.Иоффе,
академик Международной Академии
изучения национальных меньшинств,
доктор исторических наук,
профессор БГПУ им. М.Танка

А.Т.Лейзеров,
доктор юридических наук,
профессор БГУ

Ищите женщину и... еврея
(Из пожелания милой Светлане А.)

ВВЕДЕНИЕ,
или Краткая история заселения Земли евреями

Вначале их было двое при одном свидетеле или Творце — то есть все человечество состояло из прекрасной Евы и гадкого Адама. Но они любили друг друга. И это было правильно. Потом посещение фруктового сада ветреной особой завершилось грехопадением, и с тех пор изгнанники рая пустились осваивать Землю.

Из родовых мук вышли черные, белые, мулаты, метисы, просто загорелые, помимо цветовых оттенков разделившиеся на племена, общины (кагалы), народы, государства. Обрезание (монет, как и вообще всего крупного на мелкое) создало торговлю и индустрию. Они обеспечили людей пищей чистой (кошерной), скверной (трефной) и духовной (кабала и всякая иная изящная словесность). Отвергавших все это подвергали остракизму (анафеме или херему), а осужденные, в свою очередь, обращались в волны колонизаторов и миссионеров. Попутно изгои раздробились на философов (умников) и толпу (профанов), военных (палачей) и штатских (их жертв), угнетателей (вампиров) и эксплуатируемых (их доноров), правителей (всадников) и подданных (лошадей), туземцев (коренных) и иноземцев (пристяжных), и несть числа тому делению. И все это было неправильно, как и то, что различные историографы, хронографы, моралеографы и все, что заканчиваются на "графы", разделили людской род на избранных (евреев) и остальных (христиан).

По крайней мере евреям численно преобладающий правоверный христианин пристрастился приписывать убийство Создателя и все чудесное, необъяснимое и неожиданное, вроде войн, эпидемий, революций. Но чудны дела твои, о Господи! В конце концов удивительные феномены сводились к женскому коварству, русским морозам, комбинации звезд или к тому, в чем стыдливо признавались накануне своей или после чужой кончины. Так человечество умножалось и путешествовало в творческих занятиях, пока где-то в

XIV в. не достигло края Земли. А находился этот рубеж там, где сочинены эти строки, — истинно Вам говорю. И звалась эта местность тогда Великим княжеством Литовским или, на языке научного фольклора, Белорусско-Литовским господарством.

Дальше этой грани миссионеров не пустила устрашающая резолюция знаменитого русского царя Ивана Грозного. А назвал он скитальцев угрозой своему царству, ибо они "русских от христианства отводили, отравные зелья привозили и пакости многие нашим людям делали". С тех пор от "христоубийц" спасались крестным знамением, пограничной охраной и той санитарной гранью, которая называется чертой оседлости или ограничением района обитания. Все последующее является доказательством сказанного, за исключением разве того, что непонятно пока, почему именно в 1791 г. Екатерина II ввела эту самую черту оседлости.

Но прежде чем войти в подробности непостижимого, необходимо предвзято посмотреть, какой груз исторического наследия отягощал территорию, которая первой попала под власть императорской России и которую евреям отвели в черту оседлости. Тогда станет понятней — была ли смена подданства переходом евреев из царства свободы и толерантности в состояние тотальной неволи и бесправия.

Не скрою, появление данной книги лоббировано вездесущими евреями, так что автор поражен числом сочувствующих. Но больше всего он благодарен дружескому участию Л.Смиловицкого и воистину меценатской щедрости Л.Козлова.

ИНТЕРМЕДИЯ:

Неверные парии в саду терпимого Эдема

Заселение Земли евреями затронуло многоречивую Речь Посполитую и ее автономную часть — Великое княжество Литовское (ВКЛ). Но происходило оно не стихийно. Иммигранты внедрялись в незнакомую среду, неблагосклонную к чужакам, и потому здесь требовалось высокое покровительство.

Русскому царю Ивану Грозному 26 апреля 1713 г. вторил польский король Август II. Назвав евреев врагами христиан, которые "хитрым образом и подлогом" заполучили под печатью ВКЛ разные удобства в ущерб торгам христиан, запретил пронырам строиться домами и промышлять по городам. Приходилось оседать под крыло терпимых панов в их деревнях и местечках. 18 октября 1732 г. новый указ наказывал нарушителей запрета 1 тыс.коп. литовских грошей[1], уступив половину штрафа в пользу доносчика. Легко догадаться, что подобные устрашения провоцировали столкновения на имущественной почве в дополнение к расцветшим наветам о ритуальных преступлениях евреев[2].

О том, что с евреями на местах обходились совсем не в духе воспетого своей "пашанай да асобы" Статута ВКЛ, красноречиво говорят хотя бы такие факты. 7 января 1767 г в кохановской корчме Оршанского повета кровь арендатора пролилась под мстительные крики разъяренных мужиков и шляхты: "За невинную христианскую кровь!" Подобным образом пострадал корчмарь д.Подгай Лейб Герцикович в январе 1767 г. [3] Двое шляхтичей в Хомлевищах того же повета буквально выбили 175 руб. и 320 польских злотых: "сухими розгами.., сечением батогами и сожжением страшили" местного арендатора. 18 марта 1771 г. четверо евреев пали кровавыми

---

[1] НИАБ, ф.2567, д.70, л.358. (Около 2 тыс. злотых, или 10 тыс.руб. русских по тогдашнему курсу.)

[2] Гессен Ю. История еврейского народа в России. М., 1993. С.38.

[3] НИАБ, ф.1775, д.3, л.15, ф.1734, д.56, л.202.

жертвами крестьян и бояр д.Горностаево Псовского войтовства Полоцкой экономии[4]. Житейский антисемитизм в провинции литовской воплощала кличка "неверные", которым запрещалось показываться на улицах во время религиозных торжеств католиков. "Жиды" не смели держать христианскую прислугу, жить с христианами в одном доме, что вынуждало их селиться особыми улицами, кварталами в особой черте оседлости[5]. В этом отношении дискриминацию венчало постановление сейма 1768 г., который запретил евреям на всем пространстве ВКЛ заниматься торговлей, ремеслом, содержать шинки (торговые точки) без договоров с городами и местечками. Соответствующие занятия разрешались свободно только в городах королевской юрисдикции. В противном случае за покровительство неверным угрожал штраф в 5 тыс. червонных злотых, как, впрочем, и "жестокое наказание" самих жидов[6].

Короли не были всесильными в условиях избирательной системы, а их протекция сужалась по мере раздачи государственных имений (староств) в пожизненное держание или аренду влиятельным магнатам. Она еще менее посягала на сферу интересов могущественных землевладельцев, которые являлись полновластными хозяевами многочисленных местечек и сами не обходились без услуг евреев в качестве арендаторов, торговцев, корчмарей и т.п. Нередко евреи получали целые имения в аренду по инвентарю с распорядительной властью вотчинника, вплоть до права требовать с крестьян барщину. Нарушение держателями договорных условий с отягощением сельчан неуставными поборами выливались в массовые волнения с целью смены ненавистных управителей и

---

[4] *НИАБ, ф.1731, д.43, л.846; ф.1734, д.62, л.187.*

[5] *Дубнов С.М. Социальная и духовная жизнь евреев в Польше в первой половине XVIII века // Восход. 1899. Кн.1. № 1. С.9–12. О судебной практике ВКЛ в 60-е гг. XVIII в. см.: Анішчанка Я.К. Міжканфесійныя канфлікты ў Беларусі напярэдадні першага падзелу Рэчы Паспалітай // Весці АНБ. Сер.гуман.навук. 1995. №3. Он же. Адносіны духавенства і вернікаў на Беларусі ў 60–70-я гг. XVIII ст. // Там жа. 1996. №2.*

[6] *НИАБ, ф.2567, д.70, л.358.*

ограничения их произвола[7].

В этих условиях заботливым королям приходилось особо регулировать место евреев на подвластной территории — исключительными законами или привилеями. Касались они и той части еврейских общин, что в первой половине XVIII столетия организовались в областной съезд (Ваад) под названием Белорусская синагога. Согласно росписи поголовных податей за 1759—1760 гг., синагогу составляли 46 кагалов[8], которые платили 11246 польских злотых, или около 20% всех податей с кагалов ВКЛ.

Пожалуй, изначальное значение среди королевских даров имеет привилей от 9 ноября 1668 г., выданный могилевским евреям и подтвержденный в аналогичных актах за 1634, 1676, 1701, 1713 и 1730 гг. для всей Могилевской экономии — самому крупному государственному домену на востоке Белоруссии. Он сформулировал право евреев покупать и нанимать дома, заниматься купеческим торгом "товарами и всяким пропитанием", растить солод и "во всяком ремесле упражняться" без контроля цехов. Привилей 1731 и 1732 гг. по тому же Могилеву развернул предоставленные льготы более широко: члены местного кагала могли держать шинки, лавки для торговли в них сукном, строить школы. Они становились под-

---

[7] *Эти прецеденты отмечены в ст.: Анішчанка Я.К. Арэнда ў Беларусі ў XVIII—XIX стст. // Весці АНБ. Сер.гуман.навук. 1996. №3. С.64—65.*

[8] *По размерам годового оклада кагалы выглядели следующим образом: Быхов вносил 700 злотых. Белыничи — 240, слобода Белынковичи — 20, Бобр — освобожден, Витебск— 840, Головчино — 220, Городище — 150, Горы — 350, Дубровно — 402, Дрибин — 400, Колышки — 210, Кричев и Хотимск — 530, Кадин — 140, Копысь — 120, Костюковичи — 420, Крупки — 50, Красные Луки — 100, слобода Лазовичи — 40, Любавичи — 280, Лукомль — 10, Лиозно — 130, Могилев — 450, Мстиславль — 502, Межево — 75, Монастырек — 125, Петровичи — 77, Рудня — 60, Романов — 80, Радев — 100, Расосно и Хотюхово — 200, Староселье — 80, Сенно — 108, Смольяны — 600, Толочин — 320, Татарск — 100, Хиславичи — 370, Чаусы и Пропойск — 200, Черея — освобожд., Чериков — 316, Шклов — 1500, Шумячи — 380, Шамово — 210, Яновичи — 248 (НИАБ. ф.1731, д.36, л.615). Еще С.Дубнов заметил, что Белорусская синагога очерчивается границами будущей Могилевской губернии (Восход. 1894. №4. С.34.).*

судными только замку (королевской администрации), а за упражнения ремеслом вносили лишь 1/10 часть мещанских податей. Эти преимущества повторил Август III, уточнив указом от 9 декабря 1752 г. юрисдикцию своей администрации: при вызове в замковый суд возный (посыльный) вручал еврею приговор, а при неявке ответчик платил 6 грошей пени (1 злотый составлял 30 грошей). С апелляции полагалось 2 злотых -- то есть сумма поголовной подати[9].

Чериковская община евреев обрела привилегированный статус 11 апреля 1647 г., подтвержденный 30 марта 1758 г., в следующем виде: право заниматься виноделием (варением меда, пива, вина, водки), производить разные торги, покупать, строить и продавать дома, пляцы (усадьбы), лавки и ряды с уплатой в течение льготного срока при заселении не более 6 грошей с 1 моргового локтя. По истечении льготы земельная плата поступала в замок. В случае переуступок аренды иным мещанам за евреями сохранялась половина арендной суммы[10].

Льготы, полученные кагалом Витебска в 1729 и 1758 гг.[11], практически повторились в привилее полоцкой общине от 17 декабря 1764 г. Здешние евреи могли приобретать земли с домами, заниматься ремеслом вне цехов, купеческой и розничной торговлей, в том числе продавать мясо и напитки. В своих занятиях они зависели от суда воеводы (главы местной администрации). Указ полоцкому кагалу последовал вместе с подтверждением разнообразных гарантий всем евреям ВКЛ без указания Ваадов. 24 сентября 1773 г. король С.Понятовский издал старшинам виленского кагала Лазарю Менделевичу и Лейбе Мовшевичу указ, который повторил перечисленные правовые предостережения. Он постановил, что королевский (задворный) суд мог состояться только, когда евреи "в принадлежащих судах" не разберутся и не возьмут

---

[9] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.19, 21—23. Сюда следует добавить привилеи 1509 и 1522 гг.: Дубнов С. Евреи в Могилевской губернии // Восход. 1886. Т.6. № 9. С.4.*

[10] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.27; НИАБ, ф.295, д.21, л.33.*

[11] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.50—58. (Вероятно, привилей 1764 г. развивал традицию постановления от 27 ноября 1746 г.)*

апелляции в задворную асессорию. Конфликты между евреями улаживали кагальные старшины. В исках о значительных суммах денег следовало полагаться на веру заявителей, присягавших на 10 заповедях при амвонах школ (хедеров), а при взыскании небольших сумм — перед школьными дверями. Еврейское ремесло исключалось из регламентации цехов. Евреев освобождали от судебного преследования по субботам и их праздникам. Судебное разбирательство с христианами совершали городовые магистраты по обряду не магдебургского, а земского права[12]. Проще говоря, евреи не являлись полноправными горожанами, и их преследовали по праву помещичьей руки.

Как видно, королевское покровительство укореняло евреев в привычные занятия местных христиан. Они внедрялись в традиционные отрасли (торговлю, ремесло, виноделие), зачастую монополизировали их так называемым хазаком, чем возбуждали к себе неприязнь. Как экзотический элемент они постоянно находились под страхом быть обиженными, ограбленными, избитыми и убитыми. Короли постоянно повторяли постановления 1588, 1592, 1633, 1646, 1669, 1676, 1720 гг., которые исключали евреев ВКЛ из компетенции земских и гродских судов и передавали в ведение замков (воевод и старост) с апелляцией непосредственно к королю. Охранные грамоты королей напоминали откупные концессии и в таком качестве углубляли пропасть между фаворитами и иноверным христианским окружением[13]. Длительная цепь подтверждений показывает, что власти Речи Посполитой опасались оставлять евреев в юрисдикции обычных судов ввиду дремучести средневековых предрассудков и из-за ценности их как налогоплательщиков и арендаторов различных регалий. В основе этих предубеждений лежали вполне меркантильные интересы, которые воплотились в истории формирования кагальных долгов. Важно поэтому внимательно посмотреть на указанную сторону статуса евреев в преддверии их подчинения Российской империи.

---

[12] *НИАБ, ф.295, д.21, л.33 об.*

[13] *Леванда Л. Судьбы евреев в польской Речи Посполитой // Восход. 1886. №9. С.133—134.*

Свою первоначальную ссуду оршанский кагал занял в размере 5 тыс. злотых у местных ксендзов-доминикан под 7% годовых. В 1720 г. кагал давал уже 200 зл. и 2 пуда лою (масла), а первоначальный взнос был рассрочен до 1755 г. Натуроплата превышала самую капитальную сумму: 2 пуда лою в середине XVIII в. оценивались в 500 зл. Кагал, разумеется, запротестовал и заслужил судебный декрет, обязывавший его платить уже 10% совместно с соплеменниками из Смольян. Непосильная ноша заставила кагал в 1759 г. вновь прибегнуть к займу — 1005 зл. — у тех же кредиторов[14]. В 1765 г. кагал жаловался, что он в течение 40 лет выплатил весь долг под незаконные 13%. Однако поветовый суд начислил на него 13 тыс.зл. и присудил злостных неплательщиков к баниции, то есть к изгнанию с арестом имущества[15]. В итоге 11 кагальных старшин под круговой порукой заняли 4220 зл. под 5% у оршанских иезуитов с обязательством вернуть заём в течение 9 лет. При просрочке кагал соглашался на кляшторную экзекуцию, т.е. "нас, особ кагальных, либо детей наших, вещи наши без всякой правовой процедуры арестовывать, лавки опечатывать, товары, дома, движимость забирать в границах Польши и ВКЛ". Старшины обещали не искать внешней защиты, избегать вызова иезуитов в суд — все выглядело добровольной кабалой[16].

Сходным образом звучало обязательство, данное 4-мя старшинами черейского кагала в 1768 г. ордену доминикан из Белицы. За просрочку ссуды в 100 талеров (при 6% годовых) кагал добровольно подвергал секвестру свои лавки и хедеры "с вольным арестом нас, жен, детей, домашней движимости" и разрешал "нас самих по дорогах хватать"[17]. Вероятно, этим займом покрывались расходы по заимствованию 23 апреля 1765 г. у витебского воеводы графа И.Сологуба. Тогда кагал оговорил, что он уже "без всякого учета" рассчитался с прежним долгом, но указал на непосильность 5947 зл. по озерной аренде. Свои бедствия кагал объяснял стечением обстоя-

---

[14] *НИАБ, ф.1734, д.43, л.1177.*

[15] *НИАБ, ф.1731, д.41, л.784—786.*

[16] *НИАБ, ф.1731, д.43, л.1137.*

[17] *НИАБ, ф.1731, д.43, л.1293.*

тельств: "Одни купцы умерли, другие разорились, отчего от аренды упорствующие уклонились". Сюда добавились грабежи проходящих русских и конфедератских войск, двойная уплата подымного, поголовного, чопового (налог на винокурение), неурожай, дороговизна[18].

Подстолий Витебского воеводства С.Пиора в 1763 г. уложил с витебским кагалом 10-летний контракт на поставку соли из Риги, но вместо условленных 6 тыс. талеров внес только 2 тыс. в качестве задатка, а затем вытребовал вексель в 231 талеров через земский суд. Судебное взыскание в 1765 г. сопровождалось тем, что кредитор евреев "неволил", опечатал их школу, забрал плацы с домами, прогнал с кладбища. Свой ущерб кагал оценил в 20 тыс.зл.[19] Затем судебный экзекутор 7 ноября 1767 г. опечатал в слободке Песковатики бровары (пивоварни) и шинки, а к Моше Забежинскому приставил 12 солдат на бесплатный постой. От таких происшествий кагальный долг достиг 6587 талеров (52800 зл.). Из них орден бернардинов имел 1206 талеров, иезуитов — 600, доминикан — 915, кармелитов — 526, а остальную сумму поделили 12 частных лиц. Этот долг брестская судебная комиссия в 1766 г. разложила к уплате в течение 10 лет под 4% годовых из резницкой коробки (складки) под присмотром воеводы. При выборе коробки кагал обязывался успокоить кредиторов из собственных доходов. Правда, ему запрещалось самостоятельно опечатывать дома, лавки, школы и товары несостоятельных соплеменников.

Ради быстрого сбора средств витебский кагал добивался монопольного положения на местном рынке, что приводило к столкновениям с соседними кагалами. В 1767 г. он арендовал на 4 года кабак в городе у смоленского епископа Г.Водинского. Кредит в 12 тыс.зл. погашался ежегодно 4 процентами, за что кагал получил право производить напитки в виде пива, меда и алкоголя. На расстоянии 2 миль (около 15 км) вокруг города никто из лиц светского и духовного состояния не смел препятствовать ему в этом, а арендаторы с помощью управляющих капитула могли "хватать, грабить, на-

---

[18] *НИАБ, ф.1727, д.16, л.880–860 об.*

[19] *НИАБ, ф.1705, д.28, л.514–533; д.29, л.495–498.*

питки конфисковывать" своих конкурентов. Витебским мещанам разрешалось выгонять напитки исключительно на домашние нужды и только с разрешения кагала.

Взаимные распри между кагалами вершились и по поводу податной юрисдикции. К примеру, прикагалок местечка Освея с 1748 по 1767 г. никак не мог уладить спор за 10 тыс. талеров с кагалом местечка Друя, из которых 1850 зл. принадлежали ордену иезуитов, 1150 — четырем панам, 200 — мещанам. Брестская синагога прибегла в 1748 и 1753 гг. к такому средству нажима, как запрету прикагалку иметь свое кладбище. Друйский кагал даже добился судового декрета, подвергавшего их соперников упомянутой баниции[20].

Известно, что полоцкий кагал в 1741 г. взял у прозоровских ксендзов-францискан 200 талеров. На съезде в 1772 г. задвинсних кагалов, которые принадлежали к Полоцкой синагоге, долг был перенесен на двинский кагал вместе с облигами ордена. Споры еврейских общин растянулись до 1782 г., когда в дело вмешался полоцкий магистрат[21]. И, наконец, по определению ревизоров Могилевской экономии, на 20 июля 1767 г. долг могилевского кагала с учетом недоимки по процентам достигал 58 тыс.зл. Первоначальный капитал в 27886 зл. распределялся между орденом иезуитов

[20] *НИАБ, ф.1709, д.18, л.149—150; ф.1734, д.56, л.481, 636.*

[21] *НИАБ, ф.2424, д.3, л.35 об. Лаконичная запись упоминает Полоцкую синагогу в дополнение к известным 6-ти Ваадам ВКЛ (Дубнов С. Областные кагальные сеймы в воеводстве Волынском и в Белоруссии (1666—1764) // Восход. 1894. Т.13. №4. С.34). Тот же Дубнов отметил, что активная междоусобица между кагальным раввинатом и членами общин вспыхнула в 30—40 гг. XVIII в. по поводу неуравнительных поборов, налагаемых без участия уполномоченных от местных кагалов. Податная разверстка проводилась умозрительно, без учета хозяйственной состоятельности отдельных общин и с разными злоупотреблениями на почве раскладки сборов. Финансовые распри на податной почве привели к расколу в 1746 г., когда поверенные от Шклова потребовали, чтобы раввины Белорусской синагоги занимались исключительно духовными делами и не вмешивались в имущественные споры даже во имя миротворческих целей. Шкловская община даже вышла из синагоги в знак протеста. Ниже будет видна и иная подоплека конфликта, сделавшего Шклов центром раскола.*

(20600 зл.), бернардинов (9 тыс.), Баркалабовым монастырем (281 зл.), братской церковью (228 зл.). Остальная сумма следовала двум шляхтичам[22]. И это — при годовом доходе города, оцененном в 32831 зл.

Приведенные факты свидетельствуют, что еврейские общины Беларуси на протяжении длительного времени сформировали свои долги из заимствований преимущественно у созерцательных орденов католического монашества. Ростовщические проценты превращали эти ордена в настоящих пенсионеров еврейских кагалов, не говоря уже о том, что за счет поголовных и винокуренных сборов содержались хоругви литовской армии. Судя по ведомости за 17 декабря 1764 г., со всех евреев ВКЛ собиралось 60 тыс.зл. поголовных сборов, из которых 20 тыс. шло на хоругви. Одних просрочек по процентам литовские кагалы имели на 7492 зл.[23] Общий же долг кагалов ВКЛ оценивается в 2,5 млн.зл.[24], из которых около 1 млн. относился на счет Белорусской синагоги. Такова была обильная дань, которую с "неверных жидов" пожинало христианское (католическое) окружение.

В 1773 г., уже перейдя в русское подданство, еврейские представители увязали свои долги с уплатой католическому духовенству "подарков" (4% общинных сборов) в виде откупных за веротерпимость, для отклонения от необоснованных обвинений в смертях христиан (происходивших от рук разбойников, непогоды, пьянства), для погашения частных контрибуций на выкуп единоверцев, а также конфискованных школ, синагог. Свою жизнь в Речи Посполитой они с горечью называли "мучительным и позорным страданием", поскольку враги евреев "употребляли разные хитрости к совершенному злу и поношению нашему обществу дабы воспользоваться нашим имением"[25]. В том же году в Полоцке особое совещание, о котором пойдет речь ниже, занималось обсчетом ка-

---

[22] *НИАБ, ф.1775, д.4, л.195--195 об.*

[23] *НИАБ, ф.1769, д.13, л.1007--1110.*

[24] *Żydi w Polsce odrodżoney. Warszawa, 1932. S.107.*

[25] *Анішчанка Я.К. Арганізацыя кагалаў Беларусі пад час першага падзелу Рэчы Паспалітай // Беларускі гістарычны часопіс. 1995. № 3. С.18*

гальных долгов.

Их уплата была рассрочена, и кагалы были вынуждены возвращаться к печальному прошлому. В частности, полоцкий кагал в марте 1779 г. следующим образом толковал происхождение долгов. Он отметил, что до 1772 г. главенствовал над всеми кагалами Полоцкого воеводства, "называясь синагогой", и по апелляции подчинялся брестскому кагалу. Последний от имени всех синагог ВКЛ занимал ссуды и вносил их в королевскую казну за всех евреев ВКЛ в сумме 7500 талеров. Раскладку общих сборов совершали несколько поверенных от синагог, а при несогласии выборы делались жеребьевкой. Эта сумма распределялась между синагогами "по состоянию". Внутри синагог выбранные таким же путем поверенные собирали поголовные подати и недоимки.

С 1764 г. каждый кагал стал уплачивать по 30 коп. с души самостоятельно, что разожгло партикуляризм на местах и борьбу семейных кланов. Прежняя вертикальная система областных Ваадов рухнула, но литовская скарбовая комиссия получила строгие декреты неукоснительно взыскать остатки долгов брестского кагала "по обряду польских прав". Исполнение указа ознаменовалось вакханалией шляхетских наездов, распрями и кагалов, и панов. Полоцкий кагал утверждал, что за большие деньги мирил враждующих панов, чтобы из-за их взаимных обид не страдала еврейская масса. Для погашения возникших долгов он ввел дополнительные поборы с поветовых кагалов. Однако последние игнорировали его распоряжения. В 1772 г. все еврейские кредиторы ринулись требовать свои вклады посредством новых русских властей. Губернатор М.Кречетников потребовал от помещиков, чтобы они заставили опекаемые ими кагалы и прикагалки выслать своих поверенных для развязки болезненного узла. На совещании 1773 г. еврейские депутаты в течение недели разложили все долги и недоимки на кагалы и прикагалки присоединенной территории. На документе о разверстке была поставлена печать и расписались два шляхтича[26]. К сожалению, пока невозможно точно представить итоги этого распределения.

---

[26] *НИАБ, ф.2567, д.25, л.234–235.*

ПРЕЛЮДИЯ:

Торговля на границе с поркой невинных

Разгороженное видимыми-невидимыми рубежами человечество, как известно, соединяет торговля, что не обходилось без вездесущих евреев. Как раз в тот момент, когда Белорусскую синагогу стали сотрясать внутренние распри, сектантскую волну возглавил шкловский кагал. Шклову предстоит сыграть коварную роль в последующих событиях, и потому это славное местечко заслуживает нашего внимания.

Шкловом в середине XVIII в. владел влиятельный князь А.Чарторижский, который держал и другие имения вблизи русской границы. Согласно описанию за 1782—1783 гг., в местечке считалось 507 дворов, из которых половину населяли евреи. Они имели здесь школу с типографией[1]. Работали две фабрики по выпуску тафты, шелковых материй, атласа, бархата, поясов и разной золотой и серебряной парчи. В 120 лавках торговали купцы наездом из Могилева, Бабинович, Вязьмы. Три раза в неделю налаживались торги. На ярмарки три раза в год съезжались купцы из Риги, Гданьска, Лейпцига, Москвы, Петербурга. Несомненно, и ранее Шклов обслуживал транзитную торговлю между Россией и европейскими городами.

В середине столетия контрагенты торговли не брезговали надувать друг друга на разновесах, недовесах, подделках. Масла в огонь подлил запрет на вывоз из Российской империи звонкой монеты и излишние поборы таможенных пошлин с русских купцов администрацией ВКЛ. В результате неэкви-

---

[1] РГИА, ф.1320, оп.312, д.94, л.39 об. — 40. Эта первая еврейская типография в Беларуси учреждена на основании царского указа от 15 января 1783 г., который приравнивал типографии к обычным фабрикам и позволял учреждать их "каждому по своей собственной воле во всех городах империи" (ПСЗРИ-1. Т.21. №15634). Основал ее Цеви Гирш Марголис (Першын Г. Да гісторыі яўрэйскага друку на Беларусі // Наш край. Мн., 1927. №8—9. С.12).

валентного обмена[2] возник торговый дисбаланс, счет которому стороны выставили незамедлительно.

Чарторижский 10 сентября 1744 г. через русского посла в Варшаве графа К.Кайзерлинга потребовал 46740 руб. (около 311 тыс.зл.), должных евреям Шклова московскими, торопецкими, новгородскими, вяземскими и смоленскими купцами. Русские дипломаты, в свою очередь, добивались пропуска отечественных товаров за печатью и под охранными грамотами ВКЛ. Чарторижский снизил претензии и в марте 1745 г. вымогал у 48-ми русских купцов уже 29675 руб. Совет при царском дворе велел смоленскому губернскому правлению разобраться с должниками и 15 марта 1745 г. учредил в местечке Татарск комиссию с участием обеих обиженных сторон[3]. В марте 1746 г. она заседала в имении Мигневичи смоленского епископа Гедеона. Россию представляли поручик смоленской губернской канцелярии М.Потемкин, советник Д.Воронец, бургомистр главного магистрата Я.Елинский, шляхтич Я.Потемкин, купцы Ф.Рыбаков и П.Тыркин. Интересы шкловских жителей представляли не евреи, а управляющие — писарь коронного скарба В.Боровский и ломжский подстолий А.Станишевский.

Ряд русских купцов не замедлил пожаловаться комиссии на конфискации товаров шкловскими управителями и евреями, на вымогательство фальшивых квитанций с применением тюремного заключения и пыток[4]. Приказчик шуйского купца И.Н.Постникова А.Маракушин требовал с евреев Шклова 21828 руб, тогда как долг противной стороны оценивался в 46740 руб. Комиссары долго ссорились за перерасчет потерь на тогдашний разменный курс монет, поскольку управляющие Шкловом отказывались принимать русскую медь и просили компенсировать убытки не запрещенными к вывозу сибирскими ценными мехами. Литовская казна обещала продать дворы и имущество шкловских должников в счет их долга.

---

[2] *Анішчанка Я.К. Звычайны гандаль // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Тэзісы дакл. і паведамл. Мн., 1992. Ч.ІІ. С.125—127.*

[3] *АВПРИ, ф.21, 1744—1756, д.1, л.5, 85; 1746, д.3, л.7; 1744—1773, д.1, л.111.*

[4] *АВПРИ, ф.21, 1744—1756, д.1, л.138, 170—171; 1744—1748, д.2, л.7.*

Чарторижский воспротивился такому посягательству на свои вотчинные права.

В результате шкловские экономы до мая 1746 г. бездействовали, а русские комиссары не имели полномочий. Когда же явились шкловские евреи, то их принудили "без шапок и без скуфьев, босыми ногами стоя, присягать, что противно еврейскому закону". Вдобавок русские комиссары потакали своим купцам, которые по каждому решению поднимали "великой шум и крик и шкловских комиссаров ни во что не почитали". Опечаленные шкловские представители 16 июля 1746 г. объявили протест, жалуясь на "вымышленные церемонии, убытки и скуку". Иностранная коллегия России последовала их примеру, заявив, что шкловские комиссары живут за счет своих евреев. Для успешного течения дел она приравняла своих ответчиков к рангу полковников.

Очередной съезд сторон в сентябре 1746 г. превратился в оскорбительную дуэль. Особенно донимал шкловских губернаторов "мужик" Маракушин, который бесчестил Боровского и Станишевского, называя их "ворами", а суд шкловский — "разбойничеством, грабительством и мученьем российских людей"[5]. Шляхтичи же почитали жизнь свою равной чести, но вместо денег получали советы ехать в Сибирь за товаром. Препирательства длились до января 1747 г., когда за русскими купцами записали 53655, а за шкловскими евреями — 31634 руб.[6]. Для равновесия Чарторижскому предложили принять в качестве бесспорных 24837 руб. Гордый князь ответил, что он над шляхтичами не властен, что евреи — не крепостные, что русские купцы "сами себе вред причиняют", и им ничего не остается, как уплатить долги.

Больше всего — 36417 руб. — задолжали торопецкие купцы, которые из-за "убожества и грабежей в Белоруссии" собрали едва 812 руб. Тогда главный магистрат России 2 сентября 1748 г. под страхом жестоких наказаний потребовал долги с остальных купцов. Торопецким же пригрозили лишением имущества, ссылкой на каторгу если они не укажут

---

[5] АВПРИ, 1744–1756, д.1, л.392; 1746, д.3, л.17–18; Анішчанка Я. Шклоўскія ад Чартарыскага да Зорыча // Культура. 1996. №2.
[6] АВПРИ, ф.21, 1744, д.1Б, л.2–3,18–19; 1744–1748, д.2, л.104 об.

конкретных грабителей из Шклова. Городовая полиция засучила рукава и приступила к порке "невинных горожан", описанию и продаже лавок, товаров, заводов, даже поручительских[7]. Тогда из Торопца показали на шкловского жителя Г.Файбишовича, за котором числилось 1185 руб., и еще на четырех евреев (Ш.Хаймовича, М.Гиршановича, Л.Евелевича, М.Израелевича), должных 16581 руб.

Эти претензии Чарторижский счел ложными. Он ловко сменил управляющих, хотя и уступил в 1749 г. около 20 тыс.руб. Остальную сумму (до 56593 руб.) он требовал компенсировать сибирскими товарами. О евреях в этой игре речи уже не шло, так как князь заявлял через секретаря посольства в Петербурге, что он сам издержал на комиссию 12 тыс. гульденов[8] "из собственного мешка". Долг русского купечества стал предметом дипломатического торга. В апреле 1753 г. в распри вмешался чрезвычайный саксонский посланник Функ и просил российскую императрицу удовлетворить евреев прямо из казны. Но иностранная коллегия России понимала, что "мешок" Чарторижского, еврейские карманы и сибирские клады — суть вещи разные. 15 июня 1753 г. графы А.Бестужев-Рюмин и М.Воронцов назвали предложение Функа неслыханной дерзостью, ибо "нигде в свете не требовано, чтоб за партикулярныя долги казна ответствовала или платила". Иностранная коллегия отметила, что русские должники к уплате своей доли принуждены были жестокими мерами, вообще несостоятельны из-за "учиненных им от шкловских жидов и иных польских подданных грабежей и удержания у себя их товаров"[9]. Коллегия из одного благоволения к политическому влиянию Чарторижских согласилась на уступки.

Чарторижский немедленно выслал в Москву Станишевского, которого щедро одарили мехами сибирских зверей, бухарскими овчинами и калмыцкими кожухами — всего на сумму в 2 тыс.руб. Этот сентиментальный товар был пропущен через

---

[7] *АВПРИ, 1744, д.1Б, д.26 об.; 1744—1773, д.1, л.108; 1744—1748, д.2, л.38.*

[8] *АВПРИ, ф.21, 1744, д.1Б, л.24 об.; Анішчанка Я. Шклоўскія фальшывальнетчыкі // Беларуская мінуўшчына. 1995. №2. С.48.*

[9] *АВПРИ, ф.21, 1744, д.1Б, л.62, 70, 81.*

границу без всяких задержек и досмотра. Остальные деньги иностранная коллегия во имя тех же политических видов в Польше велела магистратам срочно и без послаблений взыскать с отечественных купцов. Розги снова загуляли по спинам невинных горожан, не щадя и выборных посадских. Репрессиями выколотили лишь 970 руб., однако с 30-ти купцов все равно причиталось 45113 руб., в то время как за шкловскими евреями числилось 9131 руб. Тогда порке подвергли членов магистратов Вязьмы и Торопца, что принесло еще 17 тыс.руб. Полицейские экзекуции не коснулись тел шкловских экономов и жителей, которые в напрасном ожидании сатисфакций "начали уже собою управляться и грабить за то безвинных и не должных им российских купцов". Иностранной коллегии ничего не оставалось, как только 24 августа 1756 г. обратиться через посольство к владельцам литовских имений вернуть награбленное на таможни и наказать виновных. Своим же купцам она посоветовала не проезжать вблизи Шклова, вести торговлю "с поляками вблизи границы, ибо всегда опасаться надобно российскому купечеству от них разорения"[10]. Долговые недоимки до 14 марта 1773 г. в самом Шклове разбирал консул Давыдов. 22 апреля шкловская еврейская община через своего поверенного А.Эльяшевича возобновила иск. Сенат России возложил окончательный расчет на смоленскую губернскую канцелярию и подчиненные административные органы[11].

Указанные торговые ограничения последовали после известного указа императрицы Елизаветы от 1 декабря 1742 г. о недопущении евреев в пределы России, поскольку от них не ожидали "интересной прибыли"[12]. Шкловская комиссия ярко демонстрирует, что евреи оказались втянутыми в гигантский клубок политических авантюр и финансовых афер. Неприязнь к ним подогревалась повсеместно. В 50—60-е гг. XVIII в. курляндское бюргерство обвинило евреев в тайной скупке и вывозе серебряной монеты, контрабанде товаров без уплаты пошлин через литовскую границу. Этим христианские купцы

---

[10] АВПРИ, ф.21, 1744, д.1Б, л.142.

[11] РГАДА, ф.248, оп.46, д.3984, л.604; д.3985, л.59.

[12] Оршанский И.Г. Русское законодательство о евреях. СПБ, 1887. С.247.

мотивировали рост цен и собственное разорение при вексельных платежах. Для искоренения контрабанды[13] прибалтийские бюргеры предлагали изгнать евреев из городов и деревень.

Новая русская императрица Екатерина II живо откликнулась на этот призыв, пригрозив в 1770 г. лифляндским помещикам присылкой войск для очищения их имений от неверных. В этот момент против огульных обвинений евреев выступил могилевский купец Б.Шпеер. В ответ царица выставила меркантильные соображения остзейских бюргеров: мол, допущение евреев вглубь России навредит розничной торговле[14]. На самом деле еврейских купцов обвинили в завозе оружия из Риги и пособничестве литовским конфедератам. Летом 1770 г. по р. Западная Двина был выставлен вооруженный кордон "с досмотром каждого купца и его состояния, то есть кто откуда приехал и кто в какой близости находился от сумнительных мест". Официально вооруженная ограда воздвигалась с целью недопущения моровой язвы внутрь России.

Категориями санитарной гигиены мыслили и руководители шляхетских конфедераций ВКЛ, которые боролись против утверждения русского протектората в крае под лозунгами защиты католической религии. Евреи приходились к столу. Например, манифест 23 патриотов Речицкого повета (во главе с маршалком и рогачевским старостой А.Халецким) от 16 августа 1770 г. беспокоился угрозой язвы с территории Украины и России. Для обеспечения своего ополчения вице-командиру Белорусской дивизии М.Ясинскому повелевалось предотвратить вывоз хлеба за границу повета и не впускать извне купцов и "убогих жидов". Командующий дивизией С.Косаковский 2 сентября 1771 г. потребовал от бобруйского кагала поголовные, кварту, гиберну (военные налоги) под угрозой того, что при непослушании кагал и все староство в течение 5-ти дней "найсуровейше наказаны будут". Кагалу было велено рассылать за 10 миль по дорогам разведчиков

---

[13] *Иоффе И. Борьба бюргерства с евреями в Курляндии XVIII века (1758) // Еврейская старина. 1911. Вып.4. С.575.*

[14] *Леванда Л.Л. Из новой истории евреев в России // Еврейская бибилиотека. 1872. Т.2. С.209.*

для предупреждения о приближении русских отрядов[15].

Готовясь к оккупации восточнобелорусских земель, официальная Россия также рассчитывала на шпионские услуги кагалов. Секретный план ввода оккупационных войск, разработанный будущим генерал-губернатором белорусских губерний З.Чернышевым, предусматривал, что либо кагальные старшины, либо раввины будут извещать командиров полевых русских команд о передвижениях "возмутительских шаек"[16]. Среди превентивных мероприятий намечались и такие, которые предопределяли место евреев в качестве будущих подданных империи.

Прежде всего предусматривалось превратить продажу вина и соли в государственную регалию, так как вольная их продажа угрожала "расстроить прилежащие великорусские провинции" и лишить государство "значительного дохода касательно сего казенного производства". Автор этого предложения советовал царице, "пока вино и соль из казны на продажу будут приготовляться, позволить производить (винокурение. — ***Е.А.***) по старому с запретом вольной продажи, чтоб не сделать в продуктах недостатка"[17]. В городах и местечках государственная винная монополия вводилась сразу, но с условием — "до рассмотрения" их привилеев. В уездах винная продажа ограничивалась ради "сохранения жителей от чрезмерного пьянства и от того истекающих шалостей". С лицами, имеющими право на винокурение, намечалось заключить подряды (откупа) для поставок алкоголя в разрешенные места. В корчмах продажа допускалась по билетам губернских канцелярий и там, где "по расходу потребно будет превосходнее полагаемого", или при существовании спроса сверх квоты. Внедрить казенную винную монополию намечалось с 1 января 1773 г. Здесь уместно отметить, что уже после присоединения белорусских земель, 29 мая 1773 г. Сенат велел сохранить форпосты на старой границе,

---

[15] НИАБ, ф.1783, д.8, л.769; ф.1736, д.26, л.402, 405.

[16] Анішчанка Я. Інкарпарацыя Беларусі ў Расейскую імперыю за Кацярынаю II // Спадчына. 1996. №3. С.35; РГВИА, ф.ВУА, д.1880, л.48 об.; РГАДА, ф.248, оп.113, д.311, л.10 об., 24.

[17] РГВИА, ф.ВУА, №1880, л.60, 62 об.

чтобы с их помощью "не сделать подрыва из-за привоза" вина во внутренние области России[18].

Вот так выразительно формулировалась подрывная роль, исходящая от вольного производства и продажи самого доходного изделия панско-шляхетских фольварков для собственно великорусских дворян и казны. Это знаменовало ограничение и прямое посягательство на панско-шляхетскую власть, что впоследствии и составило самую трудную часть царской политики. Евреев же автор записки намечал оставить "в прежнем управлении" (кагалов) с обложением их окладом русского купечества и со строгим "наблюдением, чтоб **они ни для чего в древния российския земли не въезжали**, разве по делам тяжебным"[19]. Чернышев подтвердил свои намерения и, став официальным наместником присоединенных земель, 4 декабря 1772 г. потребовал от губернаторов Псковской и Могилевской губерний, чтобы "жиды" торговали **"только в белорусских губерниях, а в Россию бы с товарами своими не входили"**[20] (выделено мной. — ***Е.А.***).

Итак, на момент присоединения царский наместник подтвердил запретительный указ 1742 г.: евреям не разрешалось въезжать и торговать во внутренних областях России. В сущности, для жительства и торгов им отводилась прежняя территория обитания — оседлость их ограничивалась новообразованными губерниями. Екатерина II, ознакомившись, несомненно, с предложениями Чернышева, 28 мая 1772 г. велела переписать евреев и "учредить" кагалы[21]. Накануне подчинения белорусских земель белорусские евреи по-прежнему сохраняли статус нетерпимых и нежелательных внутри России лиц. Следовательно, русским властям предстояло определить их особое положение в составе новоподданных. Евреи же оказывались в двойственном положении: со сменой политического владычества они оставались презираемой нацией. Однако новое всегда притягательно надеждами на лучшее.

---

18 *РГАДА, ф.248, оп.46, д.3985, л.255.*
19 *РГВИА, ф.ВУА, д.1880, л.64 об., 68 об.*
20 *Отдел рукописей (ОР) РГБ, ф.397, карт.1. д.30, л.34 об.*
21 *РГАДА, ф.248, оп.45, д.3933, л.167.*

Часть 1
УЧРЕЖДЕНИЕ КАГАЛОВ

Предусмотренные ко включению в Псковскую и Могилевскую губернии земли царские войска заняли между 1 и 7 сентября 1772 г. Всем новым подданным от имени Екатерины II было торжественно объявлено, что за ними сохраняются прежние социальные права и свобода вероисповедания. Из "общей всем милости" великодушной монархини не исключались и евреи[1]. Они обретали подданство со ссылкой на "человеколюбие" царицы. Следует особо выделить эту моральную декларацию: евреи ничего не получали и не меняли в своем прежнем общественном положении при новом, также несвободном государстве. Терпимость к ним теперь покоилась на личном человеколюбии русской монархини, что, впрочем, не гарантировало от любого произвола, в том числе и царской прихоти.

Новым было, пожалуй то, что отныне поголовными податями стали облагаться не одни евреи. Они впервые уравнивались в этом отношении с остальными податными группами: одинаково с крепостными подлежали ревизскому учету. Подушная ревизия к июню 1773 г. выявила на присоединенной территории 25579 мужчин и 26633 женщины — евреев[2]. Эти данные практически совпадали с их численностью, определенной поголовным учетом в 1766 г. в Оршанском повете, воеводствах Мстиславльском, Полоцком и Витебском[3]. Они составляли 4,3% всех податных лиц. Ставку поголовного оклада с евреев новая власть повысила с 2 злотых (30 коп. се-

---

[1] *НИАБ, ф.295, д.21, л.33 об., 34.*

[2] *РГАДА, ф.12, д.159, л.102--103, 171–173. О колебаниях последующей статистики см.: Анішчанка Я.К. Яўрэі Усходняй Беларусі ў канцы XVIII ст. паводле ўрадавага ўліку // Весці АНБ. Сер.гуман.навук. 1993. №4. С.67.*

[3] *Коробков Х. Статистика еврейского населения Польши и Литвы во второй половине XVIII века // Еврейская старина. 1911. Вып.4. С.554.*

ребром в 1766 г.) до 6,6 зл. (1 руб.), или в 3,3 раза, а с учетом ревизского исчисления преимущественно в мужских душах — в 1,6 раза. Евреи стали платить 25020 руб. (7% всего годового дохода присоединенной территории) вместо 6733 руб. (3,3%, в 1771 г.)[4].

Ревизское уравнение оказалось для евреев достаточным, чтобы не ответить массовым исходом в знак невыносимости новой подати. Протест выразили другие (владельцы крепостных крестьян), в имениях которых в большинстве проживали евреи. Причем сделали они это со ссылками на голод крестьян и во имя защиты их платежеспособности.

Этот вопль душевладельцев с пониманием воспринял могилевский губернатор М.Коховский. И голод, и дороговизну в крае он возложил на евреев, которые, по его мнению, не занимаясь земледелием, ничего не имея, "кроме чужих денег и товаров", тем не менее, ворочают 200 тысячами четвертей хлеба[5]. Исходя из явно сомнительных цифр урожайности, он без обиняков называл евреев "тунеядцами и бесполезными людьми в обществе", которые живут "обманом", бесплатным присвоением продуктов крестьянского труда, фальшивомонетничеством, ростовщическими процентами[6]. Все местное население оказывалось в финансовой кабале у евреев, и к тому же ему неизвестно, "неприметно было так знатное и видимое изнищение как крестьян, так и самих их". Но это открытие Коховский делал не с целью принудительной депортации евреев. Он исходил из распространенной коррупции судов Речи Посполитой, продажности должностей, среди которых до конца существования этого вольного государства

---

[4] РГАДА, ф.12, д.159.

[5] По данным за 1773 г., на присоединенной территории в сборе значилось 499141 четв. озимых (РГАДА, ф.248, оп.46, д.4000, л.476). Это свидетельствует, что упреки Коховского строились, скорее, на модных теориях физиократов, которые относили крестьян и землевладельцев к единственно производительным классам, а остальные социальные слои — к праздным потребителям или к общественным паразитам.

[6] Державин Г.Р. Сочинения. СПБ, 1873. Т.7. С.339.

покупались и раввинские посты[7]. С точки зрения Коховского, суды за взятки помогали евреям запутывать их преступления. Протекция судов не позволяла покончить с поголовной задолженностью, поскольку евреи могли закладывать имущество, "чтоб кредитору ничего не досталось и секвестру б подпасть не могло". Итак, при существующих судах, считал Коховский, невозможно справедливое правосудие.

Неизвестно, как широко подобные обвинения были распространены в этот момент и как они возбудили опасения среди еврейских общин. Однако существовавшую тревогу снова выразил упомянутый Б.Шпеер, который в начале 1773 г. подал на имя Екатерины II записку. Гессен указывает, что Шпеер позже вместе с агентом польского министра графа Брюля Иоаном Борухом бôролся с франкистами[8]. Это косвенно подтверждает, что Шпеер усматривал за подушной ревизией угрозу массового крещения евреев в православие и их принудительную ассимиляцию.

Свою записку Шпеер начинает с опровержения трех утверждений искусных богословов о том, будто евреи "низки, пронырливы, лукавы, неопрятны" и наказаны этими пороками за свои грехи перед богом. Такое презрение он объясняет ложным толкованием моисеевых книг, в почтении к которым белорусские сыны израилевы ничем не отличаются от других правоверных Европы и Азии. Наоборот, они "гораздо лучше, обходительнее и опрятнее своих однозаконцов, стогнущих под покровительством Речи Посполитой польской". Набожные евреи Белорусской синагоги почитают "всемогущее, непостижимое, безначальное, бесконечное и всесовершеннейшее существо, почитают душу бессмертную, чают воскресение мертвых и награждение или наказание в будущем". Следовательно, они "везде могут быть богу угодны или противны" и в своем правоверии и суевериях ничем не отличаются от христиан.

Поэтому Шпеер главную причину отчужденности евреев

---

[7] *Дубнов С. Еврейская Польша в эпоху последних разделов // Еврейская старина. 1911. №4. С.443.*

[8] *Гессен Ю. История еврейского народа в России. М., 1993. С.44.*

выводит из "необузданности, суеверия, самовольства" привилегированного общества Речи Посполитой, "которое, забыв все законы справедливости и правила человечества, притесняло еврейство для собственной корысти. а иногда в угодность своему творцу". Выражением религиозной нетерпимости являлось то, что раввинство почти в каждом местечке сдавалось "на откуп". В итоге, раввинские должности занимали недостойные люди, а власть кагалов строилась "на интригах, прихотях и всегда была предметом ненасытному сребролюбию таковых людей и их покровителей". Панский патронат развратил кагальный раввинат до деспотизма, который утеснял еврейскую бедноту отстранением от управления общинными делами, раскладки податей, преследуя "здравые и честные мысли" анафемою (херемом). В итоге, писал Шпеер, "некоторые люди обогащаются во время, когда большая часть народу приходит в совершенную бедность" и обременяется незаслуженными долгами"[9].

Чтобы устранить кагальное всесилие, он предлагал разработать особое законодательство относительно белорусских евреев, допустив их депутатов в комиссию по составлению нового Уложения империи. Саму кагальную реформу Шпеер видел в справедливом налогообложении, для чего предлагал ввести в кагальное управление гласных (кандидатов), избранных ремесленниками и рядовыми членами общин. Раскладку налогов предлагалось проводить под контролем комиссаров от выборщиков. С их помощью Шпеер рассчитывал вскрыть и искоренить финансовые злоупотребления кагалов. Чтобы избавиться от семейственности кагальной олигархии, он рекомендовал сдать все откупа в государственных имениях под круговую поруку самих общин, разрешив им пользоваться несколькими процентами на свое содержание. Долги кагалов он намечал ликвидировать через обложение имуществ ответственных лиц и за счет общинных сборов[10]. От новой власти ожидалось, что она прекратит принудительные военные по-

---

[9] *ОР РГБ, ф.256, д.470, л.2.*

[10] *Анішчанка Я. Беньямін Шпеер і праект арганізацыі беларускіх кагалаў // Беларусіка. Мн., 1995. Кн.4. С.55.*

стои с бесплатной реквизицией продуктов, наделит евреев правами русского мещанства, рассмотрит и урегулирует долги между евреями и христианами.

Шпеер не мыслил реформы еврейского внутреннего быта без заведения школ. Их выпускники становились купцами только после практики в качестве торговых приказчиков и подмастерьев. Нищих предстояло приписать к городам, чтобы они кормились подаянием и не обременяли общины благотворительными расходами. В заключение Шпеер предлагал ввести должность государственного "примаса из еврейского закона", которому вверялся верховный надзор за рекомендованными преобразованиями для предотвращения "возмущений", как это случилось при реализации соответствующей реформы в Богемии и Моравии.

В принципе, Шпеер знакомил Екатерину II с умонастроениями и идеями, близкими к хасидизму, особенно популярными среди еврейской бедноты с их самозваными любомудрыми (учителями и цадиками)[11]. Стремление к демократизации кагалов сопровождалось физическим противоборством и все чаще — призывами вообще уничтожить кагал, подвести евреев под общее законодательство, растворить их среди коренного населения[12]. Предложения Шпеера вызвали интерес в Петербурге, откуда он возвращался домой в середине мая 1773 г. с сопроводительным письмом З.Чернышева. Екатерина II просила наместника разобраться с проектом на месте, а Чернышев просил псковского губернатора М.Кречетникова взять Шпеера под свою опеку[13]. Возможно, была угроза физического покушения.

И вот Кречетников 23 июня 1773 г. поручает провинциальным канцеляриям рассмотреть "все неудобства правления кагалов" и представить ему соответствующие соображения. Он требовал к 15 августа собрать в Полоцк выборных депута-

---

[11] *Fishman D.E. "Russia's" first modern Jews. The Jews of Shklow. N-York, 1995. P.3, 7, 12, 51 и др.*

[12] *Марек П.С. Кризис еврейского самоуправления и хасидизм // Еврейская старина. 1928. Т.12. С.48, 83–95.*

[13] *ОР РГБ, ф.397, карт.1, д.31, л.5.*

тов от еврейских общин (по 4 от каждого кагала) к нему на совещание. Канцелярии собрали необходимую информацию через опрос кагальных управлений и в виде жалоб еврейских обществ. Дошедшее ходатайство витебских ремесленников называло кагальное устройство "несносным игом" и деспотизмом близких родственников. Это собрание предлагало не возводить в должности старшин родственников до четвертого колена и лиц, проживающих одним двором. Оно требовало уравнять в правах русских и еврейских купцов, наделить кагал правами магистрата, разрешив ему винокурение. Кагальное руководство значительно расширялось за счет кооптации в него представителей от всех налогоплательщиков[14].

Сам Кречетников обобщил собранные мнения в приказе от 26 августа. Собственно, предстоящему собранию предъявлялось обвинение раввината в своекорыстии, ибо "под претекстом религии рабины вымышляют собственные пользы, а под свободным преданием каждого анафеме открывается одно угнетение". Выбор старшин не зависел от рядовой массы, отчего проистекала неограниченная власть олигархов, когда управлял фактически "не кагал, а одна, так сказать, фамилия". Эта плутократия обогащалась на безотчетных общинных сборах, в результате чего "маломочные" евреи оказывались бесправными, притесняемыми, а из долгов погашались одни проценты.

Спасительные меры и пожелания демократических низов еврейства Кречетников свел в 17 пунктов. Раввинам запрещалось вмешиваться в недуховные дела. В старшины не могли избираться родственники. Кагалы учреждались в каждом провинциальном городе, а в губернском центре — особый кагал для апелляций. Анафема ограничивалась исключительными случаями. Для финансового контроля заводились шнуровые (приходно-расходные) книги. Ремесленников предстояло расписать "по мастерствам" для исключения конкуренции. В каждом кагале заводился банк в пользу купечества со взиманием

---

[14] *Анішчанка Я.К. Арганізацыя кагалаў Беларусі пад час першага падзелу Рэчы Паспалітай // Беларускі гістарычны часопіс. 1995. № 3. С.20.*

2—3% (Шпеер видел эти банки в форме английских и голландских страховых контор для содержателей государственных откупов). Еврейские купцы могли держать в Риге по 2 поверенных от губернии для защиты своих интересов. Займы разрешал только кагал и только согласно имущественной состоятельности лиц. Контракты с помещиками предстояло сделать единообразными, в соответствии с образцовыми договорами. Вводилась отчетность погребальных обществ и при них заводились госпитали с благотворительными целями. При каждом кагале под присмотром раввина намечалось создать училище. Наконец, для занятия земледелием высказывалось пожелание отвести под поселение евреев специальные земли[15].

Все эти уравнительно-ликвидаторские проекты грозили если не уничтожением прежнего кагала, то утратой прежней социальной автономии евреев, их ассимиляцией среди неизвестного мира. Однако выборы депутатов в законодательную комиссию (в июле 1773 г.) прошли без участия евреев. К тому же она вскоре была распущена на неопределенный срок. Судьба еврейской реформы всецело попала на усмотрение местных администраторов и услужливого кагального раввината, которого страшила перспектива потери прежней власти над соплеменниками.

Депутаты от кагалов Полоцкой, Двинской и Витебской провинций Псковской губернии собрались в Полоцке 26 августа 1773 г. и до 6 сентября в присутствии губернатора М.Кречетникова составили "Учреждение о кагалах". Шпеер сам перевел его на русский язык "при полоцком и витебском раввинах", как он писал. Следует думать, этот принципиальный документ разработан именно учеными раввинами. Шпеер отмечал, что свое участие он стремился направить на ограничение своеволия раввинов. Он хотел сократить срок апелляций ради выгод торговли, настаивал на сохранении херема как более действенного средства, чем телесные наказания, "среди народа старательного". Он упрашивал Кречетникова отобрать у магистратов часть пропинации в пользу кагалов,

[15] *ОР РГБ. ф.256. д.470. л.18 об.*

чтобы евреи не умерли голодной смертью, советовал завести еврейские земледельческие колонии вместо дорогостоящего вызова иностранных колонистов.

В соответствии с данным проектом, на полном собрании налогоплательщиков и ремесленников в кагал выбирались 6 старшин с 3-мя помощниками, раввин, судьи и комиссары податного сбора. Низшие должности кагала занимали "младшие", которые присутствовали на заседаниях только по важным делам. Все налогоплательщики простым большинством голосов выбирали 4 головы и 2-х помощников с 4-мя младшими как кандидатов на должности. Ремесленники выделяли 2-х старшин, помощника, 2-х младших, выбиравшихся из чужого братства во избежание родственности. Выборы были двухступенчатыми: 2 головы от десятка кагалов и старшина от десятка ремесленного братства проводили между собою баллотировку в кагальные старшины на один год. На избирательное собрание закрывался доступ "кампаниям", платившим единую подать с ремесла, а также родственникам до третьего колена. Однако из родственников разрешалось выбирать помощников и младших.

Ремесленники имели при кагале свое братство в составе мастеров и учеников. Ученики могли регистрировать контракты в кагале и ожидать в течение 3-х дней сатисфакции на свои жалобы. Апеллировал ученик прямо к общему собранию. Мастер из чужого города мог заниматься ремеслом только с разрешения братства и кагального собрания. Полное собрание избирало двух поверенных для ревизии кассовых сборов и книг. Ревизия кагальных счетов намечалась через каждые 3 месяца, а в конце года ее проводили новые лица, которые отчитывались перед общим собранием. Поверенные выдавали не более 2 руб. с разрешения старшины, 5 руб. — при согласии двух старшин, а бóльшую сумму — с разрешения всех плательщиков. Предыдущие поверенные-ревизоры оплачивали все обнаруженные недоимки. С ревизорами, обвиненными в воровстве кассы, обходились, как со злодеями.

Кагальное управление заседало по понедельникам и четвергам с 10 до 12 часов. Члены присутствия председательст-

вовали ежемесячно и имели равный голос. Отсутствующего старшину наказывали 1 руб., а помощника — 75 коп. За присутствие в недозволенные дни брался двойной штраф. За допуск на заседание случайных лиц старшина платил 5 руб.

Налоги распределялись на полном собрании с участием депутатов от прикагалков. Два раза в год собрание могло ввести 100-рублевые надбавки, утверждать контракты по откупам с оповещением их условий в синагогах и школах. Кагал мог наказывать деньгами, тюрьмой и физически — до 35-ти ударов. Штраф в 10 руб. защищал честь старшины. При трехкратном его оскорблении кагального члена лишали присутствия, а другим евреям закрывали доступ на собрания в течение 4-х лет. Если кагальный член оскорбил старшину дважды, то он терял должность на полгода, а другие члены общины платили 15 руб. или отбывали 2-недельное тюремное заключение. Оскорбление помощника стоило в 4 раза, а младшего — в 2 раза меньше, чем старшины. За возражения кару увеличивали вдвое, а за бесчестие навечно отлучали от общего собрания, то есть лишали избирательного голоса. При судебной ошибке обвиненному возвращалась репутация и штрафы в удвоенном размере. Виновные в неправосудии кагальные члены платили потерпевшему удвоенный штраф, и их также навечно лишали избирательных прав.

Судиться с кагалом возможно было только с разрешения общины в присутствии двух евреев от десятка. При отсутствии такого разрешения жалобщик мог через три дня обратиться к своим старшинам при раввине. За необоснованное решение старшина мог понести телесное наказание, а голова на два года терял должность. За необоснованные претензии искатель правды отвечал перед собранием денежным штрафом.

Раввины избирались пожизненно. Вместе с судьями раввин разбирал в своем доме духовные дела, денежные споры, отношения с иноверцами. Выбирали раввина из старшин и кандидатов. За отправление услуг и функций он пользовался половиной судебных доходов. Значит, вместе с коллегами он был заинтересован в ведении прибыльных дел. Ответственную

сторону раввин вызывал трижды под угрозой херема. Приезжий должен был явиться по вызову в течение суток. Для посылок раввин держал слугу, которого мог наказывать палками. На раввинском суде доказательства регистрировались под подписями сторон, а апелляции на недавние процессы разрешалось подавать в течение суток. Раввинство считалось почетом. За оскорбление раввина платили 10 руб., получали 2 недели тюрьмы и на месяц отлучались от синагоги. Подобное деяние в синагоге угрожало штрафом в 15 руб. и неделей тюрьмы. За свою неправоту раввин отвечал перед старшиной 2-недельным караулом, причем в первый раз — на 3 месяца, вторично — на полгода, в третий раз — его навечно лишали раввинства и запрещали присутствовать на общем собрании. При этом за поклеп ответчик платил 25 руб., отлучался от синагоги и отсиживал месяц в тюрьме.

Апелляции подавались в губернский кагал (суд), куда каждая провинция на 2-3 года выбирала "ученого судью". Судили они два зимних месяца и разбирали дела на сумму более 50 руб. Если губернский ученый суд подтверждал какое-то постановление низшей инстанции, то апеллировавший оплачивал обиженному все убытки и 5%-ный штраф (очевидно, от стоимости дела). А при обнаружении недостатка в предыдущем декрете апеллировавший освобождался от ответственности. При пропуске же судебного заседания он компенсировал потери — издержки и платил 10%-ный штраф. Губернский кагал выносил свои определения независимо от явки сторон, то есть был окончательной инстанцией, однако за неправосудие он наказывался вдвое, чем раввинский. Правда, в проекте не обозначалось, куда и кому можно было жаловаться на решения губернского кагала и кто взимал штрафы с него за неправосудие. Утаивание доходов при откупах и с коробочных сборов наказывалось херемом. К сожалению, процедура коробки в документе не описывалась. Банкротства и проделки о наследством объявлялись гласно в синагогах.

"Учреждение..." запрещало совершать заемные обязательства вне контроля кагалов. Однако, чтобы не препятствовать торговым операциям, контракты можно было только регист-

рировать в кагалах с уплатой 0,5% от суммы сделки. В государственных имениях кагалы сдавали откупа надежным личностям под 2%. Для аренды с помещика требовался паспорт, полученный в провинциальной канцелярии. Такой контракт также регистрировался в кагале спустя месяц после заключения условий.

Образование еврейства "Учреждение..." считало платным делом, как и вообще ряд традиций. К примеру, за погребение на кладбище соответствующее братство взимало до 5% с наследства (с бездетных — более 10%). Для вступления в похоронное братство требовался взнос. Эти погребальные союзы создавались по типу берлинских госпиталей для нищих. Браки облагались в течение 8 лет. Они допускались с 13 лет и 4 года облагались по 10%. Через 8 лет (при достижении мальчиками 15, а девочками — 16 лет) брачных освобождали от платы. Платежи собирались в "банки" при кагалах. Семейные вносили туда 2% с имущества, бездетные — 4%. Полный взнос составлял 150 руб., от него сразу освобождался тот, кто вносил единовременно 100 руб., а остальные давал в течение 2 лет.

Облагались как наследство, так и одежда. "Учреждение..." намеревалось упростить внешний вид евреев. Оно требовало отдать в банки дорогостоящие украшения, запретило женщинам обшивать одежду галунами, украшать ее аксамитами и серебряными крючками. Видимо, такова была дань евангелическому упрощению для доказательства еврейской бедности. Сами авторы проекта намеревались за счет собранных средств открыть светские школы[16].

---

[16] *Из литературы известен проект браславского купца Якова Гирша об учреждении элементарных еврейских школ, поданный им в 1783 г. (Гессен Ю. История еврейского народа... С.70; Fishman D.E. "Russia's" first modern Jews. The Jews of Shklow. N-York, 1995. P.62). Уместно поэтому привести малоизвестные факты об аренде им фольварка Должа Пропойского староства Могилевской губернии. Гирш получил договор 19 июня 1776 г. от самой Екатерины II. Она вручала ему на 8 лет 9 деревень – 200 дворов и 804 крестьянина для*

Считалось, что ученики вернут в банк средства в соответствии со своими занятиями и положением.

Особым пунктом совещание записало, что оно не в состоянии принудить евреев к земледелию — занятию, еврейскому "народу вовсе не привычному". Гарантией для перехода могло быть только создание еврейских земледельческих колоний с правом вечного землепользования и хозяйственной автаркии.

Здесь неуместно прослеживать исторические традиции в организации кагалов, тем более что предложенные совещанием меры вскоре подверглись модификации со стороны русской власти. Касались они функций кагальной иерархии, возникших при создании внутри провинций уездов. В начале апреля 1774 г. могилевский губернатор Коховский направил могилевскому кагалу следующий приказ, позволяющий говорить, что "Учреждение..." разрабатыва-

---

804 крестьянина для заведения овечьего завода. Купец обещал получить "шеленскую (английскую) шерсть и открыть секрет" ученикам. В 1778 г. Гирш разместил в своих хлевах 80 иностранных и 40 местных баранов и овец, в 1783-м – соответственно 500 и 270 голов. Спустя год после смерти учредителя (1788 г.) завод имел 2 стана, 6 прялок, 16 сновален. В самый благоприятный 1783 год на заводе работало 3 иностранных ткача (мастера) с подмастерьем и обучалось 5 крестьянских учеников: 2 – при ткаче, 3 – у чесанья, 5 – у пряденья. В том же году они выработали 80 аршин лошадиных попон, 34 одеяла, 136 аршин двухаршинных сукна и 146 аршин байки. В 1787 г. выработка достигла 60 попон, 28 одеял, 100 аршин сукна и 123 аршин байки. В феврале 1783 г. Гирш за свои старания получил медаль Вольного экономического общества, оцененную в 25 червонных. В 1787 г. заведение постигло бедствие от падежа 2 тыс. голов скота, хотя по следствию было обнаружено только 326 голов. Купца уличили в нерадении и убыточном ведении хозяйства, в том, что он за все время аренды получил 8659 руб. дохода и уплатил 6288 руб. аренды. При общей стоимости всего образцового завода в 385 руб. и наличии 792 руб. крестьянских недоимок личное имущество Гирша составляло только 42 руб. Овечий завод был продан 7 декабря 1792 г. за 382 руб. Само имение было роздано вечными пожалованиями в руки 7-ми помещиков, но в 1798–1799 гг. завод считался действующим. (РГАДА, ф.248, оп.46, д.4025, л.244–303.)

лось для всех общин бывшей Белорусской синагоги.

Коховский требовал создать кагалы из губернского, провинциальных и уездных. Прикагалки назывались ненужными, а их членов следовало приписать к уездным кагалам. Губернский кагал составляли 4 судьи — по одному от каждой провинции. Содержались они на общественный счет. В провинциальный кагал входили 3 судьи, не связанные родством и не уличенные в преступлениях. Губернский кагал функционировал постоянно, а остальные проводили сессии ежемесячно. Все судьи выбирались ежегодно, а прилежные члены могли переизбираться на новый срок. Судебные процессы между евреями и христианами разбирались в земских судах и в местах, от которых зависело окончательное решение.

Коховский поделил евреев по родам деятельности и наделил кагал функциями полицейского контроля за перемещением общинников. Ни один еврей не смел дать приют иноземцу, писать облиги и векселя на значительную сумму без воли кагального управления. Евреям запрещалось скупать продукты у крестьян, везущих их на торги в города и местечки. Он запретил выбирать в судьи раввинов, которые пользовались должностями в корыстных целях. Претензии раввинов, купивших должности у помещиков, предлагалось компенсировать из общинной кассы (то есть просто выкупить) а затем и совсем уничтожить. На судебные процессы с христианами в качестве свидетелей допускались евреи, которые не были заподозрены в преступлениях, жили своими домами и отличались добросовестностью. Иностранным купцам, не записанным за местным кагалом, запрещалось торговать в розницу своими мерами и весом.

Эти уточнения легли в основу первых выборов в кагалы новоприсоединенных земель. В Могилевской губернии они состоялись 1 июля, а в Псковской — 10 декабря 1774 г. По их итогам евреи распределялись так.

Кагалы и их численность в 1774 г.*

Провинция	При-кагал-ков	Муж-чин	Жен-щин	Всего	Сборы:	
					пого-лов-ных, руб.	вино-курен-ных, руб.
Полоцкая часть Псковской губернии						
Полоцк	2	2487	2546	5033	3778	24031
Витебск	2	2614	2630	5244	3623	20408
Динабург	2	2437	2545	5972	3417	17903
	6	7538	7521	15059	10818	62612
Могилевская губерния						
Могилев	17	6308	6925	13233	6621	21740
Орша	12	5232	5631	10863	6598	25460
Мстиславль	22	4119	4169	8288	4694	17666
Рогачев	6	2691	2721	5412	3272	12562
	57	18350	19446	37796	21187	77428
	63	25888	26967	52855	32005	139040

* *Составлено по: РГАДА, ф.248, оп.64, д.5607, л.395; ф.12, д.159, л. 109, 192—197, 141—148, 169; НИАБ, ф.2567, д.11, л.104 об. Расписать прикагалки можно только по Могилевской губернии: Могилев — 6, Шклов — 6, Старый Быхов — 5, Орша — 4, Дубровно — 4, Сенно — 4, Мстиславль — 8, Чериков — 7, Милославичи — 7, Рогачев — 2, Чечерск — 2, Гомель — 2.*

В связи с реорганизацией провинций в уезды, ликвидацией в 1777 г. провинций оказалась неустойчивой и вся кагальная структура. Даже Сенат 23 июня 1782 г. признавал, что не знает "никакого постановления" о еврейских судах и их функциях. Соответствующие пояснения 18 июля подал могилевский кагал. Он писал, что до 1772 г. в каждом белорусском городе и местечке был кагал и прикагалки, апелляции на которые отсылались в Брест (главный кагал). В 1774 г. в каждом уезде был открыт кагал с объявлением протестов либо в городской магистрат, либо в нижние расправы и с апелляцией в губернский кагал. На сам губернский кагал апелляций не было установлено. Уездный кагал составляли 3 выборных судьи,

а в губернском — с каждого уезда по одному (то есть 12 чел.). Члены их избирались ежегодно. Присутствие губернского кагала пополнялось из лиц, живущих в городе[17]. Этот момент крайне важен.

Могилевский кагал отмечал, что для разбора письменных обязательств различных имущественных сделок, долгов и семейных коллизий особо избиралось 5 человек от губернского и уездных кагалов. Этот совет вместе с "законниками" собирался ряди "заключения в разных делах сумнительных постановлений (уездных кагалов и губернского. — ***Е.А.***), решения на которых по апелляции идут в губернский кагал либо губернатору". Респондент Сената утверждал, что такой процедуры "и поныне не случилось"[18]. Как писал в Сенат царский наместник П.Пассек, споры по духовным делам губернский кагал отсылал на русском языке в губернский магистрат, который производил следствие "по их закону". Эта подчиненность и привела к тому, что, помимо губернского кагала, действовал съезд "именитых и славных предводителей всего края", выступавший высшим арбитром процессов между евреями и судивший на основании Талмуда[19].

Иначе говоря, с 1774 г. губернский кагал присвоил безапелляционную власть, что встретило сопротивление и борьбу авторитетов за лидерство над общинами. Эту коллизию пытался разрешить наместник З.Чернышев. Он в июне 1778 г. подчинил городских евреев юрисдикции магистратов, а живущих в уездах — нижним расправам с правом кагалов посылать в них своих представителей и свидетелей. Именно тогда ущемленные кагалы попросили разрешения избирать 5 членов губернского кагала не из одного города Могилева, но от всех кагалов губернии. Согласие наместника последовало только 15 октября 1779 г.: судей губернского кагала разрешалось выбирать всем евреям Могилевской губернии[20].

Вмешательство царской власти закрепило высшую роль

---

[17] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.17 об. – 18.*

[18] *НИАБ, ф.295, д.21, л.28.*

[19] *Гессен Ю. История еврейского народа... С.51, 54.*

[20] *НИАБ, ф.295, д.21. л.32*

губернского кагала. Но оно завершилось ко взаимной выгоде участников: кагальная олигархия сохраняла свое господство над единоверцами, а царизм обрел в кагальном всевластии надежного финансового данника и агента. Попытки русских властей принизить или лишить раввинат судейских функций, надо полагать, сыграли на руку этим носителям дедовских традиций. Реакцией на услужливо-угодническую позицию кагальных верхов явилось брожение с целью воскресить окружной Ваад в лице достойных авторитетов.

В литературе этот раскол известен как противостояние хасидов и миснагдов. По моему мнению, условно борьба велась между сторонниками полной ассимиляции еврейства с его административно-судебными структурами в новом государстве и теми, кто ратовал за сохранение социальной автономии, исторической чистоты и традиций. Раскол пролегал между теми, кто обращал податные ресурсы коллектива на содержание враждебных властей и теми, кто желал обратить их на устройство еврейских поселений израильской прародины. Не случайно это движение начинается приблизительно в 1777 г. Однако кагалы бывшей Белорусской синагоги не претерпели демократизации на началах реформы, предложенной Б.Шпеером.

Часть 2
В ЖЕРНОВАХ ПРОПИНАЦИИ

Всеми последующими событиями подспудно двигало явление, с которым нам следует познакомиться в меру возможности источников.

Речь идет о винокурении, то есть производстве и продаже алкоголя (пропинации), наместником З.Чернышевым в 1772 г. оставленном на прежнем вольном основании у обывателей белорусского края. Исключение составляло разве то, что в городах оно было отдано на откуп магистратам. Магистраты платили за это казне договоренную сумму и могли переуступить свое право отдельным лицам за вознаграждение[1]. В уездах виноделием промышляли владельцы крестьян — помещики на своих фольварках, за что платили с каждой ревизской души специальный винокурный сбор. Проще говоря, вольная пропинация не была отменена или запрещена. Она была приравнена к привычной государственной регалии, за которую пользователи расплачивались фиксированным налогом в виде специальной пошлины.

Евреи со своей кагальной административно-податной автономией также подпадали под данное обложение, которое и они платили с учтенных ревизиями душ. Но евреи имели несчастье жить в уездах и городах, где исторически находились их кагальные управления. В условиях территориальной мобильности и злоупотреблений общинных заправил винный сбор обращался в двойное обложение всех евреев. Эта сто-

---

[1] *НИАБ, ф.2567, д.45, л.136. Об особенностях организации пропинации в момент подчинения белорусских земель см.: Анішчанка Я.К. Арганізацыя кагалаў на Беларусі... С.14–15; Он же. Rządowa organizacja kahałów Białorusi wschodniej na terrytorium anektowanym przez Rosię w 1772 r. // Acta universitatis Wratislavensis. Prawo. T.251. Z.1876. S.66–67.*

рона государственного фиска увеличивала задолженность кагалов и вырастала в ощутимую общественную болезнь. Различие ставок винокурных пошлин (1 руб. 50 коп. в городах, 75 коп. — в местечках, 50 коп. — в уездах или деревнях) делало выгодной продажу алкоголя в городах, где, однако, разрешение на нее давали магистраты. Ввозить же вино туда мог только мещанин, имеющий в уездах своих крестьян либо там проживающий. Это заставляло евреев промышлять в деревнях. Города же в таких условиях оказывались нежелательными конкурентами для дворян, всегда имевших надежное и безотказное имущественное поручительство в виде собственных крестьян.

Правительство Екатерины II имело это ввиду, когда в октябре 1774 г. решило заменить вольную продажу вина государственной монополией из-за того, что алкогольные доходы обогащали "одних" дворян и разоряли крестьян (то есть сказывались на госбюджете). На царском совете предлагалось ввести казенные подряды (откупа) с 1776 г.[2] Это предложение явно ущемляло вотчинные права помещиков. Видимо, потому было решено ограничиться одними городами, которые, как считалось, не имели собственного хлебопашества, занимались продажей привозного вина, отчего самому дворянству "делается подрыв в продаже вина"[3].

Эту инициативу спустили на места, так как 21 сентября 1775 г. бывший псковский губернатор М.Кречетников сообщил наместнику З.Чернышеву, что, к сожалению, и христиане, и евреи городов не могут существовать без винной сидки. Чернышев, ссылаясь на то, что винокурение является прерогативой дворян-землевладельцев, 20 октября 1775 г. запретил винокурение в городах, кроме тех магистратов, которые имели в уездах своих крестьян. Он запретил всем мещанам не только винокурение, но и покупку напитков в уездах без разрешения магистратов. Свои действия Чернышев привязал к желанию удержать шляхту при ее исключительных правах на владение крестьянами, чтобы таким путем одни купцы и помещики получили выгоды от виноторговли, а города избежали

---

[2] *Архив Государственного совета. Т.1. Ч.2. С.287.*

[3] *РГАДА. ф.248, оп.65, д.5761, л.31 об.*

опасности "могущих быть от тех винокурен пожаров".

Зависимость ввоза вина от воли магистратов означала для евреев одно — необходимость либо переселиться в города, либо записаться в мещанство. Указанный запрет вызвал кривотолки, и Кречетников 11 ноября отписал Чернышеву, что к нему поступают усиленные просьбы об отмене указа со стороны магистратов и евреев — "паче от последних"[4]. Вводимая госмонополия не могла быть эффективной при сохранении свободной пропинации за помещиками. Это обстоятельство продолжало заботить власти и в последующем. Так, неизвестный чиновник в записке "О мерах предотвращения голода крестьян" указывал, что помещики предпочитают реализовывать свою продукцию по вольным, разорительным и для крестьян, и для казны ценам, а подрядчики не поставляют запланированного объема напитков. Поэтому он предлагал наполовину ограничить винную сидку для помещиков, производящих ее не по подрядам[5].

К сожалению, представить размеры винокурения в Полоцкой и Могилевской губерниях можно в ограниченном промежутке. В 1794 г. в большинстве своем в фольварках помещиков 1396 винокурен выпускали 643172 ведра вина из пережигания 148851 четверть хлеба и 49154 сажен дров. Все винокурни сжигали около 8% урожая ржи в 1788 г., или 12% остатков от продовольственного потребления в 1794 г.[6] При средневзвешенной оценке четверти ржи (8 пудов) в 5 руб. 50 коп. винная перегонка хлеба давала 818680 руб. дохода, что можно приравнять к годовому окладу прямых или подушных сборов обеих губерний в 1785 г. (780183 руб.). Принимая цену ведра в распространенные 2 рубля, получим, что дворяне присваивали от вольной пропинации 1286344 руб. барыша, или два годовых дохода белорусских губерний в 1785 г.[7] И

---

4 НИАБ, ф.2567, д.70, л.314–314 об.

5 ЧОИДР. М, 1865. Кн.2. С.72–74. (Датируется 1780–1782 годами.)

6 НИАБ, ф.2567, д.206, л.1–63; РГАДА, ф.248, оп.57, д.4770, л.1065–1133; РГВИА, ф.18, оп.3, д.14, л.358 об.

7 РГАДА, ф.1239, оп.3, д.59028, л.3–4. В 1799 г. в тех же губерниях считалось 1394 винокурен с производительностью 642691 ведер в год. Причем только в Полоцкой губернии из 264997 ведер 37945 по-

это при том, что крестьянские недоимки тогда достигали 140 тыс.руб. Участие русских дворян в этом разорительном предпринимательстве выражается в том, что они, составляя лишь 10% владельцев имений и имея 32% крестьян мужского пола, производили 33% ведер вина, на которые перерабатывалось 30% собранного хлеба.

О практике помещичьей виноводочной промышленности некоторое представление можно получить по имениям Меркуловичи и Ректа, которыми с 1774 г. владел по именному пожалованию русский князь А.М.Голицын.

Натянутые отношения этого влиятельного сановника с местными евреями начались в 1776 г., когда те отказались вносить 60 коп. винного откупа вместо прежних 30 коп. с души. Управляющий шляхтич Л.Гулевич тут же дал понять, что непокорным "жить в деревнях наших не для чего"[8]. Чтобы поставить евреев на колени, эконом закупил на Украине пенное вино и решил продавать его через надежного бобыля под круговой порукой крестьян. Угроза подействовала, и еврей Шихер согласился взять господское вино на откуп за 30 руб. Господская затея состояла в том, чтобы ведро покупалось на стороне за 1 руб. 20 коп., а продавалось на месте за 1 руб. 60 коп. То есть барыш составлял 40 коп., из которых 5 коп. полагались еврею за труды. В случае же, когда не евреи, а крестьяне привозили вино, барыш на каждом ведре вырастал до 60 коп.

Владелец продолжил аренду с евреями до постройки винокурни с условием: при очередном саботаже он выгонит их из имения и заменит сидельцами из крестьян. Однако и покупка, и завоз хлеба оказались дорогим занятием, их с успехом мог заменить только мельничный помол хлеба с собственных фольварков. Винокуренный завод был открыт в декабре 1784 г. из расчета переработки 1200 четвертей хлеба и с выходом 6300 ведер вина. Для помола зерна эконом советовал сдать мельницы тем евреям, "кто окажет бóльшую податливость" на новые продажные цены[9]. Для регулярного произ-

---

ставлялись в казну (РГИА, ф.1374, оп.2, д.1445, л.13).

[8] ОПИ ГИМ, ф.14, д.1976, л.3, 12 об.

[9] ОПИ ГИМ, ф.14, д.1976, л.86, 105 об. (Из одной четверти в

водства хлеба с крестьян стали требовать увеличенную барщину, что встретило их упорное сопротивление. Тогда хлеб решили брать с зажиточных крестьян; это, в свою очередь, оказалось невозможным из-за неурожаев и сознательного прибеднения достаточных (состоятельных) мужиков.

В итоге, эконому пришлось разложить хлебный сбор по 2 руб. за четверть в зачет оброка со всех крестьян, а на один винный затор взять из закромов всю рожь, которая, как он признавал сам, "могла б в случае бедности крестьян прокормить до нови". Цинично лишая крестьян продовольствия, эконом считал нужным сохранить контракты с евреями, ибо полагал, что доведенные до нищеты крестьяне не выпьют и 2 тыс. ведер из запланированных 6300. Да и сам наместник Чернышев, сообщал он Голицыну, не торопится заводить кабаки[10], предпочитая брать деньги с еврейского откупа. Однако еврейские мельницы крутились слабо из-за отсутствия крестьянского подвоза. Управляющий расценивал это как коварство израелитов и в 1789 г. обложил их аренды лишними 500 рублями. Одновременно пришлось поддерживать неимущих крестьян раздачей им хлебных (продовольственных) ссуд без всякой надежды возврата и вести принудительную обработку наделов безлошадных хозяев[11]. Богатые мужики снова уклонились от круговой ответственности и предпочли тайно вывозить хлеб на продажу. В 1794—1795 гг. сократились посевы пеньки — самой прибыльной культуры, что эконом тоже объяснил скрытной скупкой вероломных евреев. Он запретил им держать по домам весы и возложил контроль на краснопольского мещанина Давида.

Хлебные раздачи с коллективной барщиной к 1797 г. привели к недоимке, которая в два раза превышала наличные хлебные запасы и, по мнению самого Голицына, только

---

10 пудов выходило 5,2 ведра пенного вина, а с полугара — 6 ведер. Это данные из отчетов эконома имений.)

[10] В 1780 г. Чернышев держал винокурню, где с 1 четверти выходило 4 ведра вина (ОПИ ГИМ, ф.14, д.2025, л.68 об., 74—78 об.; д.1975, л.16 об.).

[11] ОПИ ГИМ, ф.14, д.1970, л.42-43; д.1976, л.126 об.

"балует" крестьян и приучает их к иждивенчеству[12]. В итоге накопилось "столь ужасное число розданного хлеба, который остается без надежды когда-либо возвратить". Голицын решил снова перегнать хлеб в вино. Однако в этот момент (1 сентября 1798 г.) действовал указ о выселении евреев в города[13] и прекращении с ними контрактов. Помещики стали повсеместно расторгать договора и замещать в шинках евреев своими крестьянами. Тем не менее, Голицын потребовал оставить евреев в имениях с условием их согласия продать 5500 ведер по цене 3 руб. 20 коп. Князь смело обошел правительственный запрет, потому что контракты с евреями "никогда не регистрировались" в маклерских книгах. Евреи ответили на княжеский ультиматум упорством, соглашаясь только на 3650 ведер (по 1 руб. 20 коп. каждое), зная, что на иное не позволит крестьянская нищета. Они даже отклонили предложение взять в свободную аренду саму винокурню, заявив, что выручить откупные деньги невозможно без раздачи их взаймы и продажи вина на стороне[14].

Новый подряд с еврейскими откупщиками был заключен 1 января 1798 г. на таких условиях. Подрядчики брались продать за год 2060 ведер господского вина путем раскладки их между собою по цене 2 руб. 50 коп. за каждое. Они обязывались внести требуемую сумму частями под взаимной круговой ответственностью. За свою исправность они отвечали конфискацией имущества. При продаже вина в розницу (квартами) с кварты следовало брать 3 руб. 20 коп., а оптом (ведрами) — "как мы сами положим" или по 2 руб. 80 коп. Они обещали клеймить кварты в шинках, не покупать ворованной продукции, не обижать крестьян, не брать с них за помол зерна сверх положенной десятины, не разбавлять поставленного вина водой. Местным крестьянам и евреям запрещалось покупать вино у сторонних лиц под угрозой 5 руб. штрафа, как за обман крестьян. Подрядчики не смели ссужать крестьян более чем на 50 коп. и брались сами, без панской помощи, взыскивать недоимки.

---

12 ОПИ ГИМ, ф.14, д.1979, л.76 об, д.1980, л.2, 29; д.1982, л.1—6.
13 ОПИ ГИМ, ф.14, д.1982, л.8 об., 94 об.
14 ОПИ ГИМ, ф.14, д.1982, л.14 об. — 16.

Ровно через полгода подрядчики усомнились в своих способностях и попросили сбавить цену наполовину. Управитель имений немедленно донес Голицыну, что уступка чревата потерей дохода, тем более что подушный оброк с крестьян берется медью. В обстановке падения курса бумажных денег (ассигнаций), писал он, выгоднее вносить подати ассигнациями, чтобы не платить возникшего лажа. Он советовал снова перегнать хлеб в вино, чтобы накопить как можно больше ассигнаций[15].

Другой, не менее показательный, пример запечатлен тяжбой прикагалка местечка Колышки (Суражский уезд Полоцкой губернии), который в августе 1777 г. владелец имения Варшавка Т.Огинский заставил платить за мёдо- и пивоварение выше привилея отца и к тому же ввел пошлинный сбор с продажи продовольственных товаров. Обиженные евреи пожаловались губернатору А.Нарышкину на утрату своей монополии оптовых скупщиков крестьянской продукции, так как теперь "всякому крестьянину дозволено продавать где кому способнее". Возопив о таком притеснении и убытках, они просили вернуть им "прежний способ существования" и даже соглашались брать господское вино ведрами для розничной продажи. Они требовали вообще запретить Огинскому (а проще говоря — крестьянам) продавать вино в других местечках владения, к корысти других евреев. В противном случае они просили переселить их в г.Сураж, а средства для переселения взыскать с притеснителя. Нарышкин постановил, что помещик волен выселять евреев, единственно уведомив его об этом за полгода. Евреев обязали приплачивать к цене ведра (1 руб.) еще 30 коп. За собственную горячую варку они обязывались платить писарю вдвое и только в таком случае могли продавать напитки вне имения. Нарышкин дал разрешение на переселение ходатаев, но потребовал разобраться с оценкой их жилья. Под таким нажимом колышские евреи решили остаться на прежнем месте до времени заключения нового договора с Огинским[16].

Как видно, в пределах отдельных вотчин само жительство

---

[15] *ОПИ ГИМ, л.17–20, 37, 40.*

[16] *НИАБ, ф.2567, д.15, л.20 об.*

евреев зависело от уступчивости их на условия владельческого винοделия, от которого происходили подлинные бедствия крестьян. Мотив крестьянского разорения, голода и дороговизны как достаточный для возведения еврейской ответственности в ранг государственной политики выразительно иллюстрируется и более широким примером.

16 января 1790 г. полоцкое губернское правление насчитало на Полоцком, Себежском, Невельском и Дриссенском уездных судах 62208 руб. недоимки, накопившейся там с 1785 г. вместе с 8648 четвертями поголовного хлеба. Правление отвело судам 3 месяца для сдачи недоимки, но затем 7 раз грозило помещикам секвестром их имений. Вице-губернатор М.Лопатин даже наказывал крестьянам, "чтоб они своим помещикам не повиновались", а брались за самостоятельное управление имениями через выборных старост. Неслыханная дерзость русского чиновника натравливала мужиков на панов, а довольные крестьяне отказывались от господских работ и подчинения. Тогда 12 апреля 1791 г. новый наместник П.Пассек отважился отрешить 16 членов выборных помещичьих судов от должностей. Благородное дворянство встретило ретивые команды начальства саботажем с не меньшим, чем у крестьян, азартом. Городничие отвертелись от выполнения экзекуций ссылкой на отсутствие солдат, которых помещики почему-то приютили на прокорм в своих имениях. Помещики дружно сослались на неурожай и царский манифест 5 июля 1787 г., списавший все недоимки за 20 предыдущих лет[17]. Многие не опасались репрессий, потому что их имения состояли в банковском залоге или под так называемым запретом. Других опечалила неровность наказания. Например, жена известного драматурга Д.Фонвизина Екатерина жаловалась, что платит с имений мужа незаслуженные 3869 четвертей чужого долга, да и то — за нерадивость арендатора барона Медена, который не имел в Белоруссии имения. Казенную палату обвинили в том, что она в поисках прибыли халатно раздала поголовный хлеб без обес-

---

[17] *Тогда же по Чериковскому и Мстиславльскому уездам Могилевской губернии числилось 23539 руб. недоимки (РГАДА, ф.248, оп.62, д.5399, л.619).*

печения поручителей беспоместным владельцам. Сами суды потворствовали помещикам, утаивавшим от описания крестьян, доходы, мельницы, корчмы и т.п.[18]

Крутые меры частично восполнили поставки в армейские склады, но парализовали страхом уездные власти. Сенат 2 сентября 1792 г. отменил угрозу секвестра имений и оставил судей при должностях. Аналогичные распоряжения по двум уездам Могилевской губернии завершились все-таки 21 декабря 1794 г. изгнанием судей. Перетасовка кадров дала временный успех: укрытый хлеб помещики предпочли перегнать в водку и вино, а в Полоцкой губернии разразился голод.

В июне 1793 г. полоцкий губернатор С.Неклюдов старался внушить дворянам через предводителей и нижние земские суды "явить опыт человеколюбия" и помочь голодающим крестьянам. Однако владельцы отозвались в том смысле, что они "истощили все свои силы, и им нечем снабдить" страждущих. Генерал-прокурор Сената А.Н.Самойлов из представленного рапорта уяснил, что голод вызван винокурением, "а паче евреями", что полоцкие дворяне просили своего губернатора запретить евреям винную сидку. 22 июня 1793 г. Сенат поручил Пассеку запретить винокурение в губернии. Наместник отозвался с пониманием: "Никто для онаго столько хлеба не сожигает, как евреи, имеющия аренды, производя под именем некоторых белорусских помещиков винокурение"[19].

Одев тогу крестьянского защитника, Пассек решил превратить временный запрет в постоянную меру — "доколе благородное общество через нижние земские суды и предводителей не удостоверит, что годичное пропитание крестьян, но и засев фольварковых и крестьянских полей будет изобильно". Тем самым он потворствовал лживой отчетности благородного сословия, которое припрятывало хлеб под предлогом про-

---

[18] *Там же, д.5367, л.86, 103, 114–118, 206–207.*

[19] *РГАДА, ф.248, оп.66, д.5893, л.945 об., 964. Анішчанка Я.К. Падрыхтоўка да ўвядзення рысы аселасці ў Беларусі (1781–1793 гг.) // Весці АНБ. Сер.гуман.навук. 1993. №1. С.68. На действительные факты прямого притеснения крестьян арендующими евреями в конце XVIII в. ссылается Гессен Ю. (Евреи в России. СПБ, 1906. С.351).*

кормления голодающих, а на деле обращало запасы хлебных магазинов в вино. Эту уловку приметил сам же Сенат, 18 октября 1793 г. не обнаруживший дворянского рвения на поставку алкоголя в казну. Тогда Пассек прибег к очередному прямолинейному решению. 7 ноября он запретил вывоз хлеба за границу, но винокурение оставил в помещичьих фольварках, чтобы "питать скот брагою и слать гумна соломою для накопления и умножения навоза". Еврейские же корчмы оказывались бесполезными из-за... своей удаленности от фольварков, истребления хлеба и лесов, безнадзорного спаивания крестьян. Соседство еврейских корчем с городами без выгонов оказывалось вредным из соображений так называемой конкуренции. В уездах евреи оказывались опасными и нежелательными, так как вместо денег они выбирали у крестьян продукты (хлеб, пеньку, скот, холст, лён) и обрекали несчастных питаться даже в урожайные годы "мякиною и простой водою".

Пассек выдвигал эти обвинения уже не в качестве дворянской инициативы, а в виде личного открытия. По его мнению, помещики не запрещали евреям винокурение "по недомыслию всего общества". Особенным тугодумием он наделял мелкопоместную шляхту, крайне доверчивую к крестьянским разорителям. Наместник повторил давнишнее изобретение М.Коховского, но сейчас для блага дворян предлагал расторгнуть контракты и выселить евреев в города. Сенненский, чаусский и рогачевский предводители дворян Могилевской губернии озаботились перед своим губернатором, генерал-поручиком С.Вязьметиновым, требованием сохранить винокурение для тех помещиков, которые имели фольварки с запашками и, следовательно, мыслили виноделие исключительно на основе барщинной повинности крестьян. Однако дворянские адепты соглашались на запрет экспорта хлеба, поскольку в этом случае загружались их винокурни. Сама Екатерина II согласилась с их резонами. 9 декабря 1793 г. она подписала указ, запрещавший евреям белорусских губерний винокурение до будущего урожая, удерживавший на время вывоз хлеба в Ригу и не требовавший взыскивать поголовный хлеб в

числе податей[20].

Царские запреты сказались на платежеспособности деревни неожиданным образом. Пассек 28 сентября 1794 г. с горечью признал, что помещики буквально ринулись без разрешения производить винокурение, отчего цены повсеместно подскочили до 6—11 руб. за четверть, не говоря уже о громадной хлебной недоимке. Продовольственное обеспечение армии снова оказалось под угрозой. И вот 27 сентября 1795 г. тайный советник П.Самойлов требует от белорусских губернаторов снять в Полоцкой губернии запрет на винокурение, но только в отношении исправных плательщиков податей и до тех пор, пока они не рассчитаются с казенными недоимками. Евреям же винокурение запрещалось — в силу дороговизны продуктов.

Этот эпизод ярко характеризует скрытые перипетии вокруг пропинации. Царизм с первых лет присоединения белорусских земель вынашивал планы замены вольной пропинации казенной монополией, но ограничивался регулированием ее подрядами, угрозами секвестра имений и административным смещением судей. Эти паллиативные меры только озлобляли дворян, а с ними царизм устойчиво не желал ссориться. Игры крестьянских "защитников" неизменно оборачивались против евреев, на которых списывали катастрофическое состояние с продовольствием и платежеспособностью деревни. Русские власти постоянно оказывались в тупике: что делать с евреями?

Но с таким же постоянством прямодушный ответ поступал от местного дворянства, готового предостеречь казну от убытков и недоимок поручительством своими населенных имениями, то есть крестьянами. 15 и 30 мая 1781 г. к наместнику З.Чернышеву поступило ходатайство предводителей дворян Полоцкой губернии С.Снарского и Могилевской — И.Голынского. От имени дворянских собраний своих губерний они просили забрать у городов (то есть у магистратов) винокурение, запретив им держать бровары, которые наносят "подрыв" драгоценному историческому дару, предоставленному одному лишь дворянству. Хотя евреев авторы петиции

---

[20] *РГАДА, ф.248, оп.66, д.5893, л.956, 976.*

прямо не упоминали, но питательной средой нежелательной конкуренции в уездах назывались корчмы, где осмеливаются продавать продукты ценами и весом меньше определений дворянских депутатских коллегий. В целях унификации деревенской торговли С.Снарский предлагал подчинить корчмы контролю нижних земских судов — опять-таки, помещичьих органов. Нарушителям единообразия угрожала пеня в 8 руб. в пользу доносчика и еще 2 руб. — на нужды дворянских собраний[21].

Подобные требования об уничтожении городских винокурен предводители повторили и в мае 1784 г.[22] Прозвучали они именно в эти годы и именно в смысле категорического искоренения нежелательных для дворян конкурентов.

Прежде всего, полоцкое благородное собрание в этот момент не могла не беспокоить сдача по итогам торгов 1779—1780 гг. магистратами винных откупов евреям на положенные три года. Известно, что в г.Люцыне подрядчиками выступили Семка Исакович и Мовш Филкович, в Сураже — купец Зейна Шанарович. Полоцкий магистрат сторговал подряд за 6 тыс.руб. своему кагалу, городокский — за 400 руб., а витебский — за 65000 руб. также своим кагалам. В Велиже еврейские откупщики просто сменили христианских купцов. В остальных городах из-за неявки желающих на общую сумму в 20 тыс.руб. подрядились те же евреи[23]. Подрядчики обязались позволять каждому шинкарю покупать вино, где тот "похочет", но с условием продавать его за печатью откупщи-

---

[21] НИАБ, ф.2567, д.43, л.199; РГАДА, ф.248, оп.80, д.6498, часть 2, л.185.

[22] РГАДА, ф.248, оп.80, д.6552, часть 2, л.88—89.

[23] НИАБ, ф.2567, д.36, л.21—23; д.61, л.51 об. Для сравнения приведу контракт между витебским магистратом и городокским предводителем дворян Г.Милкевичем от 30 января 1789 г. Последний выступил поручителем двух помещиков, которые брались продавать вино ведрами (каждое по 3 руб.) без уплаты позему в обывательских домах. Вино могло быть как собственного производства, так и купленное в Белоруссии. Служащие, или сидельцы набирались из своих крепостных или наймом, кроме беглых лиц. Всякие траты из питейного откупа на цели казенного строительства зачитывались в итоговую калькуляцию (НИАБ, ф.2609, д.61, л.5—8).

ков.

От таких условий закупок выгадывали прежде всего имевшие крупные имения помещики. Предводители поэтому оправданно заботились о гармонии общедворянских интересов и соблюдении равных выгод для всех винопроизводителей в уездах. Их настойчивость уместна еще и потому, что 17 апреля 1783 г. был издан знаменательный указ, проторивший путь к устранению магистратов от концессионных прав на подряды. Согласно этому указу, с 1779 по 1783 г. в Москве и Петербурге[24] питейные сборы были сданы двум купцами (московскому И.Логинову и курскому И.Голикову). Они могли закупать ординарную водку на Украине, в Лифляндии и Белоруссии. Таким образом, "готовую" водку они могли не только приобретать в белорусских губерниях, но и провозить через них. За весь откуп эти купцы обязались внести 2,3 млн.руб в год!

Без сомнения, что для белорусского дворянства, ряды которого к этому времени пополнила русская знать, выгодней оказалось иметь дело не с тощими бюджетами кагалов, а с подобным золотоносным источником. Такой же интерес к новым подрядчикам проявляла и местная, также в основном русская, администрация — уже в силу того, что из ассигнованных по сметам 1778 г. 320 тыс.руб. на строительство административно-культовых сооружений к 1785 г. по обеим белорусским губерниям было истрачено 377 тыс., а в недоимке числилось 80 тыс.руб.[25] Возникший дефицит как раз и было решено покрыть за счет переоценки винных откупов с кагалами и вместо нежелательного повышения оброков с крестьян.

По условиям губернской реформы 1775 г., концессии на подряды реально отошли губернской администрации в лице казенных палат. Это означало отстранение магистратов от заведования столь прибыльной статьей доходов. Неудивительно поэтому, что полоцкая казенная палата сдала винные откуда в губернии с 1 января 1784 г. до 1 января 1787 г. двум русским купцам — гжатскому И.Олонкину и московскому

---

[24] *ПСЗРИ-1. Т.20. №14728.*

[25] *РГАДА, ф.248, оп.53, д.4405, л.36, 102, 105; ф.1261, оп.12, д.87, л.22 об.*

Г.Протопопову. Они взяли подряды по Полоцку, Дриссе, Себежу, Невелю, Городку, Динабургу на 3 года, по Витебску — на 2 года (с 1785 г.), а в остальных городах — на год (с 1786 г.). Вся сделка на сумму 147887 руб. была заключена в присутствии самого наместника, поскольку она достигала трети годового бюджета Полоцкого наместничества. Предусматривалось, что подрядчики уступят в пользу городов 103552 руб., а остальные средства пустят на винные заготовки[26].

Подрядчики воспользовались своим правом субподряда и отдали откуп по Невелю и Суражу на 6 лет порецкому купцу П.Тарушкину под условием варки им 5 тыс. ведер вина в год. Тарушкин часть денег отпускал на возведение моста в Витебске. Знаменательно, что при тех же торгáх поставки в Белоруссию около 100 тыс. пудов соли также попали в руки 4-х купцов из Нижнего Новгорода, Бельска, Пскова и Торопца. В Могилеве финансовые аппетиты администрации вынудили 4-х еврейских купцов отказаться от участия в торгах. Здесь казенная палата сдала винный откуп в июле 1782 г. петербургскому купцу П.Черняеву под поручительством председателя второго департамента верхнего земского суда А.Маковецкого. 11 декабря 1783 г. состоялись переторжки, и откуп достался родственнику наместника Пассека Ф.И.Мурашевскому[27]. Последний, а по сути сам наместник, руководство казенной палаты[28] получили право самостоятельно изготавливать вино и продавать его по таксе: ведро вина — 2 руб., водки — 4 руб., пива — 32 коп., мёда — 64 коп. Годовая откупная сумма по Могилевскому наместничеству составляла 42201 руб., а по Полоцкому — 56409 руб.

Следовательно, в течение 1784—1787 гг. по обеим наместничествам с винного откупа ожидалось 393 тыс.руб., достаточных для возмещения возникшего дефицита и строительных затрат. Винные откупа делались купцами под предлогом отсутствия в городах винокурен и достаточного хлебопашества.

---

[26] *НИАБ, ф.2567, д.36, л.23; д.65, л.697 об.; д.71; д.139.*

[27] *РГАДА, ф.248, оп.66, д.5835, л.2, 28, 38; оп.52, д.4359, л.427—444 об.*

[28] *Анішчанка Я. Храм Абручніка і вакол яго // Культура. 1995. №23.*

Примечательно также, что директор полоцкой казенной палаты П.Грамацкий собирался вначале превратить казенные имения в винные фабрики, чтобы "можно было б довольствовать города вином". Однако ни сдать откупа по государственным имениям, ни завести винокурни в дворцовых волостях не удалось. Там не хватало леса. Дорогим оказался привоз дуба для винных бочек из России. Но едва ли не самым важным препятствием явилась мизерность фольварков и то, что староства намечалось снова раздать в вечные пожалования приближенным к царскому двору лицам. Поэтому заведение винокурен в казенных имениях грозило встретить сопротивление крестьян и представлялось "непрочным и ненадежным" делом[29].

Таким образом, в 1783—1784 гг. винный откуп в белорусских губерниях практически был отобран у магистратов. Им стали распоряжаться четыре русских купца, а фактически — губернская элита. Кампанией по запрету винокурения в городах они добились для себя бесконтрольных преимуществ. Местное дворянство помогло им отстранить еврейские кагалы от столь доходного промысла. Тем более, что оно само не понесло потерь и монопольно сохранило древнюю привилегию.

Для казны самой надежной гарантией для сбора сумм с винных откупов были помещичьи крестьяне, а не обремененные долгами кагалы. Именно поэтому помещики так настойчиво и успешно домогались подтверждения своих прерогатив. Вот так на рубеже 70—80-х гг. XVIII столетия в белорусских губерниях вновь столкнулись враждебные виды русских и еврейских торговцев, воскресли их старые дрязги. После этого евреи могли свободно заниматься привычным промыслом только в уездах, вне городской территории. Однако попрежнему, начиная с 1772 г., им был закрыт доступ для торговли на коренной территории России под предлогом сбережения великорусских жителей от пагубных последствий вольной пропинации в Белоруссии.

---

[29] *РГАДА, ф.248, оп.52, д.4359, л.429.*

Часть 3
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОРЫВ В БЛОКАДНЫЕ ГОРОДА

Итоги полоцкого совещания 1773 г. разочаровали демократические ожидания еврейских низов: кагал сохранил свое всесилие и к тому же стал полицейским придатком правящей царской бюрократии. Евреи остались инородцами присоединенной территории, жителей которой царизм собирался массово обратить в православие для доказательства ее исконной русскости.

Как заметил Ю.Гессен, Екатерина II рассчитывала так слить евреев с христианами, чтобы между ними остались только религиозные отличия[1]. Думаю, это натянутое предположение. Ясную перспективу принадлежать к коренным жителям обозначал пример 1762 г., когда право на поселение в России предоставили евреям слободы Ветка (центр сосредоточения беглых русских раскольников), принявших старообрядчество. Показательно и то, что часть лидеров хасидизма осела в Петербурге, сменив традиционную веру[2]. Еврейскому единству угрожал и царский указ 19 октября 1776 г., освободивший раскольников от податей[3]. Хотя сам термин "раскольник" конкретно обозначал всех отступивших от ортодоксального православия, однако он касался и тех сектантов, которых кагал преследовал в пределах своей власти и с помощью государственного принуждения. Не случайно после

---

[1] *Гессен Ю. Евреи в России... С.219.*

[2] *Fishman D.E. "Russia's" first modern Jews. The Jews of Shklow. N-York, 1995. P.5, 12, 15, 52–61;*

Гордон Л.К. К истории поселения евреев в Петербурге // Восход. 1831. Кн.1. С.120–122. Кн.2. С.29–37. (Среди них – Абрам Перетц, Иегуда Лейб Ноах, Натан Шкловер.)

[3] *РГАДА, ф.248, оп.47, д.4078, л.341 об.*

данного указа появляются не единицы, а сотни перекрещенцев-неофитов. По данным на 17 мая 1777 г., в Могилевской губернии иудейство оставили 411 мужчин и 275 женщин, а в Полоцкой — 58 мужчин и одна женщина[4]. К ним, видимо, следует добавить 7 человек, отмеченных в 1782 г. по Мстиславльской провинции[5]. Вероятно, в последнем случае данные повторялись, так как по ведомости Абрам Еселевич в 1774 г. назывался Августином Степановичем Верещинским, Янкель Берхович в 1779 г. — Михаилом Мартинкевичем, его сын Мовш — Антоном Мартинкевичем и т.д. В появлении неофитов сыграло роль и насилие католических кругов. В частности, в апреле 1779 г. шляхтич Полоцкого уезда С.Дерюжинский крестил сына арендатора Евны Мейзеровича, шляхтич Б.Гласко — арендатора Нахмана Нахимовича, монахини-мориавитки — дочь Нотки Ицковича, дриссенский ксендз Смоляк высек "из злости" упорствующего Шлему Абрамовича[6].

Эти прецеденты вырваться из презренного "жидовства"[7] выросли в настоящую угрозу в ходе реализации губернской реформы 1775 г. Она внесла перелом в судьбы евреев бывшей Белорусской синагоги. Достаточно вначале определить ее значимость, чтобы затем оценить ее последствия. В добавление к 7 городам учреждалось еще 16 новых уездных центров: ими становились бывшие местечки частных владельцев. В ранг государственных "граждан" переводились жившие в них крепостные и евреи, что не могло не привести к острым и драматическим столкновениям между ними. Эта вражда могла регулироваться только в общегосударственном масштабе. Как уже отмечалось, осенью 1775 г. была предпринята попытка лишить города винокурения. Мещане, не имевшие в уездах крестьян, не могли даже ввозить вино в города, что стимулировало евреев переселяться в новые центры.

17 марта 1775 г. по всей империи было разрешено записываться в купечество и мещанство, что придавало особое освобо-

---

[4] *РГАДА, оп.53, д.4305, л.382–382 об.*

[5] *Там же, оп.47, д.4078, л.341.*

[6] *НИАБ, ф.2567, д.24, л.147–152.*

[7] *Клиер придает особую роль визиту Екатерины II в Белоруссию в 1780 г., когда, по его мнению, слово "жид" официально сменили на "еврей" (Klier J.D. The Ambiguos legal status of Russian Jewry in the reign of Catherina II // Slavic Review. 1976. Vol.35. №3. P.505.).*

дительное значение и указу 1776 г. об освобождении раскольников от податей. Наконец, "Учреждение о губерниях" 1775 г. создавало для каждого сословия свои судебные и представительные органы. В их структуре специально не оговаривались кагалы, хотя и в административном, и в фискальном отношении они замыкали евреев в особую социальную группу. В рамках общей реформы неизбежно вставал вопрос о кагалах как специальных судах для евреев.

Мартовский указ 1775 г. о записи в купечество и мещанство в самих внутренних губерниях России рождал тягу крестьян и "чумазых капиталистов" к выходу из крепостного состояния. Это опасное освободительное стремление Сенат решил пресечь указом 5 декабря 1778 г., чтобы успокоить дворян[8]. Мотивы своего беспокойства сенаторы изложили во всеподданнейшем рапорте от 15 ноября 1781 г. В докладе царице они мыслили "удержать крестьян при настоящем их звании, чтоб не отяготить города **бесполезными людьми** (выделено. — ***Е.А.***), а наипаче, чтоб не подавать им повода уклониться от военной службы"[9] и чтобы "достаточные не уклонились" от подушного оклада. В соответствии с традиционным дворянским презрением к торговле и ремеслу сенаторы отмерили и свои предостережения насчет незыблемости крепостного строя. Угроза уклонения крепостных от рекрутчины и податей привела к изданию постановления 7 февраля 1782 г., которое повсеместно запрещало купцам и мещанам проживать в деревнях, чтобы они "не утесняли крестьян"[10]. Логически это означало не только принудительное выселение из деревень всех лиц, записанных в городское "гражданство", но и прямой запрет им владеть крестьянами. Владение населенными имениями считалось и объявлялось привилегией дворян.

На присоединенной территории еще в 1764 г. конвокационный сейм Речи Посполитой запретил евреям-неофитам возводиться в

---

[8] *Дитятин И. Устройство и управление городов России. СПБ, 1875. Т.1. С.401; Рындзюнский П.Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С.93.*

[9] *РГАДА, ф.248, оп.52, д.4329, л.88.*

[10] *Гессен Ю. История еврейского народа... С.62–63.*

достоинство "прирожденного польского дворянства"[11] и властно потребовал слить таковых с мещанством и крестьянством. Это постановление не имело силы в Российской империи, где соблюдался свой кодекс нобилитации. Данные сословные ограничения касались 1947 крестьян мужского пола, которыми в 1777 г. владели члены магистратов и ратуш Полоцкой и Могилевской губерний[12]. Держали эту горстку крестьян христианские верхи городов, а евреи не имели к этому наследству судьбоносного отношения. Достаточно привести такие примеры.

В 1786 г. витебский бургомистр И.Литвинка продал надворному советнику В.Фатову 112 крестьян в своей слободке Горoватка под Витебском. Остальные 51 просились записаться в мещане, но дали подписные листы без доверенности[13]. Рогачевский староста граф М.Поцей в 1774 г. взял у ратманши Ляховской 36 тыс.руб., которые считались складкой витебских мещан. Ляховская раздала остаток в 13 тыс. под рост. Среди векселедержателей, наряду с магнатом Ф.Огинским, фигурировали купцы Литман Беркович и Давид Вольфович. Вскоре ратманша вышла замуж за губернского прокурора Любощинского и как столбовая дворянка начала процесс по возвращению розданных сумм. Кредиторы потребовали гарантий векселей, обеспеченных помещичьими имениями Поцея. Вот тут-то наместник Пассек припугнул Сенат, что иск Берковича в 662 руб. "угрожает лишить Любощинских имения", а сам еврей-купец может обратиться в законного помещика. В 1793 г. благородные нобили согнали с Берковича все 30 тыс.руб.[14]

Крепостники страшились вторжения еврейского капитала в сферу сословной монополии дворян недаром. Здесь следует привести малоизвестный и чрезвычайно важный указ Екатерины II, который предопределил многое в последующих событиях. Он распространялся на белорусские губернии, где царизм испытывал нехватку чиновников и решился допустить в их среду лиц по выборам от местных обывателей. Екатерина II подписала его 28 января

---

[11] *Космылеў В. "...За шляхтича почитаны быти мають" // Беларуская мінуўшчына. 1996. №6. С.46—47.*

[12] *В том числе 763-мя в Могилевской и 1184-мя — в Полоцкой губернии.*

[13] *РГАДА, ф.248, оп.62, д.5939, л.762—768.*

[14] *РГАДА, ф.248, оп.66, д.5836, л.224—226, 285, 580.*

1778 г., а Сенат наложил свою санкцию 29 января. Указ разрешил всем государственным служащим покупать земли с крестьянами, а также брать их в залог (аренду) на свое или чужое имя. Он распространял право купли-продажи крестьян на всех "начальников, судей, членов и всех у дел находящихся"[15], как назначенных сверху, так и избранных на месте. Вне всякого сомнения, в эту дозволенную среду могли попасть и евреи, которые записались в городские книги и обретали должности по выборам.

Правительство прекрасно сознавало это и 22 февраля 1784 г. запретило "нехристианам" (то есть евреям) покупать и продавать, — словом, иметь крепостных крестьян. Лишь купцам первых двух гильдий разрешалось держать фабрики и заводы, что, впрочем, не возбранялось с момента указа от 17 марта 1775 г.: вполне естественно, без покупки и найма крестьян заводы были недееспособны. Пример с овечьим заводом Гирша можно продолжить попыткой белорусского 2-й гильдии купца Гецеля Лейзеровича, просившего 31 августа 1799 г. продать ему 200 крестьян для учреждения фабрики по снабжению áрмии юфтяными и подошвенными кожами. Поверенный просителя, могилевский мещанин Шолом Юдович предлагал на обзаведение 25 тыс.руб. Мануфактур-коллегия отказала ходатаю, отыскав для этого благовидный предлог: мол, 23 июня 1794 г. она разрешила евреям в черте оседлости заводить рукоделия... без крестьян[16].

Январский указ 1778 г. вышел в момент официального открытия белорусских наместничеств со всеми определенными административными и судебными штатами. Только после этого заполнения должностей белорусские евреи указом 7 января 1780 г. получили право на запись в купечество и мещанство[17]. Посмотрим, как они одолевали неприступные крепости.

Прежде всего, в поисках свободного пополнения горожан власти обратились в 1779 г. к беглецам из империи, посулив им амнистию и право самостоятельно выбрать род занятий и местожительство. На этот призыв до 1792 г. из-за границы вернулось 10 тыс.чел.[18]. Они в большинстве предпочли записаться в ме-

---

[15] *РГАДА, ф.248, оп.49, д.4161, л.146,197.*

[16] *РГАДА, ф.277, оп.14, д.599, л.1 — 7 об., 12.*

[17] *НИАБ, ф.2567, д.264, л.17; ПСЗРИ-1. Т.20. № 14962.*

[18] *Анішчанка Я.К. Рускія мігранты на Беларусі ў канцы XVIII ст. // Весці*

щанство городов Полоцкой губернии. Из них часть старообрядцев временно осела в государственных владениях, чтобы затем оказаться в числе горожан[19]. Так, в 1779 г. при учреждении городами Невеля, Себежа, Велижа из казенных крестьян в мещанство вступило 3287 мужчин. С них списали 10 тыс.руб. податей[20]. Такое обхождение было ущербно для казны, а в самих городах провоцировало этнорелигиозные конфликты при отводе земель новопоселенцам и льготникам. При существовавшей системе прописки записанные в новое звание до очередной ревизии платили прежние подати, и только благоволение властей освобождало их от двойного обложения[21]. Если русским старообрядцам, раскольникам помогало русское урождение губернской власти, то на евреях буквально висели гири кагальной зависимости.

Испытанием для властей оказался выкуп частновладельческих местечек, потому что бурный рост городов, который сама Екатерина II возводила в символ благополучия своего царствования и торгово-промышленной активности, на деле был насквозь формален. Города назначались тогда так же, как офицеры повышались в чине. В уездные центры подбирались обычно местечки и села, мало отличавшиеся от крупных деревень. Для представления о последствиях такого градообразования стоит обратить внимание на следующую статистику.

В 1772—1774 гг. в семи городах Псковской и Могилевской губерний насчитывалось 7093 христианина и 2873 еврея. "Учреждение о губерниях" 1775 г. добавило к ним 16 местечек с 8598 христианами и 2793 евреями. Иначе говоря, городской состав к 1777—1779 гг. вырос наполовину. Причем горожанами стало 29% всех христиан и евреев местечек. Однако в Белоруссии все евреи, независимо от того, жили они в местечках или в деревнях, были приписаны к кагалам. Тем самым все еврейское население механически зачислялось в состав городских граж-

---

АНБ. Сер.гуман.навук. 1995. №4. С.63—64.

[19] *Анішчанка Я.К. Яўрэі Усходняй Беларусі ў канцы XVIII ст. паводле ўрадавага ўліку // Весці АНБ. Сер.гуман.навук. 1993. №4. С.67.*

[20] *РГАДА, ф.248, оп.51, д.4305, л.163, 166.*

[21] *Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С.52.*

дан[22], что дало повод говорить об их эмансипации.

По смыслу разрешений 1775 и 1780 гг., только купцы освобождались от подушного оклада и платили 1% с объявленного ими "по совести" капитала, минимум которого составлял 500 руб. (5 руб. в год). Купцы, таким образом, резко отличались от мещан в податном отношении. Это также означало, что кагал лишался наиболее состоятельных членов: они освобождались от кагальных раскладок. В кагалах снова разворачивался раскол, так как купцы избавлялись от коллективной ответственности за податное состояние черни, а на последнюю падала вся тяжесть кагальных сборов. Не принуждение, а непосильность двойного обложения уже в качестве формально записанных горожан вынуждала евреев определяться с местожительством. Это движение прослеживается по таким данным.

Движение еврейского населения между 1772 и 1785 гг. (душ мужского пола).*

Год	В городах			В местечках			Одних евреев	
	христиан	евреев	итого	христиан	евреев	итого	в деревне	всего
Могилевская губерния								
1772	5185	1792	6977	22791	9560	32351	6998	18350
1777	7065	2771	9836	19361	8675	28036	5887	17333
1785	7564	15653	23217					23217
Полоцкая губерния								
1772	1908	1081	2989	5420	1341	6761	4807	7229
1777	6020	1549	7569	2627	922	3549	6074	8545
1785	8085	2186	10271				5240	7426

* *Источники: РГАДА, ф.12, д.159; ф.1261, оп.12, д.174, л.16–17; ф.248, оп.64, д.5636, л.1–124; РГВИА, ф.ВУА, д.18847, л.117–120; д.18615, л.1 об.*

Как видно, в период между 1777 и 1785 г. население городов снова удвоилось, хотя в уездах проживала половина евреев. Примечательно, что четырехкратный при-

[22] *Гессен Ю. История еврейского народа... С.56.*

рост горожан обеспечили именно они. Самый резкий скачок произошел в Могилевской губернии: евреев в здешних городах стало в 6 раз больше. Итоги учета в 1785 г. говорят о таком соотношений записанных в городские состояния.

**Городское население в 1785 г.
(душ мужского пола)**

Губерния	Христиан			Евреев			Всех	Одних евреев в уездах	
	купцов	мещан	итого	купцов	мещан	итого		купцов	мещан
Могилевская	404	7160	7564	1543	14110	15653	23217	313	9321
Полоцкая	653	7432	8085	509	6917	7426	15511	260	5057
	1057	14592	15649	2052	21027	23079	38728	573	14378

Из представленных данных видно, что разрешенная запись позволила евреям превзойти число христиан в городах. Но это превосходство выглядит мнимым, так как 64% евреев реально жили в уездах. Основная их масса записалась в мещанство (ремесленниками), что вынуждало их платить двойную подать, как крестьян (62 коп.) С учетом евреев, живущих в уездах, христиане сохранили свое преобладание в городах, и ниже будет видно, как они реагировали на двусмысленность положения своих соперников.

Формально в купечество евреев записалось почти в 2 раза больше, чем христиан. В Полоцкой губернии от подушной подати освободилось 3% евреев, тогда как христиан — 8%. В Могилевской губернии наоборот: 9,8% евреев стали купцами, а из христиан — лишь 5,3%. Эти данные страдают текучестью и слабой достоверностью. К примеру, по одной ведомости, за сентябрь 1783 г., по Полоцкой губернии в купцы записалось 260 евреев с капиталом в 133066 руб., а в мещане — 5057,

или всего 5317 мужчин[23]. В ведомости отмечается, что после 3 мая 1783 г. в купечестве оказались "некоторые евреи", а все остальные — в мещанстве, и среди последних "мало способных обустроиться"[24]. Другая ведомость, за 1784 г., сообщает, что в Могилевской губернии мещане платили 8540 руб., христиане-купцы вносили в виде процентных сборов 3336 руб., а все купцы вместе имели 219 тыс.руб.[25] Заслуживает внимания и такой факт. В 1791 г. при годовом доходе Полоцкой губернии в 270805 руб. капитал купцов-христиан составлял 356953 руб., а еврейских — 233944 руб.[26] Это соотношение могло бы быть иным, если бы совесть капиталистов не тревожила обстановка постоянного ограбления, конфискаций, если бы на декларациях еврейских денежных тузов не лежала печать обвинений в краже кагальных сборов.

Большинство записанных в мещанство нуждалось в средствах на благоустройство. Правда, новоназначенное и присланное чиновничество особую страсть к воровству сметных ассигнований на городскую застройку питало[27]. Так, в 1777 г. из отпущенных на обе белорусские губернии 105415 руб. на постройку присутственных мест было истрачено 34836 руб., и наместник З.Чернышев запрашивал у Сената дополнительно от 108 до 138 тыс.руб. В течение 1779—1780 гг. полоцкая казенная палата располагала 6802 руб., а на подрядные работы ушло около 10 тыс.руб. В 1780 г. на следующее пятилетие по каждой губернии было отпущено по 20 тыс.руб., из которых Чернышев списал в расход 4 тыс., а остальные зачислил в счет будущих подушных сборов[28]. Половину денег сразу же отпустили подрядчикам на первый год строительства.

Но даже состоятельные еврейские тузы не находились у распределительных кормушек. Из известных исключений разве что витебский купец Яков Симонович, в 1781—1790 гг. за-

---

23 *НИАБ, ф.2567, д.70, л.2—308.*

24 *НИАБ, ф.2567, д.60, л.25 об.*

25 *РГАДА, ф.16, д.766, л.56*

26 *РГВИА, ф.ВУА, д.18354, л.7; ОПИ ГИМ, ф.445, д.32, л.124.*

27 *Анішчанка Я. Магілёўскія махляры // Беларуская мінуўшчына. 1996. №5.*

28 *НИАБ, ф.2567, д.31, л.102.*

нимавшийся чисткой двинских речных порогов на жаловании 200 руб. под общим руководством директора рижского порта надворного советника В.Фатова[29]. В мае 1777 г. могилевская губернская канцелярия хотела поручить сбор пошлин Файбишовичу, но на это претендовал торопецкий купец Голанов, и она не осмелилась, хотя признавала, что откупа "временно им (очевидно, евреям. -- ***Е.А.***) должны быть отданы"[30].

В результате регулярная застройка проводилась успешно только в трех городах Полоцкой губернии, а присланные чиновники осваивалась на новом месте путем самовольного занятия обывательского жилья. Дома проживавших в уездах евреев пришлись кстати. То, что евреи выступали при этом наиболее страдающей стороной, говорит повеление Чернышева от 12 мая 1778 г., требовавшее разбирать подобные инциденты в магистратах и совестных судах в присутствии поверенных от кагалов. Магистрат Полоцка не внял этому призыву, а полоцкий губернский кагал в апреле 1779 г. просил изгнать из раввинского дома председателя верхней расправы В.Давыдова. Губернатор И.Ребиндер сослался на нехватку пристойного жилья для государственных служащих, которые освобождались от квартирной повинности. Он предложил кагалу "изобрести другую пристойную способную квартиру"[31].

Словом, сама русская администрация обустраивала новые города и чиновников за счет пристрастного обращения с местными евреями. Последние никак не могли ринуться потоком к поселению в городах. Так что этот процесс не осуществлялся исключительно насильственным путем.

---

[29] *НИАБ, ф.2609, д.61, л.811.*
[30] *РГАДА, ф.16, д.763, л.42 об.*
[31] *НИАБ, ф.2567, д.70.*

Часть 4
ПЕРВОЕ НАПАДЕНИЕ ПО ОБЩЕНАРОДНОМУ ОБЫКНОВЕНИЮ

Итак, при основании городов по штатам губернской реформы 1775 г. большинство евреев оставалось в уездах, в зависимости от прежних польских землевладельцев. Старые недруги овладели и правящими должностями в открытых учреждениях наместничеств. К тому же губернская реформа исключала состязательный процесс и подчиняла поиск справедливости громоздкой вертикали бюрократии через волокиту прошений, челобитий, ходатайств. Еврейская жизнь по-прежнему напоминала беспрерывную оплату счетов всем тем, кто привык существовать за счет глумления над личностью пария и безропотного слуги. Вместе с древними духами воскресли и старые долги, но, увы, их облик больше известен лишь по Полоцкой губернии.

Начало долговых процессов относится к 1777 г., а особенного расцвета они достигают в 1778 г. Как ни странно, но истцами выступили: в Полоцком уезде — Борух Фацкелевич — к невельскому помещику Корбуту, Гирш Маркович — к докторше Валлен, в Витебском уезде — Литман Беркович — к шляхтичу Зарянке, Мендель Гиршович — к Пиоре, Лейб Янкелевич — к Реуту, Голи́м (Гошим — ?) Мовшович — к мещанину Костке, Арон Хаймович — к почтмейстеру Демарше. В основании их претензий лежали заурядные обстоятельства. Беркович состязался по подряду на 1 тыс.руб. с мещанином Я.Боярским на поставку табака из Риги. Товар утонул, а вместе с ним канули и 500 руб. Хаймович проходил по делу об 11 берковцах (мера веса) льна, подряженных им у великолукского крестьянина А.Власова под вексель велижского коменданта И.Лукомского. Во время найма лошадей под своз товара неожиданно вмешались динабургские жители Абрам

Вульфович и Моша Еселевич, которые заявили, что лен куплен для них. Лукомский уступил домогателям, а Хаймович, как водится, потерял деньги. Двинский еврей Лейб Кошелевич "за сбор подаяния" был избит 100 ударами бизуна (плети) и посажен под караул. В соседней губернии жителя Бабинович Натана Гиршовича в 1781 г. магистрат отдал в 4-летние работы за вексельные долги секунд-майору Пасынкову. Последний уплатил за два года только 48 руб. Магистрат удержал у майора заработанные должником 68 руб. и отослал арестанта в работу городской думе[1].

4 ноября 1777 г. витебский кагал обратился к полоцкому губернатору А.В.Нарышкину с просьбой разбирать подобные дела по облигам, кроме векселей, в самих кагалах, а в нижних земских судах — в присутствии кагальных поверенных. Нарышкин 15 ноября наложил отрицательную резолюцию, но разрешил поверенным присутствовать на заседаниях судов, которые могли решать споры в зависимости от состояния должника и рассрочивать взыскание долгов. Наместник Чернышев поступил сходным образом: 20 мая 1778 г. подчинил евреев суду магистратов, а проживавших в уездах — нижним расправам[2]. Те расправы занимались уголовными преступлениями. Поэтому с евреями обращались, как с уголовниками, наравне с бесправными крепостными.

Как подобная судебная подчиненность обращала иски против самих обиженных, показывает инцидент с Л.Берковичем в витебском нижнем земском суде 23 февраля 1778 г. (председатель — П.Богомолец, асессоры К.Жаба и И.Шадурский). Беркович явился на заседание с двумя товарищами и кагальным писарем Цалкой Файбишовичем. Он потребовал стул для заседания рядом со шляхетными судьями. Разгневанные члены присутствия выгнали Берковича, хотя, по свидетельству кагала, потерпевший вышел, "добропорядочно поклонясь со всякою учтивостью". Губернский земский суд, наоборот, утверждал, что Беркович "совсем противные чести присутствующему месту делал изъяснения", ибо евреи — "ни по какому закону христианскому, ни по общенародным правам и обыкновению с дворянским достоинством равняться не

---

[1] НИАБ, ф.2567, д.15, л.1—6, 18, 22, 26, 43, 45; РГАДА, ф.248, оп.66, д.5863.

[2] НИАБ, ф.2567, д.15, л.35.

могут" и тем более "равного в судах наших претендовать на заседание". Как видно, земские суды подводили свою предвзятость не под законы, а под старомодную сословную спесь к презренным жидам. Этот суд требовал у русских начальников за такое "нахальство" наказать дерзнувшего в пример другим. Вице-губернатор А.Д.Казадавлев внял снобизму дворян: арестовал Берковича на сутки, оштрафовав его за неучтивость, а кагалу сделал выговор[3].

Общенародное обыкновение стало выливаться в такие факты, что, например, рядовых Петербургского полка, ограбивших еврейскую улицу, "бес пощажения через полк шпицрутенами" выпороли. Когда почтмейстер Делифиер ударил почему-то А.Хаймовича "в рожу" и хотел избить палкой, то воевода Н.Энгельгардт устыдился, а вице-губернатор наказал обидчика 5-рублевым штрафом и пригрозил "жестоким выговором". Эти мелочи христианского закона дали повод Чернышеву снова потребовать, чтобы дела между христианами и евреями непременно разбирались в совестных судах обязательно в присутствии еврейских представителей[4]. 28 августа 1778 г. губернатор И.Ребиндер даже запретил привлекать евреев к суду по субботам, праздникам и содержать под караулом. Но старшины витебского кагала все равно жаловались на уездный суд, который сочиняет и издает декреты по одним словесным заявлениям помещиков, угрожая за неуплату долгов забрать еврейские дома.

Битью рож на улицах и в присутственных местах вторили амбиции еврейских верхов и низов. Исходили они из стремления ликвидированных провинциальных кагалов сохранить прежнее территориальное господство над уездной податной паствой. Практически одновременно — в мае 1778 г. — кагалы Полоцка, Витебска и Динабурга пожаловались на уклонение уездных прикагалков от участия в общинных сборах и стремление выйти из подчинения. Полоцкий кагал без обиняков скорбел, что от "уездных евреев государственных податей без экзекуции собрать скорее никак нельзя". Ребиндер вначале запретил собирать иные налоги, кроме поголовных, и потребовал для ревизии поборов

---

[3] НИАБ, ф.2567, д.15, л.7. Беркович упоминается в данном процессе как бывший бурмистр г.Витебска.

[4] НИАБ, ф.2567, д.15, л.36, 52.

расходные книги, но затем дал солдат и велел коменданту арестовать кагальных судей.

Динабургский кагал добивался права разложить подушные сборы на евреев других уездов, но Ребиндер ответил, что отныне каждый кагал обязан отвечать самостоятельно. Военного содействия просил и витебский кагал для принуждения к уплате долгов непослушных обитателей Велижа, Городка и местечка Колышки. Кагал местечка Яновичи отвергал домогательства витебского, поскольку ни до, ни после 1772 г. не участвовал с ним в образовании долгов, хотя и был ему подсуден. Из Янович прямо заявляли, что витебский кагал властен распоряжаться в своем городе и уезде, и поэтому просили сделать местечко кагальным центром Суражского уезда[5]. Велижский кагал отбивался от круговой поруки по бедности уездных единоверцев, за которых отвечали состоятельные купцы, "к собственному разорению".

Межобщинные распри венчали выборы 16 октября 1778 г. пяти судей в полоцкий губернский и трех — в уездный кагал. В губернский кагал вошли Марк Мовшович (председатель), Ицка Рабинович, Лейб Юдович, Мовш Бениаминович и Миха Яцкович. Из остальных составов известно руководство полоцкого уездного кагала (Мисун Давыдович, Шлема Лейбович, Лейб Менделевич) и витебского (? Абрамович, Цалка Файбишович)[6]. Трудно сказать, были ли они тузами, которым претила финансовая ответственность за чернь, или теми благоверными санитарами, которые анафемой и содействием властей сплачивали роптавшую голытьбу[7]. Однако новоизбранное руководство выступило от коллективного лица.

Полоцкий кагал 30 ноября жаловался на разорительные цены винного откупа ввиду дороговизны хлеба и конкуренции уездных помещиков, на отсутствие в городе студен (ледников) при броварах, мельниц, что вынуждало молоть зерно и привозить муку по дорогостоящему найму подвод. К причинам своего "крайнего бедствия и разорения" он причислял убытки от воровства, слома

---

[5] *НИАБ, ф.2567, д.15, л.39, 47, 60, 70, 97, 100, 138.*

[6] *НИАБ, ф.2567, д.15, л.90, 119.*

[7] *Цинберг С. Шклов и его "просветители" конца XVIII века // Еврейская старина. 1928. Т.12. С.88; Марек П.С. Внутренняя борьба в еврействе в XVIII веке // Там же. С.128—129.*

домов и лишения торговых лавок.

Витебский кагал в жалобе от 17 октября также ссылался на притеснения со стороны магистрата, еще в 1777 г. при сдаче винного откупа (за 1 руб. 50 коп. с ревизской души) навязавшего еврейскому обществу лишние 2740 руб.[8]

Этот кагал суммировал как распространенные факты арестов евреев и их лавок, оскорбительные религиозному чувству преследования по субботам и годовым праздникам. Он настаивал, чтобы претензии христиан к евреям разбирались в кагалах, а в обратном случае — в магистратах и совестных судах в присутствии еврейских депутатов, "которым иметь место судейское по долгу присяги на чин члена"[9]. Для удержания в подчинении городокского и суражского кагалов он пытался списать с себя ответственность за сомнительное образование долга в несколько десятков тысяч талеров (более 12 тыс.руб.). Его появление объяснялось тратами для "выкупа пленных" и предохранения от "прочих притеснений". По признанию же кагальных старшин, они уже в 1775 г. рассчитались с капитальной задолженностью перед скарбовой комиссией ВКЛ. Ныне же остались одни проценты, и их кредиторы пожелали взыскать "вдруг". Именно поэтому витебский кагал настаивал на рассрочке поборов и собственном лидерстве. Однако Ребиндер не поверил в альтруизм витебского раввината и отказался принуждать подчиненные кагалы к уплате сомнительного долга[10].

Подобным образом губернатор не внял в октябре 1778 г. резонам и полоцкого кагала в его стенаниях на разорительность винного откупа. Ребиндер занял сторону магистрата, который как подрядчик обязан был обращать пропинационный сбор на нужды всего города и платить за проживающих евреев, а последние "в распоряжениях о прибыли участвовать не могут". Он дал неделю для представления шнуровых книг и ревизии счетов. Из представленного бюджета кагала вытекало, что его приход составил 3561 руб., в том числе 1625 руб. коробочного сбора, 60 руб. — с ремесла. Раввинат утаил доходы с местечка Сиротино, хозяко-

[8] НИАБ, ф.2567, д.15, л.82–83, 99 об.

[9] НИАБ, ф.2567, д.15, л.108 об.

[10] НИАБ, ф.2567, д.15, л.153; д.25, л.398. Это толкование подано в начале 1779 г.

вое, штрафы. В расходе же значились выдачи нищим, проезжим, арестантам, проценты, займы. Содержание трех судей обходилось в 85 руб. в год, двух сотников — в 55 руб., четырех десятников — в 59, школьника — в 72, писаря — в 99, бегунов — в 54, духовных — в 196, избы — в 67 руб.[11]

На уклончивые оправдания в собственном бессилии кагальным судьям пригрозили арестом. Подобные устрашения поступили на адрес велижского, суражского и городокского кагалов "в последний раз" 3 декабря 1778 г. Так что кагальные верхи могли не стесняться в изобретении репрессивных мер против недовольных и непослушных.

Неудивительно, что новый, 1779 год проходил в воинственном пылу бессребреников и народных трибунов (даршонов) с их бурными обличениями неправедных оценщиков (шалоимов) и ненасытной аристократии. Противная сторона вела арьергардные бои на нескольких фронтах. Дриссенский кагал стенал на ослушание единоверцев местечка Освея, где государственные подати с них сдирал эконом и уездный исправник. Динабургский просил солдат для сбора податей и недоимок. Себежский страдал от запрещения комендантом ремонта зданий под предлогом высшего указа на повсеместное опечатывание еврейских бань и броваров[12].

В мае 1779 г. витебский кагал страдал от принудительных земляных работ по рытью рвов, от запрета лавочной торговли в еврейских жилищах, уклонения уездных евреев от казенных податей и их неявки в хедеры. Он обвинял магистрат в том, что его члены наживаются на денежных делах евреев, отсылая их без ведома старшин в исполнительную полицию. Изобретательность магистратских членов доходила до невероятия. В апреле 1781 г. комендант граф С.С.Миних разбирал жалобы на незаконные поборы за вес и меры с проезжих русских купцов, возвысивших откупную сумму с 50 до 420 руб. Магистрат тут же сослался на королевский привилей 1598 г., обеспечивший ему вечное право на померное (пошлину). Он возложил вину на еврейских откупщиков, которые обкладывали проданное на берегу Двины желе-

[11] НИАБ. ф.2567. д.15. л.120

[12] НИАБ. ф.2567. д.25. л.62. 73.

зо, чем и доводили торгующих до убытков[13].

Городокский кагал в том же мае 1779 г. жаловался на тяжесть строительных нарядов и разнообразных обложений, вроде весового, поземного, пляцового, озерного, лавочного, мельничного, лугового. Магистратские чины оправдывались неосновательностью протестов — мол, с евреев они берут только за пропинацию, а все остальное поступает по арендным статьям. Кагальные же старшины показывали, что они не распоряжаются общинной кассой, так как произвольные налоги направляются магистратом на городские "украшения", а арендные деньги берутся со всего еврейского общества[14].

Обобщенную картину происходящего изобразил полоцкий кагал. В ходатайстве от 5 мая 1779 г. он отмечал случаи насильственного и тайного крещения евреев, ограбления по берегам Двины при сплаве леса в Рижскую крепость. Подобными примерами он напомнил о "множестве" предвзятостей "польских судов", где евреи не имеют заседания и равного голоса, почему и сейчас испытывают прежнее "угнетение". Чтобы не подвергаться унижениям и не сравняться с крепостными крестьянами, он просил губернатора разбирать различные казусы пристрастных помещичьих судов в присутствии двух кагальных судей, а при апелляции решать их совместно двумя членами губернского кагала и двумя государственными чинами[15].

Губернских вожаков (Михеля Ицковича, Мовшу Лейзеровича, Шевеля Мовшовича, Арона Абрамовича, Абрама Кушелевича, Рафаила Еселевича, Давыда Абрамовича, Абрама Хацкелевича, Мисуны Румановича, Лезера Мовшовича) печалило ослушание уездных кагалов, и они просили прислать "ослушников" под стражею городничих на свой суд. Городничие не стеснялись отвечать, что проку от репрессий нет, ибо "здешния жиды торжественно можно сказать все бедныя". Тогда тузы указали, что "некоторые евреи", уклоняясь от разбирательства в кагалах, отдают долговые обязательства, "писанные не на еврейском, а на других диалектах, шляхтичам, дабы они, шляхтичи, в магистраты по тем документам прозьбы на еврея заносили и может быть по

[13] *НИАБ. ф.2567, д.25, л.18, 95; д.33, л.496 об.*

[14] *НИАБ. ф.2567, д.25, л.62, 253, 255, 258.*

[15] *НИАБ. ф.2567, д.24, л.152, д.44, л.16–17.*

одному оному документу кредитор уже удовольствовался".

Так кагал дискредитировал своих внутренних врагов, которые обращали шляхтичей и магистрат в корыстные орудия. Ряд полоцких евреев с улицы подтвердил наличие глухой борьбы внутри кагалов. Меерович, Юдович и Маркович пояснили, что "кагальные начальники" выдавали залоговые поручительства на городскую застройку только зажиточным членам общин, а лишенные порук обращались за содействием русской казны. Однако те же начальники свои возможности объяснили узким составом и немыслимостью отвечать за всех. Тем не менее, они поручились за избранных лиц при потакании губернатору, которого просили употребить солдатскую манеру обращения с непокорными данниками[16].

Во втором отношении, от 27 октября 1779 г., полоцкий кагал вывел общую нищету и неплатежеспособность еврейства из градостроительного зуда: принудительной ломки и сноса жилья, срочных расходов на строительные материалы. Другие беды прояснялись в 6 пунктах просьбы: освободить евреев от постоев и городских тягот на 10 лет, обеспечить каждый дом свидетельством (крепостью) его собственности, чтобы хозяева могли "без всякаго препятствия" продать строения по фиксированным ценам, разрешить евреям строить торговые лавки в самом городе для предотвращения грабежей на выгонах, отвести евреям специальные кварталы, не взыскивать долгов "за польским владением" (до 1772 г.) уволить от подсудности судебным местам, которые разоряют пенями, штрафами, отнимают жилье по грабительским и неясным "польским обрядам"[17].

Губернатор Ребиндер встретил требования о наделении кагалов правом независимого судопроизводства отрицательно. Он заявил, что евреям не возбраняется просить о своих нуждах и жаловаться на обиды помещичьих судов там, "где следует", то есть по всей лестнице созданной судебно-административной системы. На неопределенное время откладывалось освобождение от постоев. От решения вышестоящих властей зависел отвод

---

[16] *НИАБ, ф.2567, д.25, л.19, 47, 55; д.44, л.148, 153. (Прошение от 1 ноября 1781 г.)*

[17] *НИАБ, ф 2567, д.25, л.402; Анішчанка Я. Мяжа яўрэйскай аселасці Чырвоная змена. 1996 №115.*

мест под лавки ("когда мест хватит"). От земельной платы освобождались только выселенные за город (в слободы) хозяева, но безземельные подлежали ей. И платить старые долги, и строиться по регулярным планам обязывались все имеющие землю лица. Это означало одно: все записанные в города евреи превращались в арендаторов земель.

Стеснение, или "первое нападение" на права евреев, о чем писал в воспоминаниях С.Беннет[18], по удачному выражению Д.Клиера[19], трудно назвать отношением собственно одних русских (великороссов), которые еще не доминировали в землевладении и судебной системе. Однако евреи не избавились от бесправия и при новом, также несвободном государстве, словно сохранилась прежняя Речь Посполитая, но только с иным монархом во главе.

Русская губернская администрация сделалась спасительным прибежищем для уже достаточно дискредитированных и терявших авторитет кагальных заправил. О сохранении прежней власти, вплоть до помощи русских воинских команд, заботились прежде всего кагалы центров ликвидированных провинций. Они буквально молили губернаторов поставить на колени кагалы и прикагалки новообразованных уездных центров, обретших самостоятельность по духу реформы 1775 г. Они отстаивали всю полноту судебной власти в своих руках, настаивали на неподсудности евреев другим учреждениям, кроме кагалов, из стремления быть единственным вершителем судеб единоверцев, из надежды переложить всю тяжесть общинных сборов на рядовых данников.

Их требование особого, независимого суда для евреев оправдано, пожалуй, самой реформой 1775 г., которая предоставила каждому сословию свои судебные и административные óрганы представительства. Их подчиненные, наоборот, стремились вырваться из кагальных оков под власть общесословных учреждений. Они желали эмансипации там, где их не ждали.

---

[18] *К истории западно-русских евреев (из сочинения Соломона Беннета) // Еврейская библиотека. СПБ. 1873. Т.4. С.10.*

[19] *Klier D. Russia gathers her Jews... P.57.*

Часть 5
БЕСПОЛЕЗНЫЕ ГРАЖДАНЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ

З.Чернышев, который вводил "Учреждение о губерниях" 1775 г. и открыл Белорусские наместничества (Полоцкое и Могилевское) в 1778 г., получил отставку с поста генерал-губернатора и 4 февраля 1782 г. оказался главнокомандующим Москвы. Белорусским наместником стал бывший могилевский губернатор П.Б.Пассек. Ему досталось незавидное наследство, и он не отважился его разрешать без воли Сената.

В колесо законодательной элиты евреи попали по записке полоцкого губернского прокурора И.Менделеева о сроках заседания польских судов (им они были подсудны), и в связи с неясностью об апелляции кагалов. Сенат слушал записку на заседаниях 23 апреля и 30 мая 1782 г. и решил придерживаться старого стиля в судебных заседаниях. На совещании 16 июня 1782 г. говорилось о "привилеях, данных евреям". Эта формула в протоколе не расшифрована, но было постановлено отдельно рассмотреть, "есть ли какие **особыя** (выделено автором. — ***Е.А.***) привилеи евреям и как суды их устроены"[1].

Это знаменательное решение не говорит об отсутствии информации у сановников — ее они легко могли получить от делопроизводителей заранее. Речь шла о привилеях городов и месте в них евреев. Речь шла о том, что реформа 1775 г. с

---

[1] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.46; ПСЗРИ-1, Т.21, №15436.*

ее корпоративной организацией сословий обошла молчанием евреев как самодеятельную социальную общность, как обособленную общественную группу со своим кагальным управлением. Вопрос стоял так: сохранить или уничтожить кагальную автономию? Вопрос состоял в том, чтобы или действительно принять евреев в общероссийское подданство по общероссийским учреждениям, или оставить их на особом положении в особых территориях.

На заседании 8 апреля и 30 мая 1782 г. Сенат поручил Пассеку рассмотреть привилеи городов, чтобы сделать свои действия легитимными. Соответственно поступила и местная бюрократия.

3 августа 1782 г. Пассек представил в Сенат обширный рапорт с приложением мнений верхних земских судов (высшей инстанции дворянских судилищ). Полоцкий суд за подписью председателей палат И.Нелединского и П.Богомольца рассмотрел городские привилеи в свете пропинации. Он нашел, что только четырем городам (Невелю, Себежу, Велижу и Суражу) было дозволено винокурение, а остальные пользовались одной продажей вина. Могилевский суд за подписью В.Тарбеева и А.Маковецкого лишь в привилеях Могилева, Орши, Мстиславля, Чаус и Черикова — то есть в 5 из 12 городов — нашел право продажи напитков. Итак, из 23 городов лишь четырем выпало счастье пользоваться винокурением, а 12-ти — жить с виноторговли. И вывод суда гласил: запрет винокурения не стеснит мещан[2]. "Особые" привилеи для евреев, следовательно, сводились к винокурению.

Это продемонстрировало также совместное заседание советников губернских правлений и судебных палат. В Полоцке такое совещание прошло 21 декабря 1782 г. с участием 13 человек во главе с губернатором И.Ребиндером, а в Могилеве — 13 января 1783 г. в присутствии 14 человек под председательством губернатора Н.Энгельгардта. В повестке заседаний обсуждалось 7 пунктов претензий магистратов с возражениями дворянских собраний[3].

---

[2] Как уже отмечалось, дворянские собрания губерний просили закрыть винокурни в городах в 1781 и 1784 гг.

[3] РГАДА, ф.248, оп.65, д.5761, л.35; оп.80, д.6498, часть 2, л.241 об.

Магистраты утверждали: уничтожение винокурен из-за мизерности выгонов и скота, который кормится брагой от винной сидки, приведет к свертыванию извозного промысла. На это дворяне парировали: мол, скот кормится не одною брагой, да и немало мещан держат его на подножном корму. Далее магистраты утверждали: запрет винокурения чреват де хозяйственным упадком городов из-за общей бедности края, когда помещики вывозят лес, пеньку и другие продукты, не внося прибыли в городской бюджет. Дворяне сослались на мизерность своего экспорта. Когда горожане заявляли: одна торговля их не прокормит, да и государственные подати они платят с винокурения, — то согласные оппоненты ответили: "не должны ли дворяне справедливо жаловаться", что винокурение городов им самим наносит существенный подрыв в таком занятии, из которого они "одну только себе пользу имеют"? Поэтому не лучше ли мещанам заняться продажей сукна, железа и т.п.?

Горожане апеллировали к винокурным доходам как к средству "украшения" городов мостами, ратушами, тюрьмами, и будто лишение их таковых приведет даже к "уничтожению канцелярских порядков". Однако, ответили их оппоненты, городские бюджеты пополняются ввозом вина из уездов. Города упрекали дворян в перегонке запасов сельских запасных магазинов в вино, из-за чего и растут цены. Дворяне, наоборот, видели в тех магазинах средство снижения цен, поскольку именно города отвлекают этот хлеб на свои винокурни. В этом месте дискуссии возникла фигура вездесущего еврея. От имени городов было заявлено: "евреи к трудным работам не привыкший народ", ибо содержание броваров для них — единственный способ пропитания. В ответ магистраты упрекнули, что они держат "праздных в тягость себе и краю", а евреям посоветовали заняться ремеслом, "не бродить толпами" и уподобиться убогому шляхтичу, самостоятельно обрабатывающему землю. Винокурни, говорили дворянские адвокаты, — источник праздности евреев, и "не было бы так много пустой земли, когда бы тот народ, бросся бровары, приняться хотел к деланию земли"[4].

[4] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5761, л.59 об.; оп.80, д.6498, часть 2,*

Совещания прошли без присутствия членов магистратов и кагалов. В этом своеобразном диспуте между магистратами и дворянами стороны называли винокурение едва ли не основным источником своего существования и оплаты казенных податей. Оба совещания констатировали, что запрет винокурения в городах избавит край от обнищания и, как писал Пассек 8 октября 1782 г., обезопасит города от пожаров, прекратит отлучки купцов от торговли, а мещан — от рукоделия[5]. Но Пассек придал дискуссии конкретную направленность. Убедительные следствия винокурения: истребление лесов, дороговизна хлеба с неизбежными голодовками крестьян — были возложены на евреев, которые "отвлекают крестьян от работы.., веря крестьянам в долг вино по снятии с полей хлеба выбирают у них оной почти весь и оставляют без пропитания" — словом, "делают крестьянам разорение, приводят в распутную жизнь, а при том... причиняют дороговизну хлеба". Наместник просил запретить винную сидку магистратам и евреям в уездах в согласии с пожеланиями "здешних дворян". Обращаясь лично к генерал-прокурору Сената А.Вяземскому, он писал: "Так как вы имеете вотчины в Белоруссии, то увидите, как велико евреи разоряют винокурением всех крестьян"[6].

Конкретно на сенатский запрос он ответил 24 декабря 1782 г. По его мнению, из королевских привилеев городам "о учреждении кагалов ничего не явствует", а сами кагалы созданы для сбора податей при Чернышеве (!). Вероятно, наместник в самом деле намекал на необходимость ликвидации кагалов. Однако Сенат, повторив все вышесказанные пассажи в докладе Екатерине II от 18 января 1783 г., рекомендовал сохранить власть кагалов для разбора дел между евреями, оставив их по-прежнему подсудными магистратам в городах и нижним расправам в уездах. Предлагалось также переименовать губернские кагалы в уездные[7].

26 апреля 1783 г. Сенат запросил мнения у самих магистратов, что те использовали в собственную выгоду. Первым в

л.35 об.; Анішчанка Я.К. Падрыхтоўка да ўвядзення мяжы... С.64.

[5] РГАДА, ф.248, оп.65, д.5761, л.73; оп.80, д.6493, ч.2, л.284.

[6] РГАДА, ф.248, оп.80, ч.2, д.6498, л.240; оп.65, д.5761, л.37.

[7] РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.59, 63.

начале мая ответил могилевский магистрат. Ссылаясь на конституции 1496, 1538, 1565, 1567, 1588 и 1690 гг., он утверждал, что евреи до 1772 г. не имели в городах недвижимости, не избирались в равные с христианами должности, им запрещались всякие откупа, наймы, аренды государственных регалий, они не состояли в числе купцов и мещан и не имели винокурен, как нет их и ныне, кроме отдельных ветхих, грозящих пожаром, что им запрещалось торговать без согласия и контрактов от магистратов.

"Происками" у королей в 1683, 1717 и 1732 гг. евреи выхлопотали себе право жить в городах, но оно было уничтожено конституцией 1768 г., и после этого им остались аренды и шинки только в деревнях. В итоге, заключал магистрат, евреи никогда не были равны с христианами, а их пребывание в городах держалось на согласии христиан. Получив же в 1783 г. право выборов на городские должности, они лишились причин жаловаться, "что нынешнее их, евреев, состояние против прежнего было для них несносным или отяготительным, а тем более требовать жить в деревнях". Далее следует пассаж от имени дворян, который можно понять так, что евреи, приписанные к городам, "несут только звание" горожан в тягость городским бюджетам. Из-за формальной прописки они "ведут жизнь леностную и праздную, а некоторые вдаются в распутство и обманство", утаивают богатства и разоряют своих кредиторов. Более того, они "пользуются всеми почти крестьянскими прибытками, отлучают их от работ", опустошают леса, выбирают с полей "почти весь" крестьянский хлеб, а своим "безпременным винокурением" вызывают дороговизну и "приводят таким образом в нищету да и в самую распутную жизнь" крестьян[8].

Этот перечень еврейского вредительства завершался предложением выселить их из уездов в города в один срок для записи в купцы и мещане под надзор и исправление магистратов. По всем делам, кроме духовных, они подлежали суду наравне "с протчими гражданами". Однако участие в выборах разрешалось не в духе равноправия с этими гражданами. Там, где евреев было больше христиан, выборы преду-

---

[8] *НИАБ, ф.2567, д.60, л.16–18 об.; д.70, л.353–357.*

сматривались в пропорции 1:1, а где их было меньше — как и ранее, по числу действительных домохозяев. Апофеозом дискриминации явилось предложение разрешить праздники тем евреям, которые "от должности свободны".

Мнение полоцкого магистрата поступило в сентябре 1783 г. в виде опровержения 7-ми пунктов еврейских жалоб. Он заявил, что запрет винокурения в городах касается всех жителей, следовательно, не утесняет евреев. Магистрат счел их нынешнее положение превосходнее прежнего, ибо они получили выгоды от записи в купечество и мещанство "наравне с христианами", то есть обрели вольность, какой "за законами польскими не имели". На жалобу о запрете винокурения в уездах ответ звучал лаконично: это дело помещиков, притесняющее самих дворян, а не евреев. Требование евреев о равных с христианами избирательных правах отклонялось со ссылкой на указ от 5 сентября 1772 г., который не допускал равных выборов и оговаривал решение гражданских дел по польскому праву. Эта же претензия отклонялась на основании Статутов 1538 и 1588 гг.. (9-я статья 12-й главы), не допускавших евреев в земские должности. Равное правосудие, считал магистрат, "неприличное оным яко не христианам, не сходное с узаконениями", ибо евреи "и за владением польским никогда не имели своих судей между христианами и подсудимы были не суду гродскому (уголовному. — ***Е.А.***), а токмо воеводским старостам, также и подвоеводе" с апелляцией в задворный асессорский суд.

Сентенцию евреев на предвзятость польских судов, которые не знают их обрядов и языка, не терпят их заступников, магистрат парировал тем, что до 1772 г. особые еврейские суды не были утверждены конституциями, да и сейчас "никакой силы не имеют", поскольку вся еврейская масса состоит под гарантией Екатерины II. Домогательства евреев равного голоса с христианами в судах и компенсации сломанных жилищ магистрат отверг за отсутствием собственного мнения, которое "лучше известно начальству". На просьбы о непринуждении записанных в города строиться следовал ответ: сселить в города. Но магистрат все же не видел в этом пользы из-за бедности большинства записавшихся в мещане.

Относя евреев к вольным людям, он не решился самостоятельно высказаться за насильственную депортацию. Нынешнее положение евреев он считал "лучше прежнего", что лишало их права домогаться выборов в должности "наравне с христианами" ввиду отсутствия именного указа на подобное уравнение[9].

Именной указ Екатерины II такого рода вышел 3 мая 1783 г. Он передал винокурение в городах на откуп или на веру магистратам в пользу самих городов, а в уездах — на усмотрение помещиков. Всем горожанам запрещалось свободнее винокурение, а также продажа напитков оптом и в розницу мимо определенных питейных домов. Евреи облагались податями по состоянию, "в какое они запишутся без различия закона и народа". Одновременно им разрешалось участвовать в выборах на городские должности[10]. Этот акт, наряду с правом евреев записываться в купечество и мещанство, в литературе приравнен к сословно-гражданскому уравнению евреев, уничтожению их обособленности[11].

Более точно и конкретно царскую волю о сути "гражданства" раскрыл генерал-прокурор Сената А.А.Вяземский в письме от 13 июня 1783 г. на имя П.Пассека. Он советовал не препятствовать вступлению евреев в должности, если они записались в купцы добровольно и будут избраны по большинству голосующих шаров. Это следует понимать так, что к выборам допускались лишь купцы. Вообще же Вяземский утверждал, что евреи "не могут требовать законного с христианами равенства" из-за своей малочисленности (видимо, в городах. — ***Е.А.***). Он не лишал их права иметь своих доверенных в судах, но отказался предоставить равное с христианами заседание и одинаковый голос при спорных разбирательствах. То есть евреи удерживались в состоянии законодательной дискриминации. Вяземсккий говорил, что "не может еврей сделаться совершенным гражданином дото-

---

[9] *НИАБ, ф.2567, д.60, л.20–26. Повторен 23 сентября 1785 г. (Там же, д.70, л.385–390).*

[10] *ПСЗРИ-1., т.21. № 15724.*

[11] *Гессен Ю. История еврейского народа... С.6; Он же. Евреи в России... С.5, 59, 207.*

ле, пока не переселится в города". Все они "праздно скитаются" по деревням и "питаются от крестьянских трудов". Он предлагал "для блага самих же евреев" всех записанных в купцы и мещане выселить из уездов в города. Удивительно, но, согласно тому же письму, депортации подлежали лишь "способные", то есть зажиточные или купцы. Остальных надлежало срочно наделить покормежными паспортами[12].

В глаза бросается противоречивость и нелогичность предписания. Если евреи не могли претендовать на должности из-за своей малочисленности, тогда зачем, спрашивается, наводнять города "праздными" и необеспеченными людьми? Зачем концентрировать их там, если не для обеспечения им численного превосходства, а значит и возможности избирательного успеха? Подобные вопросы можно продолжить, но они выявляют сумятицу, исходившую из разосланного во все наместнические правления указа Екатерины II от 31 января 1783 г. о немедленном выселении в города всех купцов и мещан, проживающих в селах. Собственно, в России это не представляло труда, но в Белоруссии было выполнимо только при буквальном толковании и исполнении царской воли.

Указ 3 мая 1783 г. касался городов белорусских губерний, а не всей империи. Он освободил мещан от винокурных пошлин и заменил их поголовным сбором в 1 руб. 20 коп. При выселении записанных в мещанство из уездов податную ответственность принимали магистраты, но они же не выигрывали при оставлении евреев в деревнях. Борьба магистратов и помещиков вокруг винокурения снова уперлась в добровольную прописку евреев в городах, которые просто не могли принять такую массу поселенцев, да еще в условиях сноса жилья по регулярным планам застройки.

Этот второй этап "нападения" и гонений поразил своей бессмысленностью и инициаторов, и исполнителей, которые вскоре обменялись взаимными упреками. П.Пассек высылает 30 августа 1783 г. в Сенат очередное ходатайство предводителей дворянства губерний о лишении евреев винных аренд.

---

[12] *НИАБ, ф.2567, д.70, л.325, 432. В сокращенном виде эту инструкцию передал Гессен под датой 13 мая 1783 г. (Гессен Ю. Евреи в России... С.206).*

Они предлагали наказывать ослушников пенями в счет сумм, идущих с "малодушных" (имеющих мало крепостных) владельцев. 23 сентября наместник получает жалобу директора экономии Полоцкой губернии о том, что некоторые жители г.Витебска курят вино в государственной волости Лукишки из оброку, а в соседних городу имениях помещики сдают винокурение на откуп мещанам — арендаторам земель. 29 сентября Пассек запретил всем горожанам, в том числе и евреям, винокурение в уездах. Он советовал "гражданам употребить себя к торговле и ремеслу, состоянию их приличному, а не курению вина"[13].

23 сентября могилевское губернское правление запретило свободное винокурение по всем городам и деревням. 23 октября оно угрожающе запретило сдавать его мещанам и евреям. 15 ноября действительный статский советник и губернатор Н.Энгельгардт перешел от слов к делу: он собрал у помещиков соответствующие контракты, назвал их составленными "частно, а не у крепостных дел, которые сроков не имеют и не заслуживают уважения"[14]. Однако непослушание продолжалось с упорством дворянских ходатаев. В июле 1784 г. могилевский предводитель дворян И.Голынский защищал дворянскую пользу ссылками на конституции 1539 г. (о том, что в помещичьих имениях евреи не имеют королевской опеки) и 1567 г. (о раздельной подсудности евреев шляхте и королю с его администрацией)[15].

Кто бы ни инициировал этот гонительный зуд, но сама Екатерина II узнала об "обстоятельствах, угрожающих бедностию и конечным разорением... пылающих усердием к российской главе сердец евреев" из записки двух челобитчиков "от белорусского еврейского общества"[16]. 10 марта 1785 г. она переслала записку на рассмотрение Сената с указанием, чтобы обиженные пользовались равными правами со всеми, "без различия закона и народа". Сенат 26 марта и 1 апреля

---

[13] *Гессен Ю. История еврейского народа... С.65.*

[14] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.81, 85.*

[15] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.105 об.*

[16] *РГАДА. ф.1261, д.631, л.1–31; ф.248, оп.65, д.5793, л.1, 10–13. Полное ее содержание опубликовано: Восход. 1895. Ч.40. С.29–30.*

потребовал у Пассека объяснений по всем пунктам жалоб. Вероятно, "пылающие сердца" исторгли свой вопль мимо ушей наместника, так как его любовница однажды уже пробовала "отгрызть уши" других клеветников и доносчиков[17]. Все просьбы любвеобильной общественности сводились к следующему.

Ходатаи просили не запрещать винокурения в уездах по заключенным с помещиками контрактам, а также не принуждать записанных в купцы и мещане, но живущих по паспортам в местечках и деревнях, строиться в городах. Смысл этого прошения сводился к угрозе истощения купеческого капитала и разорению всего еврейского народа, "поелику закон их (купцов. — ***Е.А.***) обязывает всех своих единоверцев вспомоществовать". Ходатаи особенно напирали на филантропию еврейских купцов, которые за счет винокурного промысла понесли огромные траты на жилищное строительство. В счет понесенных трат они просили прекратить чрезвычайное вымогательство земельной платы за оседлость, компенсировать слом жилищ или предоставить отсрочку для нового обустройства. Они просили обеспечить равное участие с христианами при выборах на городские должности, иметь право заседания и голоса в судебных разбирательствах. Они просили разрешить евреям разбираться между собою в своих судах на своем языке, по своим обрядам и закону, а равно "охранить их при целости" духовных обрядов и праздников. Этот пункт сопровождался просьбой судить преступников исключительно в еврейских судах, что противоречило жажде общего уравнения и с головой выдает кагальный раввинат, озабоченный неприкосновенностью карательной власти кагалов в отношении своих врагов и недовольных (хасидов)[18]. Значит, ходатаи ратовали за сохранение кагалов и прежней обособленности евреев.

Пассек защищал честь мундира путем привычной организации заседаний губернаторов с их советниками при губернских правлениях. Таковые прошли до 26 апреля. Полоцкое

---

[17] *Анішчанка Я. Магілёўскія махляры // Беларуская мінуўшчына. 1996. №5.*

[18] *Гессен Ю. Евреи в России... С.211.*

начальство оперативно собрало сведения о том, что было сломано 98 еврейских домов и 146 винокурен в шести городах (Себеже, Невеле, Динабурге, Режице, Витебске и Городке). Относительно запрета винокурения в уездах было сказано: евреи "не дошли еще до того состояния, чтобы пользоваться правом винокурения, которое на одно дворянство распространяется".

Правление соглашалось допускать еврейских купцов к выборам в число не менее 100 поверенных. Оно сослалось на практику выборов весной 1784 г. в витебский магистрат, где 75 выборщиков представляли христиан, а 25 — еврейских обитателей. Тогда, 8 апреля, правление будто бы отклонило эту пропорцию представителей и назначило выборы всем наличным составом горожан по большинству баллов — то есть соревновательным путем. Неизвестно, действительно ли губернская власть стала на защиту евреев для соблюдения за ними равных избирательных шансов, однако в городе разгорелась настоящая война вокруг реального числа цензовых элементов, то есть живущих оседло и временно записанных. По справке правления реально в купцы и мещане записалось 7426 евреев, из них в уездах проживало 5449 человек (74%)[19].

Вторично то же правление заседало 3 октября 1785 г. Оно повторило прежнюю аргументацию и усилило ее антисемитский оттенок. Оно заявило, что винокурение "есть должность (!), соответствующая званию и состоянию гражданина", в котором евреи, как купцы и мещане, не смеют состоять и числиться. Вдобавок именно евреи своим винокурением в уездах отвечают за опустошение лесов, рост цен, "разорение, убожество и совершенно распутную жизнь" крестьян[20]. Как говорится, эти прелести неприличны для дворян. Самих же крестьянских разорителей ввиду их бедности предлагалось выселить в города — "не вдруг, а в назначенное время", но обязательно принудив нести общегородские тяготы и повинности.

Свою позицию могилевское губернское правление в апре-

---

[19] *НИАБ, ф.2567, д.70, л.2, 322 об.*

[20] *НИАБ, ф.2567, д.70, л.436 об., 446 об.*

ле 1785 г. основывало на том, что еврейских винокурен в городах "не было и нет", хотя тут же насчитало их 28. Они стояли в Бабиновичах (2), Копыси (18), Орше (5), Мстиславле (1), Рогачеве (2), "безобразные и недействующие". Евреи оказывались живущими не на своих, а на наемных землях в качестве обычных арендаторов, и их ничего не стоило прогнать без расчета. С ними так и поступили: при городском регулировании было сломано 39 домов, "можно сказать, самые ветхие и безобразно расположенные хижины, сараи и заборы". Во многолюдных городах (Могилеве, Орше и Мстиславле) евреев допустили в число 100 избирателей, а в остальных местах — по количеству живущих "достойных". В магистратские члены, кроме Могилева, Сенно, Быхова, попали 8 бургомистров, 10 ратманов, в совестные суды — 8, в сиротский — одна сирота — всего 27 евреев[21].

Губернские власти сочинили явно искаженную картину событий и старательно приуменьшали масштабы собственной погромной политики. Вероятно, поэтому их рапортам не поверили, и Сенат поручил инспекцию на местах графу А.Воронцову и А.Нарышкину, бывшему псковско-полоцкому губернатору. При посещении Полоцкой губернии они получили 23 июня 1785 г. жалобы от велижского купца Л.Давидовича и Х.Вольфовича на витебского коменданта графа С.Миниха вместе с прошением витебских цеховых. Первые пострадали от того, что Миних сорвал заключенный с ними контракт на поставку 250 сажен дров для своего кирпичного завода, арестовал и с битьем волочил по городу. Цеховые жаловались на грабительские условия при поставке дров на тот кирпичный завод, также на самоуправство графа, который покровительствовал иностранным ремесленникам, оставляя без работы местных. Бурмистры же Филиппов и Смык, указали они, разворовали городскую казну, а затем пополнили ее из еврейских винокурных сумм, читая недовольным "законы воинского устава и полковничьей инструкции". Сенаторы рекомендовали ретивым любителям уставов "остерегаться и держаться в гра-

---

[21] НИАБ, ф.2567, д.70, л.346 об., 351 об. У Гессена такие цифры: в Могилевской губернии — 25, в Полоцкой — 4 человека (Гессен Ю. Евреи в России... С.208–209).

ницах" приличия[22].

Когда экипаж высоких гостей переехал в Могилевскую губернию, то 5 июля они выслушали "уныние" и "опасения о жребии" евреев в разных уездах. Неизвестные доносители сообщали им о сохранении прежнего "угнетения" в судах, неприличного для России, "где каждому без различия веры справедливость доставляется". Сенаторы выписали рецепт ко "врожденной к евреям ненависти и презрению к недовольному просвещению" на местах. Для исцеления от этой хвори они велели Пассеку принять меры к соблюдению правосудия "без различия закона", а еврейских жалобщиков просили ожидать излияния царской благодати на их язвы[23].

Сенаторская ревизия оказала некоторое лечебное воздействие и устрашением обеспечила сравнительно мирный ход бюрократического урегулирования конфликта. Свои представления ревизоры внесли в Сенат 18 сентября. Пассек представил туда же обширное делопроизводство при рапорте от 18 октября 1785 г., где новизной отличалась разве что интерпретация личного участия в выявлении и излечении вскрытых недугов. Его позиция обставлена с подобающим двуличием. С одной стороны, он запрещал винокурение неправоспособным лицам "на лутчую для общества пользу". С другой стороны, заявлял он, если евреи и до, и после 1772 г. "пользовались свободным винокурением, то нельзя полагать убытков от построения и упразднения оных" (винокурен), поскольку евреи могли успешно прирастить свой капитал и обратить его на другие хозяйственные нужды. Запрет же винокурения вреден "самим помещикам, а не евреям", да и обиды свои дворяне должны обратить на своих предводителей. За сломанное жилье, уверенно предупреждал Пассек, каждый потерпевший потребует "заплаты неумеренной", и то ли успокаивающе, то ли голословно заявлял: пострадавшим, мол, уже отведены пустующие земли. Скорее всего, это были пустые слова, но наместник ратовал за депортацию евреев в города[24].

---

[22] *НИАБ, ф.2567, д.70, л.1, 2; д.71, л.330; РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.90 об.*

[23] *РГАДА, ф.248, оп.53, д.4405, л.93–94.*

[24] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.81–82.*

Могилевское губернское правление прикрыло свои действия двухлетним неурожаем — "чтоб не навесть большему хлебу дороговизны". Губернский магистрат, как уже отмечалось, путем депортации евреев собирался избавить от них угнетенное крестьянство, а народ израилев "понудить к трудолюбию" и подвергнуть трудовому перевоспитанию в городах. Евреи, утверждал губернский стряпчий С.Цехановецкий, не занимаются хлебопашеством, все живут "обманом бедных крестьян чрез один токмо способ винокурения и продажей онаго", вызывая дороговизну хлеба. Оставить этих разорителей в корчмах — значит позволить им "заводить ссоры с помещиками", а выселить и приписать в городах — лучшее средство "пресечь им связь" с единоверцами других губерний.

Полоцкое губернское правление ограничилось скромным перечислением своих заслуг: насчитало 140 еврейских винокурен, 28 сломанных домов вместо 66-ти запланированных, 4-х избранных в должности по двум городам (1-го бургомистра и 3-х ратманов). Губернский прокурор И.Менделеев повторил, что только переселенный в город "евреин может зделаться совершенным гражданином" и прекратит "стеснять бедного поселянина"[25].

Сенаторы могли только утешаться, как живо белорусские власти исполнили царский указ 7 февраля 1782 г. о выселении купцов и мещан Олонецкой губернии в города. Но они прекрасно понимали, что абсурдно говорить о единственной ответственности евреев за дороговизну и обнищание крестьян, если тех с мест представили бездельниками, тунеядцами, не ведущими землепашества и живущими одной продажей чужого вина. И неслыханное дело — Сенат впустил на свое заседание 11 ноября 1785 г. двух поверенных от белорусских евреев, чтобы из их уст услышать объяснение нужд и претензий кагалов. Депутатами были витебский купец Цалка Файбишович и Абрам Еселевич. Согласно сенатским записям, при Файбишовиче находились полоцкий купец Ицка Мовшович и полоцкий кагальный школьник Исраэль Бейнашович. Они прибыли в Москву с 18-ю верительными письмами, выданными им в мае и 4 июня 1784 г. за подписями 388-ми человек из

---

[25] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.114, 190.*

общин Могилева (19 подписей), Чаус (14), Климович (18), Сенно (11), Рогачева (10), Черикова (14), Копыси (12), Белицы (27), Быхова (35), Режицы (8), Полоцка (41), Велижа (18), Люцына (22), Городка (25), Суража (22), Орши (10), Бабинович (53) и Витебска (29)[26].

Поверенные несколько скорректировали предыдущую жалобу на имя Екатерины II. В частности, они просили сохранить евреям древнее право винокурения в полном соответствии с обещанной неприкосновенностью всей совокупности приобретенных прав. В противном случае они соглашались пользоваться этим правом до тех пор, пока "не найдем другое занятие либо отдайте винную продажу в Белоруссии нашему обществу без откупу с платежом суммы, сколько ныне платится". Они также просили оставить им "хотя б одно варение меда и пива, коим ныне один откупщик пользуется". Они безусловно отвергали запрет винокурения и откупа в помещичьих имениях. Вторым пунктом значилась обида на убытки от слома жилья и чрезмерного обложения оседлостей: их евреи, оказывается, больше держали "по словесным договорам" с землевладельцами и без оформления крепостей.

Файбишович лично требовал компенсации за утрату трех домов при строительстве рыночной площади и питейного заведения в Витебске. Своим обидчиком он называл уездного предводителя Лускину, отнявшего у него плац и обложившего безмерно — на 700 руб. Этот процесс тянулся с 1773 г. и завершился тем, что Сенат только 5 апреля 1788 г. отказал ему в претензиях... за долгое молчание. Файбишович все равно настаивал на выдаче 5 тыс. талеров (около 6 тыс.руб.), которые сама Екатерина велела выдать ему из городского бюджета указом 27 сентября 1788 г.[27]

В-третьих, депутаты повторили просьбы о соблюдении равенства с христианами при выборах в магистраты и о доступе еврейских представителей в существующие суды. Далее они просили не чинить препятствий иметь в Риге свои квартиры наравне с русскими купцами. В-пятых, никому не вмешиваться во внутреннюю раскладку кагальных сборов. Последний

---

[26] РГАДА, ф.248, оп.65, д.5793, л.260 об. – 261.

[27] РГАДА, ф.248, оп.65, д.5824, л.549–560, 261.

пункт жалоб содержал пример захвата витебскими ксендзами-доминиканами еврейской школы и перестройки ее под католический кляштор (монастырь). Отмечалось, что и в других городах евреям чинились подобные "гонения" с одновременным требованием срочной уплаты кагальных долгов вместе с процентами[28].

Сенат рассматривал эти сетования 15 ноября, 3 декабря 1785 г., 4 января 1786 г., а заключительное постановление вынес 7 мая 1786 г. в виде 7-ми пунктов. Евреям отказали в винокурении по городам навсегда и без всяких оговорок. Винные откупа им разрешалось брать только по окончании текущих контрактов, то есть с 1788 г. Помещикам оставили свободу сдавать винокурение в деревнях на откуп, но с обязательством смотреть, чтобы крестьяне "не вдавались в разврат и не отвлекались от работ". Голословно было обещано "безобидно" разобраться со сломанными квартирами "в надлежащих местах" и при способности отвести для потерпевших земли. Кагалам разрешалось "без всякого препятствия совершать раскладку податей между общинами". Запрещалось "без времени" сселять в города записанных купцов и мещáн. Им разрешалось проживать в уездах по паспортам и промышлять там винокурением по контрактам и с разрешения кагалов. Отклонялась просьба о создании особых еврейских судов. Евреям разрешили защищать свои интересы лично в судах или через присягнувших поверенных и свидетелей. Сенат сухо потребовал, чтобы при выборах на городские должности "не было различия в законе" или по вероисповедному признаку[29].

Такова хартия свободы тем, кого было велено терпеть в уездах "до времени", пока они не превратятся в достойных граждан. Таков приговор царского Сената, который в литературе приравнен едва ли не к французской Декларации прав человека[30].

21 мая 1786 г. Сенат присоединил к указу еще два суще-

---

[28] *РГАДА, ф.248, оп.65, д.5824, л.241—241 об.*

[29] *Голицын Н. История русского законодательства... С.332, 377.*

[30] *Pipes R. Catherine II and the Jews. // Soviet Jewish affairs. 1975. Vol.5. №2. P.13.*

ственных пункта. Просителям было отказано в рассрочке кагальных долгов, и тем самым кагалы защитили свою власть. Они действительно получали законодательный кнут и санкцию царской бюрократии для преследования своих противников под видом выполнения государственной повинности: кагалы сохранялись, "лишь бы они платили подати бездоимочно". Просьба о записи торгующих в Риге отклонялась на том основании, что **о свободной записи евреев в купцы и мещане по другим городам Российской империи, "кроме белорусских губерний** (выделено мною. — ***Е.А.***), **высочайшего повеления нет"**[31]. Евреи уравнивались в избирательных правах с христианами только при выборах городских органов самоуправления, но сохранялась полная зависимость еврейской массы от нереформируемых кагалов и всей иерархии судебной системы. Даже на выборные должности в городах они допускались "соразмерно количеству каждого звания". О том, что эту куцую гражданскую свободу всего лишь декларировали — без всяких правовых гарантий, свидетельствует следующий пример, который знаком нам и по предыдущей практике.

25 мая 1786 г. при выборах витебского магистрата для демонстрации еврейского представительства на избирательное собрание были допущены ремесленники, не имевшие голоса. Еврейских же купцов допустили к баллотировке по старой квоте — 75 человек от христиан и 25 от евреев под предлогом отсутствия достаточного числа евреев, записанных в обывательскую книгу, которая насчитывала 500 цензовых домохозяев. Собственно, из-за определения имущественной квоты и вспыхнул конфликт. Магистрат не допустил еврейских купцов к баллотировке как "иностранных и иногородних" граждан. Обиженные закричали, что собрание сформировано из подставных евреев. Тогда магистрат прямо в собрании арестовал двух протестантов не без помощи присланной комендантом Минихом воинской команды. Обиженные пожаловались лично Екатерине II: мол, несмотря на то, что "в обеих белорусских губерниях по городам живущих евреев и купцов первой, второй и третьей гильдии и мещан больше числом,

---

[31] Гессен Ю. Евреи в России... С.353. На мой взгляд, Гессен не опровергает значения указа убедительными доводами.

нежели христиан", однако их везде по-прежнему не допускают к выборным должностям как иностранцев и иногородцев, фабрикуют мнимое представительство. Екатерина II пожурила Миниха за присутствие солдат на выборах, что "не сходствует со свободою, которую всякой тут иметь должен"[32].

Свободы и равенства просто быть не могло в несвободном государстве. Но самое важное — 21 мая 1786 г. евреям официально отказали в праве на жительство во внутренних городах империи. Они могли пользоваться свободой записи в купцы и мещане только в городах белорусских губерний. Таким образом, белорусские губернии были объявлены особой зоной для проживания евреев, они не смели ее покидать и без разрешения своих кагалов, и без царского слова. Даже в уездах их согласились терпеть до времени, до очередной прихоти, которая неминуемо засвидетельствует их ответственность за пьянство крестьян, голод и дороговизну продуктов.

Указ 1786 г. не вносил изменений в сословно-гражданское положение евреев, а повторял запрещения З.Чернышева 1772 года. Они остались нетерпимой нацией для внутренней России, хотя и получили некоторые облегчения в окружении, не стеснявшемся лишать их элементарных гражданских прав. По существу, черта оседлости со всеми своими идеологическими аксессуарами была сформулирована указанным законодательством 1783—1785 гг. Нам остается выяснить, почему именно в 1791 г. она "неожиданно" была публично провозглашена Екатериной II.

---

[32] *Гессен Ю. История еврейского народа... С.112, 347.*

Часть 6
А В ШКЛОВЕ КОНЦА НЕ СЫСКАТЬ

Исход борьбы 1779—1786 гг. вокруг винокурения показывает, что местное польскоязычное, католическое дворянство Белоруссии отстояло свою древнюю привилегию в соперничестве с магистратами. Точнее, оно предотвратило угрозу этой доходной и драгоценной отрасли со стороны русской администрации, готовой ввести казенную монополию на торговлю алкоголем. Однако всякие доходы измеряются деньгами...

В рассматриваемое время в обращении ходила мелкая медная разменная монета и бумажные ассигнации различного достоинства. Ввиду нехватки звонкой монеты (золота и серебра) правительство Екатерины II в 1768 г. впервые напечатало ассигнации — из скатертей и салфеток Зимнего дворца[1]. Затем печатный станок России заработал бесперебойно, обслуживая растущий государственный долг. За все время своего царствования Екатерина разместила в заграничных банках займы на 43 млн.руб., что составляло сумму, равную годовому доходу империи[2]. Бумажная эмиссия обслуживала также завоевательные войны, содержание армии на оккупированных территориях, администрацию, прогрессирующий заклад дворянами крепостных в специально для того учрежденных банках и конторах Петербурга и Москвы. Ко времени смерти Екатерины II в 1796 г. весь долг России достиг 150 млн.руб. ассигнациями[3], результатом чего явилось обесценение ассигнаций, падение курса серебра, вытеснение из оборота

---

[1] *Пыляев М.И. Старый Петербург. М., 1990. С.230.*

[2] *Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769—1899). Харьков, 1899. Т.1. С.15, 20.*

[3] *Кошкарев М. Денежное обращение в России. СПБ,1898. Т.1. С.24—25.*

металлических денег. Вся эта масса обращалась наравне с ходячей монетой. Ею уплачивались налоги, но она не была гарантирована ни разменным фондом, ни ипотеками: растущая эмиссия оседала в дворянских карманах в виде безвозвратных и долговременных банковских займов[4].

Неизбежным спутником эмиссии явился дефицит госбюджета и денежные плутни с участием приближенных царедворцев. К примеру, в 1792 г. прогремело дело о растрате 2,5 млн.руб., размещенных у банкира Сутерленда. Оказалось, 800 тыс. похитил неизменный екатерининский фаворит Г.Р.Потемкин, и сама Екатерина II списала их в "расходы" по его службе. В начале 1794 г. Сенат рассматривал дело о хищении 600 тыс.руб. в Заемном банке, руководимом вельможей П.В.Завадовским, назначенным во главе следствия[5]. Замечательным игроком на банковских займах выступил кратковременный любовник Екатерины II, серб, генерал-лейтенант С.Г.Зорич, которому царица в 1778 г. подарила местечко Шклов с 25 тыс. душ крестьян.

Вся мудрость этого искусства состояла в умении закладывать одних и тех же крестьян по нескольку раз, называя их то беглыми, то мертвыми. В течение 1782—1783 гг. Зорич заключил 5 займов на 5700 крестьян под 111 тыс.руб. в Московском опекунском совете императорского воспитательного дома и дважды — на 676 душ за 21 тыс.руб. в петербургском банке. Еще 3026 душ он перевел на векселя в сумме 272243 руб. тем, кто сбрасывал несчетные суммы при игре за карточным столом в вист и рокамболь (Юдицкому, Штандару, Шерстиновой, Роговикову, Герцыку, Борзову, еврею Гольшевичу, князьям Гагарину и Волконскому)[6]. В 1786 г. сводный брат Зорича генерал-майор Д.Неранчиц занял у могущественного Г.Потемкина 180630 руб. под заклад 1300 душ в Екатеринославском университете. На этот момент в залоге состояло 8700 крестьян шкловского имения, а

---

[4] Гольдман В. Русские бумажные деньги. СПБ, 1866. С.25, 31.

[5] Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Тайные советники империи. М, 1995. С.33–34.

[6] РГАДА, ф.248, оп.80, д.6597, л.147 об., 247. (В это время в России были запрещены азартные игры в банк и макао, хотя сама Екатерина II не чуждалась игры в вист.)

весь долг Зорича достигал 566780 руб.[7] Под шкловские души сделали в 1791 г. займы в Екатеринославском университете князь Ю.Долгоруков (18 тыс.руб.), подполковник Херсонского гренадерского полка Е.Севостьянов (24 тыс.), бригадир П.Рунич (25 тыс.)[8]. И ни один из них не платил годовых процентов, как, впрочем, и сам Зорич, который, по уверению могилевского губернатора Н.Б.Энгельгардта, "ни одного кредитора сам не удовольствовал"[9], и его махинации погашались казначейством.

Хлебосольный, тем не менее, Зорич превратил Шклов в подлинную Мекку для любителей понтирования и увеселений[10]. Себя он окружил настоящим двором из 193-х человек, наполненным "шулерами, авантюристами, словом, всяким сбродом и бродягами"[11]. Достойное гостеприимство хозяина воспел даже знаменитый Вольтер в такой оде:

Колико ты велик и чуден,
Колико ты щедр и правосуден.
Ты чуден всем и всем любезен,
Ты всем всегда благотворишь,
Ко всем щедроты ты являешь.
От всех сторон венцы лавровы
Главу твою покрыть готовы.
Ты — общий всех благотворитель
И счастья ищущих рачитель.[12]

---

[7] *РГАДА, ф.248, оп.64, д.5639, л.472; оп.80, д.6597, л.149—151; НИАБ, ф.3310, оп.2, д.142, л.15—16.*

[8] *РГАДА, ф.248, оп.66, д.5939, л.493—494.*

[9] *РГАДА, ф.248, оп.80, д.6597, л.146.*

[10] *Барсуков А.П. Шкловские авантюристы (1778—1783 гг.) // Памятники новой русской истории. СПБ,1872. Т.2; Он же. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПБ, 1885; Мещерский М.И., Корсаков А.Н. Семен Гаврилович Зорич // Русская старина. М.,1879. Кн.2; Мальдзіс А. Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя. Мн.,1982. С. 124—129; Анішчанка Я. Шклоўскія фальшываманетчыкі // Беларуская мінуўшчына. 1995. №2. С.48—51.*

[11] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2636, л.104—137 об.; Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М.,1867. С.29.*

[12] *ОРРГБ, ф.28, д.9 (фонд Полторацких), л.3—4 об. (Ода 1778 г. в* переводе Осипа Кекловского.)

Среди столичной неги и праздности блага европейского лоска пролились и на шкловских евреев. "Чума появилась в доме Якова — блестящие сосуды, музыка, одежда", и весь быт правоверных обратился в таверну. Затем зараза разрослась до попыток налаживания вечерних кружков обучения французскому языку и светским наукам. Коммерсант Нотан Нота Хаим (известный как Ноткин или Нота Хаймович) привез Зоричу богатый фарфоровый сервиз, а для жаждущих любомудрия — журналы берлинского кружка просветителя Мендельсона[13]. Новые веяния превратили Шклов из центра "агрессивного хасидизма" в носителя его гонений миснагдами как раз в тот момент, когда правительство указами 10 октября 1779 г. и 8 октября 1780 г. запретило ввоз в Россию ассигнаций.

Недобрая слава Шклова достигла апогея с приездом братьев-сербов М. и Г.Зеновичей, искушенных в художествах уголовного свойства. Они обещали немедля ликвидировать долги Зорича и по подложной подорожной провезли через Толочинскую таможню около 90 тыс. фальшивых ассигнаций. Одну из них в апреле 1783 г. показал проезжавшему Шклов Г.Потемкину поверенный Давид Мовшович[14]. Потемкин, если верить легендам о его холодных отношениях с Зоричем, однажды едва не завершившихся дуэлью, получил отличный компромат. 27 апреля он задержал "бродяг промышленников" и заключил под домашний арест Зорича, а в доказательство вины вояжеров отослал сомнительную 100-рублевую купюру, которую ему подал Ицка Меерович[15]. Началось следствие.

Могилевское губернское правление собрало еще 50 сомнительных купюр (на сумму 5 тыс.руб.) от 26-ти человек, среди которых оказалось 10 евреев.

Давид Файбишович признался, что это он разменял Зеновичам в Берлине сомнительные деньги. Могилевский купец Шмуйла Гершович показал: деньги провезены через таможню под видом французских игральных карт Иоавелем Берковичем. Один из Зеновичей доказывал, что он с братом остано-

---

[13] *Fishman D. "Russia's" first modern... P.51–52.*

[14] *Барсуков А. Шкловские авантюристы... С.18.*

[15] *РГАДА, ф.248, оп.113, д.371, л.3–4.*

вился на квартире у Нотки, а около 77 тыс. выменял в Берлине у Исаака Хаймовича. Крестьянин Карп Васков видел М.Зеновича с подозрительной поклажей в доме Н.Хаймовича[16]. Словом, открылись плутни участников с явным их намерением запутать истину. Екатерина II велела 25 октября 1783 г. заключить Зеновичей в Нейшлотскую крепость, откуда выпустила только в сентябре 1788 г. Своим определением от 20 апреля 1784 г. Сенат признал Зорича невинным и освободил евреев из-под следствия[17].

Так Шклов оказался эпицентром подозрительного ремесла, куда неизменно обращались взоры при поисках фальшивомонетчиков и вообще темных личностей. Сомнительные деньги стали предметом внимания секретной экспедиции Сената.

В апреле 1786 г. в местечке Дисна арестовали невельского мещанина Р.Дубецкого по подозрению в изготовлении оловянных рублей. След же привел к мещанину местечка Чашники И.Коменданту, но его почему-то выпустили на Украину[18]. В начале января 1789 г. сенненский казначей секунд-майор Кампенгаузен нашел 25-рублевую сомнительную ассигнацию среди подушных податей, внесенных комиссаром имения Сорица, владения сановного И.Остермана. Комиссар и волостной писарь свалили все на полоцких евреев Шолома Мещенского, Мовшу Слободского, Янкеля Рубиновича и Мовшу Симховича, от которых и были получены деньги за поставленное вино. 6 января могилевский губернатор Н.Энгельгардт велел сенненскому земскому исправнику М.Войцеховскому обыскать дома тамошних евреев и выявить подпольную типографию. Полоцкий губернатор А.Лунин попутно перетряс еврейские кварталы в г.Полоцке. Однако нигде тайных инструментов не обнаружили. 30 января 1790 г. канцлер А.Безбородко велел освободить арестованных, а генерал-прокурор Сената А.Вяземский упрекнул наместника П.Пассека за продолжительное следствие, которое единственно наделало много шу-

---

[16] *РГАДА, ф.248, оп.113, д.371, л.15, 19–22, 51, 57, 150, 205–208; ф.7, оп.2, д.2636, л.21.*

[17] *РГАДА, ф.248, оп.113, д.371, л.162, 274, 286, 296; ф.7, оп.2, д.2636, л.454.*

[18] *АВПРИ, ф.79, оп.1, д.144, л.71 – 71 об.*

му[19].

День 22 октября 1789 г. ознаменовался двумя до странности совпавшими обстоятельствами. Московский обер-полицмейстер генерал-майор К.Ф.Толь сообщил главнокомандующему Москвы П.Д.Еропкину, что при обмене в серебряном ряду у приказчика могилевского купца Гирши Абрамовича Вольфа Мовшовича найдены 14 фальшивых ассигнаций. Тот еврей, показали московские купцы, разменял у них 2 тыс.руб. по курсу за 1 руб. червонный 14 руб. ассигнациями, за что дал 700 купюр новыми 25-рублевиками. Задержанный же показал, что получил 1100 руб. переводом из Смоленска. Еропкина осенила мысль о плутнях Зорича, и он поручил смоленскому губернатору обнаружить инструменты у местных евреев[20]. В тот же день он уведомил о своих подозрениях белорусского наместника Пассека.

Но странное дело — тогда же к наместнику явились школьник могилевского уездного кагала Шолом Юдовин, живущий в Шклове могилевский 2-й гильдии купец Берка Лейбович, бабиновичский купец Гешель Нахманович со своим приказчиком Виктором Янкелевичем. Они предусмотрительно признались, что через своих приказчиков меняли в Петербурге 2240 червонных на сомнительные ассигнации (8150 руб.), из которых у Г.Нахмановича осталось 575 руб. Прямо в канцелярии наместника состоялся пристрастный допрос. Нахманович поведал, что из привезенных денег он уплатил 1500 руб. Б.Лейбовичу, около 1025 руб. — некоему могилевскому мещанину, до 3 тыс. — шкловскому еврею Сендарю Гиршовичу Цыклину и еще 200 руб. там же Сендарю Хаймовичу. Остаток он собирался предъявить властям с намерением выяснить, нет ли среди них фальшивых[21].

Разменом в Петербурге занимались приказчик Б.Лейбовича Мордух Янкелевич и упомянутый В.Янкелевич. Последний был откровенен. Он представился 28-летним воспитанником дяди Гесселя Нахмановича, уроженцем местечка Смольяны. Служил приказчиком у знаменитого Ноты Хаймови-

---

[19] РГАДА, ф.7, оп.2, д.2768, л.42, 103, 106.

[20] РГАДА, ф.7, оп.2, д.2743, л.17—17 об.

[21] РГАДА, ф.10, оп.3, д.33, л.4—4 об.; ф.7, оп.2, д.2743, л.1 об.

ча, на дочери которого и женился. Два с половиной года работал в Москве в торговых лавках и промышлял поставками пушного товара в "турецком городе Могилеве" (Могилев-Подольский). Здесь он разорился и перешел на службу к дяде[22]. В августе 1789 г. безуспешно искал маклеров в Петербурге вместе с М.Янкелевичем. Тут к ним на квартиру явился живущий в столице могилевский мещанин Элия (Элля) Янкелевич, который свел их с немцем-аптекарем, а он и разменял им те червонцы по курсу 3 руб. 75 коп. за штуку.

Б.Лейбович не отпирался, что из-за отсутствия разменной монеты в Шклове отослал запечатанные в конверте 1300 руб. в Смоленск к своему сыну, 2-й гильдии купцу Гершену Берковичу с извозчиком Ицкой, а остальные — в Москву к приказчику В.Мовшовичу. Однако в эти откровения вкралось противоречие: Г.Беркович обменял в Смоленске 500 руб.[23] на империалы, а остальные 1100 руб. послал в Москву. Узнав же, что В.Мовшович арестован, он решил добровольно явить оставшиеся 575 руб. От таких показаний у наместника вскружилась голова, и он отослал подозрительных евреев в секретную экспедицию. Там к дознанию подключили заключенного "химикуса" Шмуйлу Якобзона, который "пал на мысль весьма легким... заведением отвратить" купцов от банкротств и избавить Россию от фальшивых ассигнаций[24]. Взамен на свободу он открыл такую чудодейственную тайну. Ассигнация изготовляется на простой бумаге, а получатель пишет на ней свое имя. Если купюра пройдет пять рук, то ее тотчас отсылают в банк, там отрезают угол и, "приложа новый лист, возвращают владельцу, за что тот вносит в банк установленное число денег".

Более же прозаическим выглядел иной план этого 33-летнего "поляка", с совершеннолетия увлеченного книгами по химии. Чтение побудило его "делать из пеньки и льну бумагу и шелк.., разные материи, сургуч, краски и чернила". За этим предприятием его в Кёнигсберге застал могилевский купец Нотка Хаймович и предложил учредить в Москве химический

---

[22] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2743, л.7, 9—10, 27 об.*

[23] *РГАДА, ф.10, оп.3, д.33, л.7; ф.7, оп.2, д.2743, л.3—4.*

[24] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2743, л.152, 154 об.*

завод. Замысел провалился из-за разорения Хаймовича. А неудачник-естествоиспытатель устроился к камергеру Л.А.Нарышкину, под покровительством которого упражнялся в химических опытах. О своих экспериментах он поведал Екатерине II, предлагая приписать к удивительному заводу крепостных крестьян. Царица холодно отнеслась к затее, но научные прихоти оказались посильнее царских. Некто Абрам вскоре привез для опытов до 300 пудов воску, а присланные из Москвы и Шклова 42 тыс.руб. Элия Янкелевич менял в Петербурге на золото и серебро, делая на заводе сургуч. Якобзон считал, что голова всего предприятия — Г.Нахманович, что Янкелевичи меняли в Петербурге настоящие ассигнации, а фальшивые были в Шклове "с тем, что естли б кто из них пойман был с фальшивыми ассигнациями, то бы показать на того христианина, у коего они выменивали"[25]. Якобзон уличал Г.Нахмановича в плутовстве, ибо тот явился в столицу тайно по подложному паспорту от могилевского губернского правления на имя Нахмана Гешелевича.

Итак, подозрение пало на губернские власти, где действительно кто-то мог поручить евреям сбыт ненадежных денег. Пассек же немедля послал в Шклов губернатора Н.Энгельгардта "для открытия сего источника зла" и поручил казначеям, земским исправникам и таможенным надзирателям примечать о появлении сомнительных денег при сборе податей, аренд и пошлин. Энгельгардт арестовал в доме Нотки именитых купцов Г.Нахмановича, Б.Лейбовича, Ш.Гершовича, М.Лейзеровича и 24 октября 1789 г. устроил налет на лавки шкловских евреев. Их имущество было описано и отдано под присмотр прикагалку. Вероятно, донос оказался провокацией одних евреев против других, ибо как ни старался губернатор, однако инструментов в доме Нотки и "ничего сомнительного и подозрительного", а тем более "других таких людей в Шклове не заметил"[26]. Собранные 3 января 1790 г. в могилевском уездном суде 13 шкловских купцов, людей честного и непорочного поведения, поручились в имущественной состоятельности Г.Нахмановича.

---

[25] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2743, л.36, 39, 195 об.; ф.10, оп.3, д.33, л.2.*
[26] *РГАДА, ф.10, оп.3, д.33, л.12—13, 99.*

Вероятно, вполне сконфуженный губернатор отсылает тем временем выявленные 2 тыс.руб. ассигнаций и секретом сообщает, что купец Абрам Иоселевич дал 2500 руб. управляющему деревнями принца К.Насау-Зигена Бордашевичу, и он выслал в Петербург мелкими 25-рублевиками чуть ли не 400 тыс.руб. Началась компрометация уже в верхах. Екатерина II, ознакомившись с первым рапортом П.Еропкина, 29 октября велела Пассеку "осмотреться, не скрывается ли в Шклове или инде где подобное воровское гнездо, которое всемерно надобно постараться открыть и истребить"[27]. Она поручила также проследить, не ввозятся ли в границы империи запрещенные ассигнации. Пассек поручил всем присутственным местам отсылать подозрительные деньги в шкловскую комиссию, а всех знающих об этом обязал подписками в неразглашении следственной тайны.

Тем временем петербургская полиция выясняет, что подлинное имя аптекаря, причастного к размену Янкелевичей, — Мартин Беренц, в его доме жили прусский подмастерье Адольф Ортман и белокурый хромающий искатель приключений Карл Эйхлер. Канцлер А.Безбородко тут же предположил, что Эйхлер — еврей, сообщник шкловским евреям и "от них чрез Берлин подослан, дабы чрез то скрыть источник сего зловредного ремесла"[28]. П.Еропкин оказался с таким же размашистым умом и 1 ноября 1789 г. подбросил Екатерине II мысль, будто сговорившиеся евреи "высылают из России вымениваемые империалы за границу, платя в отягощение другим превосходнее при обмене ассигнаций"[29]. Словом, они подрывают финансы России.

Правда, 24 декабря Еропкин уточнил: подозревает он урожденного в Венгрии камергера двора Д.М.Вуича, который с помощью высылаемых из Москвы в Польшу денег намеревается стать графом, заполучить орден св.Станислава и св.Анны, продает чины и собирается жениться на одной из обитательниц дома А.И.Чернышева. Императрица, склонная утешаться обширной властью не меньше, чем неистощимо-

---

[27] *РГАДА, ф.10, оп.3, д.33, л.24, 28.*
[28] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2743, л.8, 9, 79 об.*
[29] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2743, л.27 об.*

стью ресурсов государства ("Меня обворовывают точно так же, как и других, но это показывает.., что есть что воровать", — говаривала она), заключила, что Вуич — "обманщик, который ищет у наших выманивать денег", и велела выслать его вон. Еропкин распорядился о состоянии Вуича и сообщил, что кроме долга в 4 тыс.руб. за подозрительным венгром "ничего не открылось" в отношении фальшивых ассигнаций. С тем Вуича и выслали 24 февраля 1790 г., а внимание следствия сосредоточилось на шкловском вертепе[30].

Арестованные евреи отпирались, как могли. Г.Нахманович показывал, что имел годовой оборот от 20 до 30 тыс.руб. за торг в Москве пушным товаром, китайкой и медью, для чего имел компаньонами здешних купцов Кожевниковых и Колотихина. Последние долго не оплачивали товара, поэтому он послал сына, Нахмана Гешелевича, для получения прибыли от размена 8730 червонных в Петербурге (по курсу за 1 червонный 3 руб. 60 коп.). Н.Гешелевичу предприятие не удалось даже с помощью сенатора Завадовского, и он думал ехать в Ригу.

Заинтригованный канцлер А.Безбородко лично явился в следственный каземат, где перед ним свели на очную ставку Э.Янкелевича и Ш.Якобзона. Элия говорил там: "Воля Ваша, вольно ему на меня говорить, что хо-чет". Якобзон же утверждал: фальшивые деньги увезены из Шклова в Лейпциг неким Шаем Берковичем, а Элля — "старого еврейскаго закону, и по секте их положено на ближнего своего ничего не открывать, хотя бы то стоило потеряния жизни"[31]. Вероятно, в секретной экспедиции решили прояснить указанное различие, поскольку в деле фигурирует отрывок из сочинения Якобзона. В нем автор сообщал, что с 13-ти лет уехал в Берлин, где сошелся с кружком Мендельсона. Там он отрекся от талмудизма, но о системе Мозеса Мендельсона "ничего не упоминает". Мечтая вступить "в веру черных гутов" (?), он, тем не менее, пожелал "наставляться в постановлениях греческаго исповедания"[32]. Из этих показаний Безбородко вынес убеждение: все сообщ-

---

[30] *АВПРИ, ф.79, оп.6, д.1830, л.236–241.*

[31] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2743, л.149 об.*

[32] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2743, л.151.*

ники напрасно отпираются, "яко невинные", ибо сам Якобзон служил приказчиком у Г.Нахмановича, а Эйхлер был послан "от них же в Москву, чтоб при обнаружении зла на нем кончить историю". Он не сомневался, что гнездо фальшивомонетчиков находится или в Шклове, или в Польше, возле границы, что следствию "конца не сыскать", а комиссия Энгельгардта попросту бездействует[33].

Царица вняла резонам канцлера и 13 марта 1790 г. отстранила Н.Энгельгардта от должности губернатора, и ее занял, по словам современника, "молчаливый до бессловесности и упрямый до бесконечности" статский советник Г.Черемисинов. Новый губернатор добавил к собранным еще 155 купюр на 3875 руб. Одна из них навела на квартиру витебского купца С.Красика. Перетряхнули и его дом, но инструментов не нашли. Прогнозы канцлера оказались пророческими. Дело получило огласку, так что 28 мая 1790 г. калужская казенная палата прислала аж 22 тыс.руб. — с одной сомнительной ассигнацией. И другие обеспокоенные купцы стали требовать вернуть запечатанные деньги или уплатить за них. Но ведь платить предстояло или из казны, или с арестованного шкловского имения. Зорич стал горой в свою защиту, утверждая, что употребил знатную сумму на заведение фольварков "к умножению хлебопашества, винокуренных и канатных заводов, на построение мореходных судов" для черноморского флота, да и в Могилевской губернии не отыщется "знатного выкупщика, которого бы имение соответствовало" заложенным им душам[34]. Екатерина II назвала своего отставного любовника "трусом", но не посягнула на его столь полезную собственность.

Бесплодный сыск, наконец, увенчался радостным сообщением о том, что в Берлине открыта "шайка плутов", где участвовали К.Эйхлер, купец Дюранд, аптекарь Гецель Ортман, искавшие русские буквы для печатания оберточной бумаги... для ящиков с чаем в типографии Сейфгарда. Императрица внимала канцлеру Безбородко, который не сомневался: шкловские жители Г.Нахманович и Б.Лейбович являются

---

[33] РГАДА, ф.7, оп.2, д.2743, л.27, 120, 125.

[34] РГАДА, ф.248, оп.66, д.5939, л.498 об. — 499.

"начальниками сего вредного ремесла", и будет полезно всех доносчиков запереть в крепость в назидание остальным по принципу, "ежели в селении какого господина последует какое либо противузаконное дело, то оное упадает на отчет самого господина"[35]. Он имел в виду Зорича, поскольку отмечал, что это зло уже вторично исходит из Шклова.

Все секретное дело слушалось 14 июня 1790 г. в присутствии сенаторов: обергофмейстера И.Елагина, тайного советника П.Завадовского, князя Н.Юсупова. По всем уликам, они нашли "воровское гнездо" в Шклове. Отсутствие подпольных инструментов с лихвой восполнило воображение. Так как Нахманович приходился родственником Нотке Хаймовичу, а у него некогда квартировали братья Зеновичи, то сенаторы глубокомысленно заключили: "Легко может статься, что оные инструменты достались в их (евреев. — ***Е.А.***) руки, а они по врожденной в них к плутовству склонности оными воспользовались"[36]. По этой примитивно-логической связи 9 шкловских евреев оказались обитателями тюремных казематов. Их держали в качестве заложников, согласно рекомендации графа А.Безбородко, что "если подозрительные евреи будут уличены, то их имуществом можно будет и удовлетворить" пострадавших от ареста ассигнаций. Последних было собрано на сумму около 13 тыс.руб., и Безбородко стало ясно: "Корона за таковые ассигнации платежом едва ли одолжается". По настоянию наместника Пассека императрица 8 мая 1794 г. распорядилась выпустить на волю Г.Нахмановича, Н.Гешелевича, Б.Лейбовича, Г.Берковича и М.Лейзеровича с подпиской о молчании[37]. В. и Э.Янкелевичи, Ш.Якобзон и В.Мовшович по указу 23 мая были придержаны в связи с очередным заявлением Якобзона о том, что сомнительные ассигнации "произошли из Шклова от Нахмановича с товарищами".

Еврейский капитал был вовлечен в орбиту политического внимания, собственно, благодаря размаху банковского шулерства С.Зорича и озабоченности причастных к этому царедворцев судьбой его громадного имения. Однако тревогу в

---

[35] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2743, л.141, 157 об., 194.*

[36] *РГАДА, ф.7. оп.2, д.2743. л.193 об.*

[37] *РГАДА, ф.7. оп.2, д.2743, л.135, 293, 298, 304, 341.*

обстановке роста помещичьих закладов крестьян в банках вызывали и гораздо более мелкие прецеденты подобного рода.

Например, в 1789 г. могилевский купец Шмуйла Хаймович требовал с владетельного В.Глебицкого-Иозефовича 70 тыс.руб. ассигнациями (5780 руб. серебром) с правом эвикции (обеспечения) на его имениях. По иску Хаймовича следовало продать 220 крестьян в имении Желивль Чаусского уезда. Наследница предусмотрительно передала имение в опеку. Могилевское губернское правление отказалось удовлетворять еврея "прежде других" претендентов и, "чтоб не обидеть других", пустило имение в конкурсную продажу. Торги вылились в волокиту, а покупатели отказывались платить деньги[38]. Недовольные утратой денег понимали, с кем имеют дело, и действовали через его величество донос. Как причудливо при этом переплетались разнородные интересы, показывает следующий пример.

В 1780 г. быховский мещанин Абрам Нахимович уведомил секретную экспедицию Сената о "сочинении евреями" фальшивых векселей на имя князя М.Огинского в сумме около 100 тыс.руб. Он оговорил при этом 22 человека: из Витебска — мещанина, резчика печатей Ицку Марковича, купца Вольфа Гиршовича, Абрама Еселевича, из Могилева — Хацкеля Давыдовича, Абрама Иделевича с женой Басей, Абрама Нахимовича, резчика печатей Янкеля Боруховича, Давида Менделевича, Михеля Шмуйловича, из Рогачева — Геню Абрамовича, Абрама Гецковича, из Бабинович — Пейсиха Симоновича, из Чаус — купца Гилима Мовшовича, из Суража — Хаима Геликовича, Исраеля Вольфовича, Меера Гершановича, из Орши — купца Файбиша Ицковича, Давида Давыдовича, из Быхова — раввина Исраеля Мееровича и школьника кагала Файбиша Герцыковича[39].

Упоминания резчиков наводили на гадания о существовании подпольной типографии, однако доносчик не получил заслуженной трети имущества. Огинский в марте 1784 г. заложил имение Микулино в Бабиновичском уезде председателю могилевского верхнего

---

[38] *РГАДА, ф.1239, д.68062, л.82–88.*

[39] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2896, л.219; ф.248, оп.66, д.5908, л.159, д.5939, л.22–33.*

земского суда А.Маковецкому, а тот переуступил право уличенному в расхищении таможенных сборов надворному советнику М.Шипневскому. Оба они были замешаны к тому же и в растрате средств, выделенных самой императрицей на возведение в Могилеве храма св.Иосифа. Огинский своевременно не выкупил владения, но в 1788 г. вооруженной рукой помешал переходу имения к сомнительным личностям[40]. Он сам нуждался в деньгах.

В феврале 1790 г. наместник Пассек, сам гревший руки на контрабандных поставках таврической соли, обратил дело на ревизию палаты уголовного суда Могилевского наместничества. Сообразуясь с минутой, А.Нахимович вместе с коморником (землемером) и поверенным князя Огинского К.Липинским повторил донос. Они указали на В.Гершовича как на возившего к А.Изелевичу более 7 тыс.руб. фальшивых ассигнаций. Наместник тут же арестовал злоумышленников и подверг их перекрестному допросу. В.Гершович показал на суражского купца Х.Еликовича, который для оплаты поставленной пеньки получил ложный вексель от резчика И.Марковича, но продал его чаусскому купцу Г.Мовшовичу. Другие оговоренные купцы (Д.Лейбович, Л.Лейбович, А.Еселевич) уличали Х.Еликовича в даче взятки (головки сахара, бочонка сельди) и векселя с поддельной подписью Огинского управляющему князя приказчику Янкелю. Поддельный вексель затем оказался у витебского купца А.Еселевича, и он вручил его шляхтичу К.Липинскому для истребования долга с Огинского через Бабиновичский уездный суд. Суд признал вексель действительным, и, как считал могилевский губернатор С.К.Вязьметинов в заключении от 17 июня 1793 г., упомянутый К.Липинский усердно искал изготовителей фальшивых денег в надежде стать управляющим имениями Огинского, а затем и вовсе скупить их[41]. Он полагал, что если б резчики продолжили свою каверзную работу, Огинский лишился бы всего наследства.

Беспокойство именно этим домыслом определило исход интриги. 3 апреля 1794 г. могилевская уголовная палата заключила: если не пресечь зло в самом корне, то Огинский будет разорен резчиком И.Марковичем, и "протчие (помещики. — ***Е.А.***) подвержены были б чрез него таковой же участи". О всемогуществе резчика говорило письмо, полученное от некоего Богдана Потемкина, —

[40] РГАДА, ф.248, оп.65, д.5824, л.200—205 об.

[41] РГАДА, ф.7, оп.2, д.2896, л.222 об., 347—349, 369—405.

облитое конопляным маслом и по которому "важено было или острым пером или каким-либо инструментом". Замешанные евреи винились в подлогах 40 тыс.руб., а это грозило им тюрьмой, битьем кнутом, обрезанием левого уха и принудительными работами. Еврейские купцы г.Суража напрасно уверяли, что Огинский сам подписывал им векселя и не платил по счетам. Деньги, как говорится, плакали. Разоренные арестом дворов и товаров купцы отказались от своих претензий и односторонне уничтожили векселя и контракты на сумму до 17 тыс.руб. И.Марковича за выпуск 15-ти сомнительных банкнот подвергли битью кнутом, вырезали ноздри и сослали на вечные работы в Ригу. Еще трое соучастников поплатились тюрьмой. Чаусскому купцу Г.Мовшовичу (ему Огинский не оплатил контракт на 5600 червонных) было заявлено: его иск "заключает одни только гражданские материи, а не уголовные и ни мало до дела сего не принадлежит"[42].

Приговор мало утешил правдоискателя А.Нахимовича. Он предложил свои услуги военному министру и графу И.П.Салтыкову в надежде на правосудие воинского устава. Министра же мучило постоянное казнокрадство по его ведомству, и он посоветовал главнокомандующему Москвы генерал-поручику П.А.Шепелеву привлечь частного детектива к выяснению обстоятельств похищения прапорщиком гренадерского полка Федотовым 75 тыс.руб. Нахимович сообщает секретом 5 августа 1795 г., что вор пойман в Шклове, правда только с 13 тыс.руб. И добавляет: по данному ему могилевским городничим С.Кролевским указу, он лично поймал бежавшего из смирительного дома "славного вора" Евну (Иовна) Еселевича, будто бы убившего православного игумена Блажевского с целью завладения более чем 40 тыс.руб. Нить Ариадны снова потянулась в знаменитый Шклов, так как Нахимович оговорил при этом шкловских жителей Файбиша Евновича, Иосифа Файбишовича, Файбиша Гишовича, Янкеля Сахновского, Мовшу Реметинского, Есика Ариковича, у которых ему довелось попеременно служить и стараться в приобретении записи могилевским мещанином.

Следственный комитет был учрежден в г.Порхове Псковской губернии. Туда потянули всех соучаствующих евреев. Доносчик находился при комитете на своем иждивении и понес напрасные убытки от фальшивого суда. Он пожаловался в Сенат на волокиту и

---

[42] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2896, л.347.*

дачу взятки его соперниками могилевскому губернскому прокурору С.Герасимову для своего освобождения. Суд "с трепетом" уличил Нахимовича во лжесвидетельстве, арестовал его и действительно освободил подследственных. И тогда Нахимович как "ревностный Отечеству сын и тщательнейший премудрых законов вашего императорского величества исполнитель" обратился лично к Екатерине II с письмом, наполненным "кровавыми слезами". 22 декабря 1795 г. он просил царицу взять его в Петербург, чтобы открыть "величайшую ужасную тайну" о взяточничестве могилевских начальников. Императрица считала род человеческий погрязшим в неразумии, и если бы "он слушался разума и справедливости, то в нас (государях. — ***Е.А.***) не было бы нужды"[43]. Залатать прорехи человеческой природы она поручила генерал-прокурору графу А.Н.Самойлову.

Наместник Пассек поручил своему прокурору С.Герасимову "употребить кратчайшие меры" к открытию пагубного источника. 12 января 1796 г. прокурор отписывает, что Нахимович "за величайшую важность почитает" укрывательство могилевскими помещиками беглых крестьян в качестве своих дворовых и неоднократной продаже их в рекруты. Назывался помещик Чериковского уезда А.А.Быковский, который незаконно сторговал более 100 крестьян. Герасимов окружил солдатами имение Быковского. Повальный обыск обнаружил в д.Зубачево одного уволенного матроса черноморского флота, хотя многие крестьяне уверяли, что их запугивали бритьем в рекруты и угрозами прогнать сквозь строй за свидетельство о махинациях своего господина[44]. Быковский, показывали они, продавал беглых с помощью евреев-арендаторов губернатору Н.Энгельгардту. Вдобавок двое смышленых крестьян предъявили следствию 11 крамольных документов восстания 1794 г.; от них помещик хотел откреститься (мол, нашел по дороге), когда увидел, что они касаются "польской революции".

А.Нахимович немедля пишет А.Самойлову о намерении ретивых сыщиков упрятать концы. Быковский с этой целью подарил секретарю уголовной палаты мальчика и девочку. Самого же Нахимовича он заковал в 20-фунтовые колодки и под охраной 6-ти крестьян заточил в чулан, "яко на смерть осужденного.., моря голодом.., не

---

[43] *Ключевский И.О. Сочинения в 9-ти томах. М., 1989. Т.5. С.302.*

[44] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2896, л.76, 78, 471—473, 518 об.*

пуская на свет, чтоб я кого видел, только сам земский исправник Каркузевич несколько раз приходил за мною для понудительного подписания присяг, собираемых ответчиком во угодность свою свидетелей, не позволяя знать" никого из них[45]. 7 августа 1796 г. чериковский уездный суд упрекнул Быковского в залогах крестьян без оформления крепостных документов, а Нахимовича как "вредительного и коварством преисполненного противника" и клеветника отослал в смирительный дом Могилева[46].

Последний раз арестант послужил "яко сыщик и доносчик" Екатерине II 26 августа 1796 г., когда из Новгород-Северска на имя Пассека прислали 100-рублевую фальшивую ассигнацию, отобранную на ярмарке в местечке Мень у рогачевского купца Нохима Мовшовича и его приказчика Мовши Михелевича. Неизвестно, как проводилось дознание, но А.Нахимович, со слов жены Мовшовича, утверждал, что те деньги получены под вексель быховского раввина Исраеля Мееровича и его сына Симона[47]. Эта инсинуация легла на стол царицы одновременно с жалобой могилевского мещанина Абрама Гиршовича на происки раввината могилевского кагала с намерением разорить его, захватить имущество по подложному завещанию деда и упрятать в тюрьму с помощью угодных членов магистрата[48]. Петербургские власти не вникали в кагальные склоки и предали дело забвению. Однако Нахимовича продержали в заточении до 10 февраля 1797 г., когда новый царь Павел I велел дать ему свободу с подпиской о неразглашении всей ужасной тайны. Нахимович покидал казематы с заявлением, что 100-рублевая купюра досталась быховскому раввину от... Зорича за выделку кож, и тому есть свидетели — Иосиф Мордухович, Нохим Вольфович, Абрам Озеркович и Юда Кушнер. Царь велел исследовать.

Зорич же решил избавиться от несносных ябедников. Как писал в апреле 1798 г. поверенный шкловского кагала Мордух Ицкович, он обложил евреев нетерпимыми поборами, захватил около 12 тыс.руб. из кагальной кассы, "приневоливает каждого из евреев брать такое количество (вина. — ***Е.А.***), которого они не в состоянии вышинковать, и требует за оные денег, которого евреи не в со-

[45] *РГАДА, ф.1239, д.65850, л.1 – 1 об.*

[46] *РГАДА, ф.7, оп.2, д.2896, л.108, 111, 120 об., 485 об.*

[47] *РГАДА, ф.7, д.2897, л.1 – 1 об.*

[48] *РГАДА, ф.1239, оп.3, д.62331, л.1.*

стояний сбыть с рук.., несколько раз чрез несносныя экзекуции принуждал к даче ему взаем денег знатной суммы, а мастеровых евреев — к безденежной работе, да и в субботы и праздничные дни одного портного чрез своих крестьян наказывал без всякого милосердия шпицрутеном, а в третий день февраля, собрав из жителей купечества в Шклов евреев, бил их жестоко, а у некоторых насильным образом без суда имение себе забрал, выгоня из местечка, с назначением срока не более 24-х часов к выезду и продаже дому, принуждает к выбору из еврейского общества четырех человек с уполномочением делать им все, что от них востребуется"[49]. Царь снова велел исследовать... В Белоруссию был послан знаменитый Г.Р.Державин.

Таким образом, обвинение Зорича в тайном завозе в Шклов фальшивых ассигнаций в последующее десятилетие обросло новыми расследованиями и превратилось в громадный омут интриг. Питательной средой фальшивомонетничества явились спекуляции дворян вокруг закладов своих крепостных в банках. С ростом этих закладов и бумажной эмиссии по их обеспечению пропорционально возрастала угроза банкротства паразитического сословия и перехода имений несостоятельных должников в руки предприимчивых дельцов. Прямо или косвенно, во имя своего спасения или по наущению своих господ, но евреи оказались в центре вредительского ремесла, порождавшего недоверие к деньгам, к государственным финансам. В итоге, "еврей и жид" стал синонимом денежного жульничества, фальшивой монеты[50].

---

[49] РГАДА, ф.1239, оп.3, д.67734, л.1—2; Анішчанка Я. Шклоў: ад Чартарыскага да Зорыча // Культура. 1996. №28.

[50] Кандель Ф. Очерки времен и событий (Из истории российских евреев). Иерусалим, 1990. Ч.2. С.237.

Часть 7
ОБЛАВА НА ЗАЛЕТНЫХ ГУСЕЙ И ЕВРЕЕВ

Продолжительные поиски производителей фальшивых ассигнаций, несмотря на все старания, не делали евреев ответственными за удручающие последствия денежной эмиссии, рост внутреннего и внешнего долга государства, дефицит госбюджета. Ни подделка банкнот, ни утрата звонкой монетой половины своей стоимости из-за усиленного выпуска ассигнаций, как писал в 1786 г. французский посол граф Л.Сегюр, не подрывали доверия к власти, и "я убежден, что императрица могла бы заставить принимать в виде монет кусочки кожи, если бы она это приказала"[1]. Граф мало ошибался. Тревога по поводу бюджетного дефицита, как было видно, вызывалась финансовыми аферами аристократов со своими крепостными душами, на чьем рабстве, собственно, и держалась финансовая стабильность.

Между тем, русские купцы, начиная с 1779 г., стали постоянно роптать на падение вексельного курса, что в Петербурге связывали с контрабандой заграничных товаров и наводнением товарооборота фальшивыми товарами[2]. Специально созданная 10 октября 1779 г. сенатская комиссия предложила запретить ввоз ассигнаций в империю. Это и было воплощено в запретительных указах 1780 и 1781 гг. Шкловское происше-

---

[1] *Валишевский К. Роман императрицы. М., 1989. С.356.*

[2] *Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Казань, 1902. С.86, 96; Он же. Вопрос о причинах падения вексельного курса России и о средствах к его возвышению в царствование Екатерины II Исторические характеристики и этюды. Казань, 1921. Т.1. С.193.*

ствие с Зеновичами—Зоричем показало эфемерность запретов, и Екатерина II велела расследовать состояние с досмотром товаров на белорусских сухопутных таможнях.

Еще в начале организации присоединенных земель, 26 октября 1772 г. наместник З.Чернышев советовал пропускать товары через Белоруссию без пошлин, кроме горячего вина и французской водки. Через год, указом от 14 февраля 1773 г., льготы были распространены на фабричные товары российского производства. В целях контроля за товаропотоком 30 июля 1774 г. в Псковской губернии были созданы Динабургская и Друйская таможенные заставы, а по состоянию на 1775 г. в Полоцкой и Могилевской губерниях считалось 8 таможен и 16 застав, в том числе в Толочине, Рогачеве, Рубежеве, Белыничах, Добрыни, Вышкове, Шелегове, Мельнице, Бешенковичах, Друе, Щучине, Баево, Бакунах, Медведево[3]. В октябре 1775 г. Чернышев, обеспокоенный хлебным недородом и вывозом в Ригу сырых русских продуктов, "под именем белорусских" предлагал создать на границе еще Белянскую и Фроловскую заставы с условием, чтобы за товары, вывозимые "из Белоруссии в Польшу и Литву", брались полные пошлины по петербургскому тарифу.

В рассматриваемое время таможенные сборы сдавались на откуп. Ежегодно в казну их вносилось 67068 руб., и, как считал З.Чернышев в 1777 г., за пять предыдущих лет недобор составил 94353 руб.[4] В дальнейшем сборы имели тенденцию к относительному сокращению: в 1773—1778 гг. с четырех таможен Могилевской губернии поступило пошлин на 187970 руб., в 1778—1782 гг. — 79522 руб., в 1783—1785 гг. — 81247 руб., в 1786—1789 гг. — 70526 руб.[5] Причем только на Полоцкую и Толочинскую таможни приходилось около половины сборов со ввоза-вывоза товаров, пропущенных через так называемую польскую границу[6]. В основе неблагоприятной тенденции лежал отрицательный торговый баланс: в течение

---

[3] *РГАДА, ф.248, оп.48, д.4106, л.27, 208–209.*

[4] *РГАДА, ф.1261, оп.6, д.264, л.1–2.*

[5] *РГАДА, ф.248, оп.55, д.4586, л.53; ф.1261, оп.6, д.264, л.2; д.376.*

[6] *РГАДА, ф.248, оп.48, д.4106, л.208; д.4586, л.402–403, 408–409, 414–415.*

1783—1789 гг. вывоз составил 723679 руб. при 257837 руб. ввоза[7] (при общем снижении импорта империи с 3670109 до 747097 руб.). Первый тревожный сигнал о неблагополучии таможенного режима подал в 1781 г. бешенковичский таможенный регистратор И.М.Попов. Его соблазнил пример 1779 г., когда неизвестного "за донос об контрабанде на Толочинской таможне наградили немалым чином"[8]. Однажды во время сличения ведомостей на 9 возов с иностранным товаром он сказал кассиру А.Горожанскому: мол, те повозки "я бедной за плечами унесу", — на что получил ответ: "Собака брешит, а дворянин ездит". Попов уличил надсмотрщиков в присвоении товара, в пропуске без ревизии караванов московских и верейских купцов, в том, что они "дела с места на место кладут под стол и под лавки как попало перебитыми, перемоченными и замараными". Жалобщика пригрозили "убить, как собаку", а надзиратель Я.Длотовский назвал его "с пьянства сумасшедшим", изодрав на клочки доносы. Попова отстранили от должности и посадили на хлеб и воду[9].

Тем не менее, о его участи узнала Екатерина II и распорядилась ужесточить таможенный контроль. 26 мая 1782 г. она велела создать каменные таможни с пакгаузами "в приличных местах" — в Полоцке и Толочине. Подряд на их строительство отдали двум русским купцам. Участки между таможнями поделили на дистанции с таким расчетом, чтобы на каждые 10 верст приходилось по 2 объездчика, а на 50 — таможенный надсмотрщик с 2-мя объездчиками[10]. Указом от 22 ноября 1783 г. императрица велела сменить всех таможенных служащих как людей, "к хищности обыкших", из-за чего "в Москве и внутри России все лавки наполнены" дешевыми иностранными товарами во вред русской торговле и купцам[11]. Таким образом, в знаменательные 1782--1783 гг. мотивом сильного беспокойства верховной власти стал демпинг иностранных товаров во вред отечественному производству и

---

[7] *РГАДА, ф.248, оп.55, д.4586, л.14--15, 402—403.*

[8] *РГАДА, ф.248, оп.52, д.4329, л.395 об.*

[9] *РГАДА, ф.248, оп.52, д.4329, л.394 об., 398, 421.*

[10] *РГАДА, ф.248, оп.52, д.4375, л.48, 430; ф.1261, оп.6, д.1477, л.10.*

[11] *РГАДА, ф.1261, оп.6, д.1517, л.1, 4.*

торговле: Параллельно с выявлением фальшивомонетчиков разворачивалась борьба с контрабандой!

Главным надзирателем в Полоцкую таможню был определен немецкий барон, ротмистр воронежского карабинерного полка К.Ф.Гейден, а в Могилевскую губернию по протекции подруги императрицы княгини Е.Р.Дашковой (сестры президента коммерц-коллегии графа А.Р.Воронцова) и С.Зорича был назначен Н.И.Черняев. Зорич пристроил в своем кадетском училище еще четырех Черняевых вместе с будущими знаменитостями — И.Ф. и С.Ф. Паскевичами. Сам Н.Черняев служил по ведомству могилевской казенной палаты советником с отцом графа Паскевича-Эриванского[12]. Высокое покровительство обеспечивало новоназначенцам первоначальный успех. Черняев даже добился увеличения сборов по Толочинской таможне с 79522 руб. в 1778—1782 гг. до 103735 руб. в 1784 г. и 98068 руб. в 1788 г.[13]

Особенное усердие по службе проявлял К.Гейден. Русские купцы, не обнаружив в нем "поползновения на их посулы" (очевидно, обыкновенные взятки. — ***Е.А.***), путь свой направили на толочинскую таможню" и тайные тропы. Гейден стал жаловаться на "усиленный проезд" разных лиц и игнорирование ими таможенной стражи. Объездчика Бокоповича "неизвестно кто прибил" в репнинской корчме, а объездчика Фримана местные мужики избили возле пирутинской корчмы. При поимке беглых крестьян с ворованными деньгами и вещами местные экономы "сильною рукою" отбивали задержанных, "чтоб объездчикам награждения не платить". Выгружаемый из-за опасных порогов на р.Двине товар обычно легко разворовывался и отсылался "неизвестно куда и кому угодно". Выставленный по реке военный санитарный кордон не оповещал о пойманных товарах. Офицеры представляли их на таможне с объявлением, что "половину на дороге утратили, а водку опять водою наполняли". Прибрежные помещики держали суда якобы для рыбной ловли и сбора бутового камня, а на деле — для потаенного провоза товаров. Полоцкий губернатор А.М.Лунин дал в помощь таможенникам эскадрон Смо-

---

[12] Летопись семьи Черняевых // Русский архив. М.,1909. Кн.1. С.180.
[13] РГАДА, ф.248, оп.55, д.4586, л.53.

ленского драгунского полка. Его офицеры отобрали у надзирателя ключи от рогаток и стали пропускать всех, кто не скупился на подарки[14]. Отстраненные от прямых функций таможенные чины обратились в отлучки и предались пьянству.

И хотя очередная ревизия (в 1785 г.) нашла состояние Полоцкой таможни "в порядке и без упущения", а могилевский губернский секретарь С.Беневоленский увидел, что в Толочине дела "производятся по инструкции"[15], однако директора таможенных дел тревожили генерал-прокурора Сената иными сообщениями. 3 марта 1784 г. усердные надзиратели поймали поречского купца П.Тарушкина с припрятанными 55 руб. серебром. Тот заявил, что взял деньги у некоего еврея по векселю, но сколько — "не знал". Шедший вместе с ним поп К.Мясников уверял, будто деньги им подброшены. Через две недели "в непристойном месте в штанах" белорусского шляхтича А.Богдановича нашли 85 руб. серебром. Витебский купец Берка Лейбович при преследовании бросил на дороге 4 анкера (бочки) французской водки. В сентябре 1784 г. вагмастер поймал 17 возов с французской водкой, принадлежавших вяземскому купцу П.Кононову, который их, якобы, "в глаза не видел".

В марте 1786 г. полоцкие объездчики обнаружили 4 анкера французской водки в доме полоцкого мещанина Меера Мовшовича. Последний нашел защиту в стенах казенной палаты, а она наказала объездчиков палками. В апреле 1786 г. торопецкие купцы Ц.Абакумов, С.Туфанов, А.Грудинский и шкловский еврей Гирш Янкелевич тайком провезли 80 возов, которые "где девались, неизвестно"[16]. Тогда же надсмотрщик И.Рубец поймал 14 бочек французской водки в лазовской корчме. Он хотел высечь арендатора Юдовича, но тот оправдался как крупный поставщик леса в Ригу. Некий Арон Лейзерович под видом валошской провез 13 акофтов французской водки в 1788 г. Секунд-майор М.Песьков потребовал пропустить в Польшу какого-то еврея без паспорта, "ибо нихто не будет знать, где он проезжал, а он (при поимке. — ***Е.А.***) может ска-

---

[14] *РГАДА, ф.1261, д.1478, л.1–8, 12.*

[15] *РГАДА, ф.1261, д.590, л.4; д.592, л.11, 14; д.593, л.70.*

[16] *РГАДА, ф.1261, оп.6, д.1481, л.1–3 об.; д.1489, л.13, 32.*

зать, что никогда в Польше не бывал". Рогачевский генерал-майор И.Хорват сам выдал билет арендатору Берку Янкелевичу на выезд за границу и требовал не оказывать тому задержки, хотя в то же самое время пограничный мельник Кирьянов усиленно и безуспешно просил разрешения "следовать в дер.Смычок для взятья там залетевших двенадцати гусей"[17].

Гейден представлял эти ему известные факты князю А.Вяземскому в доказательство усердия таможенной стражи и корыстности тех советников могилевского губернского правления, кому "кумовство и другие заведенные связи с здешними помещиками и начальниками всемерно тщатся способствовать и ходатайствовать у других немалых санктпетербургских господ". Чтобы скрыть процветающее казнокрадство и мздоимство, усердных объездчиков "без всякого разбора" избивали, преследовали, чем отвращали от рачительной службы. Полоцкая таможня в итоге оказалась настолько коррумпированной, что в 1789 г. под следствием состояла половина ее членов[18]. Однако доношения порядочного барона были названы "пустыми отговорками", и ему рекомендовали не окружать себя "дурными людьми".

На старательных таможенников надвинулись грозные тучи. 4 января 1788 г. помещик Копысского уезда Х.Жуковский донес упомянутому президенту коммерц-коллегии А.Р.Воронцову, что чины Толочинской таможни похищают 60 тыс.руб. пошлин, а в казну отдают едва 10 тыс. 24 января он добавил: управляющий имением Круглое (княгини Е.Дашковой) нажил целое состояние на контрабанде, стал продавать имущество, а это грозит банкротством и ему самому, и его высокой хозяйке[19]. Князь А.Воронцов, "видимо, не поверил" доносу, и Жуковский обратился к генерал-

---

[17] *РГАДА, ф.1261, оп.6, д.1444, л.10; д.1487, л.52.*

[18] *РГАДА, ф.1261, оп.6, д.1487, л.29 об.; д.1489, л.2 об.*

[19] *Круглое лежало на самой границе, вблизи Толочина. В своих мемуарах Е.Дашкова признавала, что неоднократно посещала имение "в уверенности, что буду сослана в Сибирь" (!) из-за злоупотреблений ее польского управляющего. Она даже заменила его русским из крестьян. (Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990. С.229, 255, 258—259 и др.)*

прокурору А.Вяземскому с тайным письмом, где писал: Н.Черняев с чинами Толочинской таможни из собираемых пошлин "9 частей кладут в карман, а 10-ю едва в казну". Доносчик утверждал, что Черняев явился к должности в одном платье, а ныне имеет доходу до 200 тыс.руб. и на такую же сумму имеет бриллиантов, сверх купленных деревень и каменных домов в Могилеве[20], занимается ввозом запретных товаров и французской водки.

А.Вяземский возложил на наместника П.Пассека тщательное расследование. Но оно осложнилось неожиданным происшествием. 6 ноября 1788 г. надзиратель будиловской дистанции поручик И.А.Дестерлау поспешил в местечко Островно Сенненского уезда, чтобы "выручить захваченные" земским исправником М.Войцеховским тайно провезенные на ярмарку товары и доставить их для ревизии на толочинскую таможню. По одной версии, 11 коп неклейменого швабского (голландского) полотна были найдены в лавке у витебского купца Герцеля Абрамовича, но наскочившая толпа из 100 евреев отбила товар, избив самого исправника с сотским[21]. По словам же поручика, Войцеховский обнаружил 18 коп полотна в доме у местного жителя Мовши Салмановича и запер лавку. Тогда Салманович вместе с глазомичским купцом и сенненским раввином Сарой Янкелевичем, копысским купцом Беркой Исраелевичем, шкловской мещанкой Хаской Гиршевичевой собрали в складку от торгующих евреев 200 руб. и вручили их Войцеховскому с нагольным тулупом и пудом кофе. Салманович в интересах продолжения торгов проживавшими у него зарубежными евреями добавил еще 390 руб., после чего земский исправник распечатал лавку и отпустил торговцев[22]. Когда Дестерлау явился на квартиру Войцеховского с требованием оказать ему содействие в общей ревизии ярмарки, здесь его назвали "конфедератом, шведом, бунтовщиком, мошенником и плутом". Дестерлау выхватил саблю, но исправник ударил его плетью, а его слуга "довольно потчевал всех моих объездчиков плетью". Затем

---

[20] *РГАДА, ф.248, оп.55, д.4586, л.2, 13—14.*

[21] *РГАДА, ф.248, оп.55, д.4586, л.29, 42—45.*

[22] *РГАДА, ф.248, оп.53, д.4420, л.369, 413, 426—427.*

Войцеховский вышел вон и кричал "на жидовского соцкого — собирай мужиков с дрекольем"[23]. В таком сопровождении поручика преследовали до рогатки, где и нанесли кровавые раны. Пролилась кровь государственного чина, который "без разбору ловил все, что мне попадалось"[24].

Поручик не унял своего усердия. 26 ноября 1788 г. "с польской стороны шпионы известили меня, что в Бешенковичах у евреев находится на немалую сумму товаров иностранных, которые намерены взять у них сенненские шляхтичи Ю. и М. Ловмянские для тайного провозу" в Шклов к Зоричу. Сенненские евреи Афроим Ицкович и Вольф Янкелевич за задаток в 755 руб. представили Дестерлау векселя и контракты на товар и известили о времени провоза каравана с полотном и водкою[25]. В декабре толочинские объездчики задержали в корчме д.Разбойна у арендатора Гирши Гомсиевича 2 анкера французской водки, тайно ввезенных шляхтичем М.Шеметом, но прибывший туда Войцеховский с помощью вооруженных кольями и цепами крестьян отбил и увез 4 бочонка[26]. Как писал Дестерлау Екатерине II, "злонравные и корыстолюбивые люди вознегодовали на меня за то, что я рачительным старанием моим пресек им дорогу к привезению запрещенных товаров"[27].

Упомянутый шляхтич Жуковский в июне 1789 г. предъявил в могилевскую уголовную палату контракты от сандомирского подчашего А.Заянчковского. Из них явствовало, что не менее 72-х евреев и 20-ти белорусских шляхтичей путем сговора тайно провезли 570 анкеров французской водки и вывезли 7846 бунтов пеньки, 28 бунтов пакли, 1103 куф масла. Бумаги имели нотариальные подписи, и их подлинность заверили купец Янкель Ицкович и его приказчик Лейба[28]. Уголовная палата определила, что в конце 1789-го — начале 1790 г. че-

---

[23] *РГАДА, ф.248, оп.53, д.4420, л.428 об.*

[24] *РГАДА, ф.248, оп.53, д.4420, л.312, 314.*

[25] *РГАДА, ф.243, оп.53, д.4420, л.471 об.*

[26] *РГАДА, ф.243, оп.55, д.4586, л.34 об., 38, 46.*

[27] *РГАДА, ф.243, оп.53, д.4420, л.300 (Письмо от 19 января 1790 г.)*

[28] *РГАДА, ф.243, оп.55, д.4586, л.83–86; оп.150, д.6597, часть 2, л.235 об., 241.*

тыре белорусских помещика через услуги 7 евреев-факторов и 25 арендаторов тайно вывезли 78330 пудов пеньки и 6138 пудов масла, утаив более 11 тыс.руб. пошлин[29]. И хотя таможенные чины заявляли на следствии, будто провоза не было, а для клеймения товара у них "нет штемпеля", однако Жуковский уверял, что они называли бочки полубочками, чистую пеньку писали паклей, делили с купцами половину утаенных пошлин, и вообще из-за их лихоимства в имении Круглое "амбары и гумны наполнены французскою водкою и другими потаенно провезенными товарами".

Толочинские таможенники не ломали голов в защиту своей чести и мундира. Надворный советник Я.Я.Доненберг, цолнер и коллежский асессор И.И.Козлов, кассир и коллежский регистратор Д.Х.Сесеман написали Екатерине II 22 мая 1789 г., что доносчик Жуковский вовсе не шляхтич, а простой крестьянин Жучок, наживший капитал торговлей пенькой, на который купил не только шляхетское достоинство, но и землю. И хотя у самого Доненберга нашли на 30 тыс.руб. бриллиантов, но таможенники пригрозили устами своего директора Н.Черняева мужику Жуковскому: мол, "из живого шкуру драть будут". В феврале 1790 г. Жуковского схватили "когда я (то есть Жуковский. — ***Е.А.***) вез улики.., содрали одежду, отвезли в Толочин, обули в колодки, а потом, как разбойника, провезли через Могилев с превеликою церемониею на возвышенных санях... следуя мимо окошек Денинберха и.., поставя меня на площади на поруганье народа пред присутствием всей (казенной палаты. — ***Е.А.***), держали на большом морозе более четырех часов, покамест из всего города мир не собрался, не позволив мне ни говорить, ни о невинности моей объясниться"[30]. На эту жалобу А.Вяземский отреагировал приказом наместнику П.Пассеку "войти в точнейшее рассмотрение" показаний таможенников.

Пользуясь этим, поручик Дестерлау в августе 1790 г. отписал императрице, что белорусские помещики платят ему по 5 и 10 руб. за каждого пойманного беглого крестьянина, что "некоторые здешние дворяне, а наиболее близ границы жи-

---

[29] РГАДА, ф.243, оп.62, д.5367, л.705–708, 716.
[30] РГАДА, ф.248, оп.53, д.4420, л.694, 705–706 об.

вущие, приобыкли пользоваться в провозе чрез границу тайно товаров.., что не был тот день, чтоб немалое количество краденых товаров и разных напитков от дворянских крестьян и евреев не было провезено", что он как "к обману иностранный дворянин не воспитанный" старался пресечь ночными дозорами и еще "держал шпионов из евреев". Однако на этом пути он встречал много недругов, поскольку "по всем судам заседают тех тайных провозщиков одноземцы, родственники, друзья и протчия какие свойственники"[31].

Норовистого поручика отправили на Рогачевскую таможню под команду К.Г.Таупрейна. В декабре 1789 г. Дестерлау не выпустил за границу комендантского лекаря Френта. Таупрейн выставил у окон Дестерлау вооруженный батальон и велел стрелять по всем выходящим из квартиры, а сам с пьяным майором Баскаковым и регистратором Малиновским ездил "сильным образом без осмотру в Польшу". Затем к осажденному явился майор М.Албичев с приказом от губернатора Н.Энгельгардта пропускать через пограничную рогатку всех подряд. Дестерлау же воспринял поручение прямо: стал проезжающих "осматривать донага, как-то раздевать, разувать и в экипажах внутри пороть, также оборачивать повозки"[32]. Комендант отнес эти "дурные вымыслы" поручика к причинам прекращения поездок иностранцев и росту цен на продукты в уезде. Дестерлау было велено не делать "побоев или вымогательства".

Однако строптивый поручик не унялся и повторил Екатерине II, что ее указы пресечь контрабанду и искоренить таможенные злоупотребления неосуществимы из-за страха "большей части здешних пограничных помещиков" быть изобличенными в тайном провозе товаров. "А для споспешествования сего, — писал он, — зделали все преступники денежную складку для подкупления судей, донощиков, ложных свидетелей, а что деньгами не могут делать, то употребляют хитрость, например, приводя к присяге крестьян, преступники научают их, что московская присяга ничего не значит. Для вящего же уверения призывают к присяге униатской веры

---

[31] *РГАДА, ф.248, оп.62, д.5363, л.543 об., 575–576.*

[32] *РГАДА, ф.258, оп.53, д.4420, л.478 об.*

крестьян, ибо здесь, в Белоруссии, везде по их религии униатских священников... достать можно"[33].

Недруги в конце концов одержали верх: Дестерлау самого раздели донага и заточили на гауптвахту. Таупрейн заявил: "То есть ево собственное желание". Однако заключенному удалось сообщить о своих чувствах сенатору А.Воронцову через отосланных в январе 1790 г. жену и детей. Воронцов с удивлением узнал от них об этих "чудных произшествиях". Он отписал Пассеку: "Ежели оставить без изследования такое злоупотребление и дозволить коменданту разгонять таможенную стражу, которая и без того не весьма избыточна, то лучше вовсе оную уничтожить и не обременять казну выдачею жалованья тем людям, коим должности исправлять возбраняют". От имени Сената Пассеку выразили неудовольствие тем, что, начиная с 1787 г., ни одно дело о контрабанде в белорусских наместничествах не было доведено до конца. Ему дали полгода на их завершение[34].

Плачевное состояние таможенного надзора на фоне отрицательного торгового сальдо империи, растущей бумажной эмиссии и денежных подделок требовало экстраординарных мер. Екатерининское окружение в 1788 г. вывело убытки казны из поставок значительных сумм золотом "через Польшу" в действующую за границей армию. Президент коммерц-коллегии А.Воронцов главную причину обесценения ассигнаций и торгового дисбаланса усмотрел в "потаенном чрез пограничные таможни провозе в большом количестве немецких и французских товаров", особенно вина[35].

Очередная комиссия "о средствах к отвращению дальнейшего упадка курса русских денег" в составе сенаторов А.Воронцова, Х.Миниха, М.Юсупова и П.Саймонова подала свои заключения в апреле 1789 г. Рассмотрев ведомости о пошлинных сборах за 5 лет (с 1783 г.) во всех смежных "с Польшей" таможнях, коммерц-коллегия рекомендовала царице запретить ввоз иностранных товаров. Ввиду отсутствия в

---

[33] РГАДА, ф.258, оп.53, д.4420, л.321 об.

[34] РГАДА, ф.248, оп.53, д.4420, л.353, 354, 759 (Указ 25 июня 1790 г.).

[35] Фирсов Н. Правительство и общество... С.115.

России соответствующих фабрик и дороговизны морских перевозок, без пошлин и клеймения разрешался ввоз венгерских вин, кос и "родящихся около Малороссии и Белорусских наместничеств в польских местах" пеньки, леса, мёда, воска, конопли, льняного масла, воловьих и сырых кож, хлеба, щетины, дёгтя, деревянной посуды, изюма, корицы, чернослива, винных ягод. Предлагалось в течение 2-х месяцев провести во всех (!) гостиных дворах и лавках империи генеральную ревизию товаров с их описью, клеймением и таким путем освидетельствовать правдивость таможенных ведомостей и выявить размеры контрабандного завоза. Более продолжительный срок ревизии считался неприемлемым, чтобы купцы не сделали "контрабанду по стачке". Для предотвращения подкупа таможенной стражи и соглашательства ее с купцами комиссия советовала отдавать доносителям все пойманные товары, а таможенным советникам давать по 500 руб. на каждую инспекционную поездку. Всех лавочников обязывали смотреть друг за другом под угрозой штрафа, отдачи в богадельни и битья кнутом "бес пощады"[36]. Это означало введение торгового протекционизма для пользы российских товаропроизводителей, поскольку сохранялся беспошлинный вывоз русских товаров.

Екатерина II утвердила предложения комиссии 26 июня 1789 г. в виде обширного указа из 18-ти пунктов. В его преамбуле говорилось: иностранные товары, ввозимые в Россию сухопутным путем, продаются дешевле против завозимых через морские порты, а это происходит от неплатежа пошлин, то есть "от потаенного оных в Россию провозу чрез пограничные места к великому ущербу таможенных доходов так и к сильному подрыву всех при портах и в других городах империи нашей торгующих", приводя, в свою очередь, к падению курса русских денег. С 10 сентября 1789 г. запрещался ввоз в империю через таможни Полоцкой, Могилевской, Киевской и Екатеринославской губерний алкогольных напитков, шелковых, шерстяных, бумажных материй и других предметов, кроме вышеперечисленных исключений. За поимку контрабанды доносчику отдавался весь пойманный товар с правом на его

---

[36] *РГАДА, ф.1261, оп.6, д.671, л.14—17 об., 23, 35—44, 60—65, 68-72.*

публичную продажу, только с обязательным клеймением и уплатой таможенных пошлин. Намечалось два раза в год во всех городах империи производить негласные обыски каждой ярмарки, всех гостиных дворов и торговых лавок для поимки неклейменых товаров (в губернских городах — под присмотром двух членов казенной палаты и двух членов управы благочиния, а в уездных — под контролем городничего и двух членов магистрата)[37].

Канцлер А.Безбородко в тот же день рекомендовал выполнить показательный арест неявленных в таможнях товаров в Москве и Петербурге. Соответствующее предписание всем генерал-губернаторам императрица подписала 21 июля 1789 г. В этот момент московское купечество попыталось предотвратить беду и через московского градоначальника П.Д.Еропкина потребовало запретить белорусским евреям запись в купечество и мещанство внутренних городов России. Екатерина II поручила 4 сентября 1789 г. П.Еропкину опечатать и заклеймить иностранные товары в Москве с их конфискацией. Правда, на первый раз неклейменые товары освобождались от ареста, а если хозяева доказывали уплату пошлин, то им не угрожала вторичная конфискация[38].

Понуждаемый к скорому окончанию дел по таможенной части П.Пассек решился на крайние меры. По его настоянию 26 января 1790 г. уголовная палата Полоцкого наместничества отстранила витебского исправника И.Микошу от должности за выдачу мещанину Симону Гиршановичу подложного аттестата, которым тот воспользовался для тайного ввоза французской водки[39]. Этот прецедент сама императрица развила в правило. 22 июня 1790 г. она велела Пассеку, "дабы запрещенные провозы из-за границы товаров отвращены и вовсе пресечены были", неукоснительно смотреть, что если кто "из помещиков и мещан приличится в участии в подобных провозах, оные не токмо не были бы выбираемы ни в какия должности, но и исключалися бы из права быть в собрании для выборов". Ека-

---

[37] *РГАДА, ф.248, оп.55, д.4586, л.105–106, 109 об., 113 об.; оп.53, д.4420, л.199.*

[38] *РГАДА, ф.248, оп.53, д.4420, л.245.*

[39] *РГАДА, ф.248, оп.62, д.5367, л.770, 778.*

терина поручила немедля завершить расследование по Толочинской таможне, отрешив от должностей всех, кто не оправдается по уликам. С самой границы были сняты охранные цепи Рижского карабинерного полка, чьи солдаты больше упражнялись в сенокошении, а не ловле контрабандистов. Узнав о пропуске Пассеком по просьбе могилевского кагала через Толочин еврейских духовных книг, царица приметила, что подобный товар совсем не значится в указе 26 июня 1789 г. и, следовательно, не подлежит ввозу. "Касательно же еврейских духовных книг, судя по знатному числу в Белоруссии еврейского народа, удобнее дозволить учредить там типографию с надлежащим наблюдением для подобных заведений"[40], — писала она.

Царские запреты понимались и проводились в жизнь буквально в качестве привычного, легкого и быстрого лекарства от утомительной волокиты при разрешении сложных экономических проблем. Таможенные чины — Н.Черняев, И.Дестерлау — были освобождены от подозрений. М.Войцеховского и ряд заседателей уездных судов Могилевской губернии лишили чинов, прогнали со службы и выборных должностей с запретом впредь участвовать в дворянских собраниях. Царица подвергла опале К.Таупрейна и президента уголовной палаты Могилевской губернии Ф.Энгельгардта — брата губернатора. Над замешанными в контрабанде полоцким купцом Абелем Лейзеровичем, приказчиком шкловского купца Мовши Ицковича Ицкой Лейбовичем, приказчиком Гершена Марковича Шмуйлой Мовшовичем, оршанским мещанином Лейбой Ицковичем, арендаторами и купцами Лейбой Янкелевичем, Янкелем Юдовичем нависла угроза участи раввина Сары Якубовича, высеченного плетьми в присутствии тех, кто участвовал в подкупе Войцеховского. Герцеля Абрамовича также выпороли плетьми за хранение неклейменых товаров[41].

Евреи пробовали воззвать к милосердию и 7 сентября

---

[40] *РГАДА, ф.1261, оп.6, д.711, л.3, 4–5, ф.248; оп.53, д.4420, л.725, 727.*

[41] *РГАДА, ф.248, оп.62, д.5378, л.953, 968; оп.53, д.4420, л.550—551. (Приговоры вынесены 8 октября 1790 г., 21 января и 21 февраля 1793 г.)*

1790 г. просили даже разрешения записаться в смоленское и московское купечество. Граф А.Воронцов как управляющий торговым ведомством России не видел в сем "никакой пользы", поскольку не сомневался, что контрабандные товары, монеты и ассигнации провозят именно евреи[42]. Это же прошение рассматривалось на царском совете 7 октября 1790 г. в присутствии 7-ми человек: А.Чернышева, А.Воронцова, П.Завадовского, С.Строганова, Х.Миниха, А.Безбородко и самой царицы. Детали конференции покрыты тайной, но часть ее приоткрывает особое мнение А.Р.Воронцова. Евреи, отмечал он, "не имеют законного основания записываться в купечество внутренних русских городов и портов, но могут пользоваться правом гражданства и жительства в Белоруссии и что сие право можно бы еще разпостранить и на наместничества Екатеринославское и Таврическое"[43].

Интересна эта кардинальная формула: граф А.Воронцов ссылался на предыдущие законы или указы, где прямо не утверждалось о запрете евреям проживать в коренной России. И само ходатайство, и ответ на него царского сановника ясно говорят: с момента присоединения в 1772 г. евреев терпели исключительно в пределах (черте) белорусских губерний и не давали полных прав граждан империи до времени полной унификации присоединенной территории. Да и главнокомандующий Москвы П.Еропкин вскоре сообщил, что в московские купцы записались только могилевские жители Г.Янкелевич (в 1788 г.), Г.Шефтелев (1789 г.) и кёнигсбергский купец М.Мендель (1789 г.)[44]. Их вычеркнули из городских списков и дали 8 месяцев на продажу имущества. 9 ноября 1793 г. они просили Екатерину II права приезжать во внутренние города России для торгов в качестве иногородних гостей. Сенат 20 декабря отказал им, указав, что пользоваться правом гражданства им следует в городах прописки.

Три еврея не представляли такой угрозы, из-за которой предстояло периодически останавливать всю внутреннюю тор-

---

[42] *Голицын Н. История русского законодательства... С.137–138.*

[43] *АВПРИ, ф.5, д.591, часть 2, л.166.*

[44] *АВПРИ, ф.5, д.591, часть 2, л.803 об., 816 об. (Справка от 6 марта 1792 г.)*

говлю обширной империи арестом и клеймением запрещенных товаров. Для этого требовались ангельской породы ревизоры. Таких не было. Лишение избирательных прав и изгнание с должностей чиновников и судей по выборам дворян грозили недовольством помещиков, игнорированием ими самих выборов и остановкой судопроизводства. Приблизительно такие мотивы руководили Екатериной II, когда она 23 декабря 1791 г. подписала знаменитый указ о том, что право "гражданства и мещанства" предоставляется евреям только в белорусских губерниях, Екатеринославском наместничестве и Таврической области. Так окончательно была подведена черта под негласным запретом евреям водворяться для жительства и торговли за пределами указанных территорий. Так было положено начало существованию "черты еврейской оседлости".

Сами евреи сознавали предвзятость происшедшего. В прошении от 30 сентября 1792 г. на имя царицы белорусские евреи с горечью вылили обиду на свою безвинную участь, когда они одни оказались преступниками "не зная преступления, ниже притчин, без суда, без обличения и различия всех тайнопроизводителей, в числе коем находится и небездостаточное дворянство, которое, однако, равному теперь подлежит наказанию как торгующие..."[45]

Сами потерпевшие первыми определили социальный облик и вполне галантно вынесли приговор продворянскому изобретению екатерининского окружения. У евреев бывшей Белорусской синагоги были основания скорбеть с забвения Като (так называли Екатерину II в обществе Вольтера) обещанного безразличия "к закону и народу". Гражданское равноправие было невозможно в государстве и обществе, где элементарные человеческие права не гарантировала даже прихоть всемогущего монарха.

---

[45] *РГАДА, ф.1239, оп.3, д.62412, л.1 об. – 2 об.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЛИ ЕВРЕИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Задолго до присоединения белорусских земель к Российской империи здешние евреи находились в двойственном положении. Прежде всего, они были пришельцами, отягощенными многовековой травлей и клеймом презренных людей. Они поселялись там, где им оказывали покровительство и где больше всего нуждались в их посреднических и коммерческих услугах. Поэтому они сразу занимали отведенное себе социальное место, и неудивительно, что земледелием занимались по мере получения городских усадеб или клочков угодий возле придорожных корчем. Полученный патронат замыкал их жизнь рамками автономных территориальных общин с их взаимными спорами, солидарностью в случае опасности и подавлением конкурентов среди своих же единоплеменников. Экономический прагматизм фаворитов и прозелитов соседствовал с религиозной нетерпимостью в повседневном быту. С евреями расправлялись по любому загадочному поводу, во всяком удобном случае или по организованным кампаниям фанатиков господствовавшего правоверия.

Их вынужденно, в силу необходимости, терпели и одновременно ненавидели. Они молили о забвении и безвестности, но многовековая неприязнь к ним прорывалась кровавыми расправами. Единичные наветы превращались в масштабные акции, которые в сумме не уступают печально знаменитым погромам XIX века. В период подготовки разделов Речи Посполитой они оказались меж двух огней: и воинственная Россия, и вооруженные конфедераты нуждались в еврейских жертвах и деньгах. Но евреям не доверяли обе стороны, а их нейтралитет был равнозначен измене. Можно только предположить, что из страха быть обиженными евреи в своей массе не вмешивались в эти разборки. Но они сразу же заявили о

своем нетерпимом положении в ВКЛ новым властям из надежды на улучшение, на коренную реорганизацию унизительного положения и общественного статуса.

Они вошли в новое подданство при нажитых правах. Но сразу же разочаровались в своих надеждах: нестерпимые оковы не спали, бесславные права им подтвердили. Евреи с 1772 г. сохранили прежнее двойственное состояние обособленной социальной группы. Стараниями кагального раввината кагал был превращен в полицейско-фискальный придаток царской бюрократии, а последняя старалась вооруженной рукой поддерживать его всесилие, контролировать движение и численность налогоплательщиков, мирить враждующие фракции. Сама русская власть не отваживалась на радикальные изменения: желание полной ассимиляции евреев упиралось в консервативно-охранительные начала ее же политики на присоединенных землях. Поэтому законодательная и административная власть металась между желаемым уравнением и беспокойством за их последствия. Отсюда проистекали шарахания и смутность всей политики самодержавия в еврейском вопросе. А еврейские души трепетали от самодурства своих хозяев и законодательной моды, подобных капризам погоды.

Начиная с 1772 г. еврейским законодательством двигал не четкий план преобразователей, а конъюнктура и личное благоволение императрицы Екатерины II. Двусмысленность явно устраивала обе стороны: еврейство сохраняло кагальную автономию, групповую самодеятельность и обрядовую самобытность, власть же могла свалить общественный гнев или собственную недальновидность на сподручных "жидов".

Общинная автономия евреев с унаследованным общественным мнением и отдельным законодательством делала их самостоятельной социальной группой, вроде сословия. Но губернская реформа 1775 г., которая вводила общесословные органы управления, обошла вниманием еврейскую самостоятельность. Они сохраняли статус инородцев на присоединенной территории, на них в действительности не простиралась обещанное уравнение в гражданских правах с остальными российскими подданными. Поэтому евреи воспользовались первой минутой милосердия, оказанного им в 1779 г. разре-

шением записаться в городское купечество и мещанство.

Местное дворянство овладело большинством открытых учреждений и постаралось не допустить к выборным должностям лиц без права владения крепостными крестьянами. Внутри самой России заселение городов целиком определяла позиция дворянства, владевшего капитáлистыми крестьянами. В Белоруссии только шляхта и евреи пользовались свободой передвижения, но преимущественно евреи занимались торговыми оборотами, ибо торговля претила шляхетскому званию и гонору. Поэтому в самодержавном государстве урбанизация могла произойти либо в виде спланированной акции, по указу, либо стихийно, что было равнозначно стихийному бедствию. Разрешенная запись открывала городские ворота именно еврейству, и в первую очередь купеческому. Но высочайший дозвол натыкался на многовековую неприязнь христианских верхов городов, не желавших терпеть на лавках городского самоуправления ненавистных "жидов". В итоге, создался буквально неразрешимый конфликт.

Евреи белорусских губерний уравнивались в городских правах с остальными обывателями, но без официального разрешения на запись в кореннорусские города. Они обретали урезанные избирательные права исключительно в границах новосозданных губерний, и эти куцые свободы им еще больше урезали в ходе регулирования прописки и концентрации. К городским выборам и должностям евреев допустили по официальной квоте, по имущественному цензу, в виде исключения. Запись в купечество и мещанство расколола само еврейство. Большинство евреев оказалось неимущим и только формально числилось в обывательских списках мещан, что позволяло выталкивать их назад, в сельскую местность. Полученными свободами воспользовалась буквально кучка зажиточных евреев-купцов — не без ограбления общинных касс кагалов.

Городская реформа начиналась и сопровождалась заботой панов-шляхты о сохранении за собой монополии на винокурение и лишении ее городов. Однако магистраты получили такое право в 1773 г. и постарались закрепить его изгнанием евреев с доходных источников. Дворянство мыслило масшта-

бами империи и старалось не спровоцировать уход крепостных-рекрутов в "вольные" города. Местное, белорусское дворянство состояло из собственно русских помещиков, чиновников и той горстки прежней шляхты-панов, которые получили доступ в русское дворянство. Белорусское дворянство сохранило свою древнюю пропинацию под видом устранения конкуренции городов, путем лишения их древних привилегий. Помещики отстояли свою привилегию и спровоцировали христианские верхи городов на аналогичные действия в отношении евреев: их выталкивали с насиженных усадеб, конфисковывали и сносили жилье.

Официально разрешенное городоустройство превратилось в очередное гонительство. Евреи сами не отличали нового подданства ("гражданства") от утеснения прежних лет польского правления. Ход реализации губернской реформы как бы в миниатюре выработал те формы дискриминации, что позже были официально узаконены в качестве постоянных ограничений и стеснений. Помимо конкурентной борьбы вокруг винокурения помещиков и городов, дворянство удручала угроза приобретения их имений теми чиновниками и купцами, которые могли сделать покупки по выборной должности либо по записи в купечество. Это малоизвестный мотив. Однако запись в органы городского самоуправления как раз открывала перед евреями подобную перспективу, не говоря уже о реальных фактах обеспечения займов на разоренных и просроченных имениях с помощью еврейского кредита. Продворянская элита империи, естественно, встала на оборону сословной чистоты и целостности дворянских преимуществ, незыблемости помещичьего землевладения в целом и в Белоруссии в частности. Евреи были тут не ко двору, так же как и на пространстве всей империи.

В борьбе за незыблемость монополии землевладения и винокурения, недопущение в эти святые сферы так называемых конкурентов особое место занимают мотивы эксплуатации крестьян, представлявшие торгово-посредническую деятельность евреев вредоносной и нежелательной для внутренних губерний России. Образ опасного конкурента-врага еврея был сплетен равными стараниями дворян, городских верхов и

самого государства, одинаково озабоченных сохранением сословного устройства, где евреям причиталась традиционная роль изгоев и виновников социальных бед, зол, роста цен, нищеты крестьян и т.п. Эти санитарные меры сознательно планировались еще до занятия края, также официально включенного в состав империи "навечно". Следовательно, неофициально навсегда с 1772 г. самодержавные власти отказывались допускать евреев вглубь России. Делалось это под предлогом разорительности вольного винокурения для казны и русских дворян, но подобное соображение опиралось на многовековую традицию. Неофициально проживание евреев разрешалось исключительно в рамках новообразованных белорусских губерний, но объявить их чертой оседлости одновременно с провозглашением уравнения присоединенных жителей с собственными подданными власти не решились.

Поэтому официальный указ о введений черты оседлости, о названии таковой губерний, уже состоящих на фактическом положении особого территориального гетто, специфической и тщательно охраняемой территориальной зоны, мог выйти только в связи с факторами, которые лишь подогревали религиозные симпатии. Условно их можно объединить в меры торгового протекционизма для расцветшего дворянского предпринимательства России.

"Золотое правление" Екатерины II поражало современников своей финансовой стабильностью. Это благополучие на деле обеспечивалось прогрессирующим выпуском ассигнаций и растущими внешними займами. Бюджетный дефицит покрывался новыми эмиссиями и заимствованиями. Начиная с 1779 г. государственный долг различные экспертные комиссии объясняли наводнением внутреннего рынка фальшивыми деньгами и дешевым импортом. Транзитное положение белорусских губерний благоприятствовало процветанию тут контрабанды, на которой наживались и чиновники, и таможенники. Губительное для казны зло обрело, таким образом, четкое территориальное направление: белорусские таможни, белорусские посредники, главным образом, евреи-купцы.

Шумное расследование ввоза запрещенных ассигнаций владельцем Шклова С.Зоричем было засекречено и прекра-

щено, поскольку и чиновники, и дворяне с размахом закладывали свои имения, продавали и покупали крепостных в ущерб казне, не без обмана и подложных денег. Евреи были названы если не главными изготовителями фальшивых ассигнаций, то самыми их активными распространителями, а следовательно, и главной угрозой как финансовой стабильности, так и неприкосновенности дворянских имений. Поиск подпольных злоумышленников был бесконечен уже потому, что государственный печатный станок работал бесперебойно, а вексельные операции с зарубежной звонкой монетой совершались вполне разрешенно. Наконец, с начала организации белорусских губерний транзит товаров не облагался пошлинами или носил щадящий характер в интересах самой казны и русского купечества.

Торговый дисбаланс империи стал, в результате, ключевым пунктом обвинения коммерсантов в контрабандной и демпинговой торговле. Принято считать, что закрытие доступа евреям внутрь России исходило от московских купцов из их конкурентных побуждений. Это жалкая часть действительности, причем явно искаженная и сфальсифицированная. Как будто вдохновители запрета оберегали российский рынок товаропроизводителей от недобросовестных соперников. Однако подлинно свободной конкуренции не могло быть в тогдашней России и в пределах всей империи. Вплоть до 1790 г. власти не интересовались масштабами проникновения евреев ни в поры российского рынка, ни в списки горожан. В силу неофициального запрета, его просто не могло быть. Нет доказательных цифр и фактов, которые бы свидетельствовали о таком проникновении, о таком овладении евреями сферами русской экономики, что позволяло бы им разрушить ее преднамеренной диверсией или подложными операциями.

Наоборот, сами власти в 1789—1790 гг. собирались останавливать торговлю периодическими облавами и ревизиями. Именно это не устраивало русское купечество. Мероприятие было признано бесплодным и в придворном окружении царицы. Московское купечество лишь воспользовалось удачным моментом и привычным наветом на зловредных евреев. Однако ничтожная горстка записанных в купечество столичных

городов евреев показывала, что инородцы не представляют никакой опасности для глубинной России. Поэтому тщетно выделять из ходатайства московских купцов мотивы религиозной нетерпимости или конкурентной борьбы. Проще оказалось разрубить гордиев узел сложносплетенных экономических проблем административным запретом, взвалив ответственность на злополучных евреев. Указ 1791 г. официально узаконил запрет евреям Белоруссии покидать границы присоединенных губерний.

Указ 1791 г. публично огласил черту оседлости. Он логически вписывается в вековую дискриминацию евреев, но может быть назван производным покровительства российскому (преимущественно дворянскому) предпринимательству.

Наконец, этот указ продиктовал и страх перед проникновением в империю заразительных идей французской революции. Недаром в это время власти активно вводят цензуру, а в список запрещенных товаров попадают еврейские духовные книги.

Все прелести гражданского бесправия евреев были выработаны и аккумулированы данным указом. В начале XIX века черту оседлости расширили до рамок 15 губерний: Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Черниговской.

Вся последующая история наполнена сиюминутными и лихорадочными потугами царизма реформировать еврейский вопрос при сохранении черты оседлости. Она пала вместе с создавшим ее режимом. Черта оседлости была ликвидирована 20 марта (по старому стилю, или 2 апреля) 1917 года. Честь ее уничтожения принадлежит Временному правительству. Честь ее местоположения принадлежит белорусской территории.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

№ 738238

5

ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АССИГНАЦИИ ПЛАТИТЪ АССИГНАЦИОННЫЙ БАНКЪ ПЯТЬ РУБЛЕЙ ХОДЯЧЕЮ МОНЕТОЮ 1792 ГОДА. ПЯТЬ

Др. 5.

№ 738238 № 738238

Ассигнация 5-рублевого достоинства - лакомство фальшивомонетчиков

Синагога в Шклове

Граф
Семен Гаврилович Зорич -
его баловала и не щадила
судьба

Граф
Александр Романович Воронцов,
президент коммерц-коллегии

Белорусский наместник
граф
Захар Григорьевич
Чернышев

Екатерина Романовна Дашкова,
владелица имения Круглое

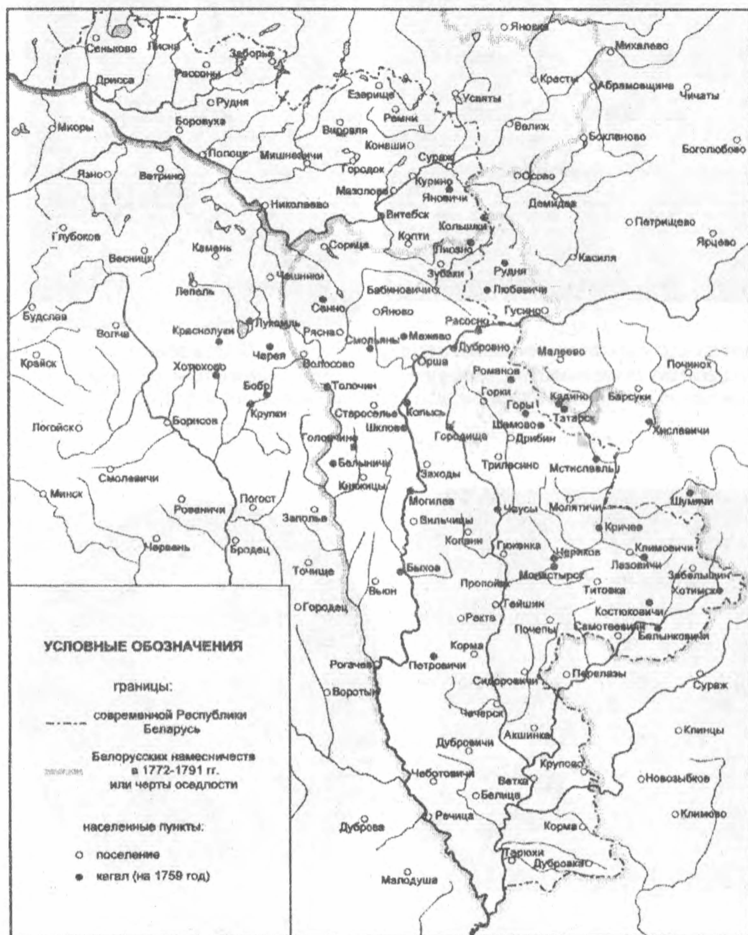
Граф
Александр Николаевич Самойлов-
один из советников царицы

Императрица Екатерина II
Вольтерьянцы
называли ее Като

Канцлер Граф
Александр Андреевич
Безбородко -
двигал тайными интригами
двора Екатерины II

Князь
Григорий Александрович
Потемкин -
могущественный фаворит

АРЕАЛ БЕЛОРУССКОЙ СИНАГОГИ В XVIII ВЕКЕ



СОДЕРЖАНИЕ

Е.К.Анищенко

ЧЕРТА ОСЕДЛОСТИ
(Белорусская синагога в царствование Екатерины II)

Литературный редактор: Н.Ф.Крицкая
Технический редактор, дизайн обложки: О.И.Жук
Картограф: О.Н.Сарока

Изд.лиц. ЛВ № 199 от 27.02.1998 г.
Сдано в набор 1.03.1998 г. Подписано в печать 8.05.1998 г.
Уч.-изд. л. 8. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура “HelvDL”. Тираж 500 экз. Зак. № 03.

Отпечатано в ПКП “Арти-Фекс”,
лицензия ЛП 180 от 5.01.1998 г.,
220072, г.Минск, ул.Ф.Скорины, 1-130.
Тел/факс (017) 284-02-20.